Содержание

ВВЕДЕНИЕ **4**

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ВОЕННОГО ДИСКУРСА И ЕГО ПРАКТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ **14**

1.1. Основные понятия 14
1.1.1. Дискурс *14*
1.1.2. Коммерциализация дискурса *19*
1.1.3. Критический анализ дискурса *21*
1.2. Теоретический фундамент исследования 24
1.2.1. Философские основания *24*
1.2.2. Социально-психологические основания *27*
1.3. Подходы к критическому анализу дискурса 30
1.3.1. Французская школа анализа дискурса *32*
1.3.2. Критическая лингвистика *33*
1.3.3. Социальная семиотика *34*
1.3.4. Британская школа анализа дискурса *36*
1.3.5. Социокогнитивный подход *37*
1.3.6. Венская школа анализа дискурса *38*
1.3.7. Интерпретативный анализ *40*
1.3.8. Немецкая школа дискурс-анализа *41*
1.3.9. Финская школа дискурс-анализа *43*
1.4. Ориентирование сознания 44
1.4.1. Манипулятивное воздействие *44*
1.4.2. Идеологическое воздействие *53*
1.5. Выводы 62

ГЛАВА 2. МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ВОЕННОГО ДИСКУРСА **64**

2.1. Общие положения 64
2.2. Анализ корпуса дискурсов 66
2.2.1. Анализ микроструктуры *67*
2.2.2. Макроструктура военного дискурса *77*
2.2.3. Языковой и неязыковой контекст *79*
2.3. Обобщающий анализ военного дискурса 81
2.3.1. Средства воздействия на микроуровне *81*
2.3.2. Воздействие на макроуровне *112*
2.3.3. Обобщающее описание военного дискурса *121*
2.4. Языковые особенности результатов воздействия военного дискурса 126
2.4.1. Общая характеристика опроса *126*
2.4.2. Цели и задачи опроса *127*

2.4.3. Результаты анкетирования *128*
2.5. Выводы..... 144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 146
СПИСОК ОСНОВНОЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 148
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. БАЗА ДАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯ 163
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СТАТЬЯ «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ…» 209
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. АНКЕТА-ОПРОС 211

Введение

Язык нередко становился ареной политической и социальной борьбы, выступая не только как фактор культурной дистанции, но и как инструмент социального и концептуального конструирования.

И. Семенов (2001: 6)

Межнациональные столкновения конца XX — начала XXI вв., вышедшие из-под контроля в Нагорном Карабахе, Северной Осетии, Абхазии и Югославии, обнажили не только грани новой роли СМИ в обществе, но и роль языка и дискурса в вооруженном противостоянии. Северокавказский конфликт, ставший одним из первых достоянием широкой общественности не только в России, но и за ее пределами, в очередной раз продемонстрировал неограниченные возможности языковых средств в создании и распространении этнических предубеждений, в построении различных версий действительности, а также в ориентировании общественного сознания.

«Ученые озадачены и обеспокоены опасностью распространения этноконфликтных образов и идей через прессу, радио и ТВ, а также распространением различных фобий — мигрантофобии, кавказофобии, цыганофобии, мусульманофобии, русофобии и т.д.» (Малькова 2001: 79). В этой связи, несмотря на то, что дискурс СМИ в целом и прессы в частности в последнее время привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, высказывание В.Г. Костомарова относительно «недостаточной степени изученности и системной разработки языковой стороны газеты» (Костомаров 1971: 11) не утратило своей актуальности.

Отношение читательской аудитории к сторонам, вовлеченным в конфликт, и к самому конфликту часто зависит от первых оценок и мнений, от тех версий событий, которые первыми попадали в средства массовой коммуникации. Поэтому тезис Ильи Семенова, приведенный в эпиграфе, актуален не только в смысле дискурсивного воспроизводства различных

версий социальной действительности и новых этносоциальных концептов, но и с точки зрения перехода языка и дискурса в разряд средств достижения социального доминирования.

Особенно четко такой переход прослеживается в дискурсе о межнациональных, межэтнических конфликтах, нередко перерастающих в военные действия. Неслучаен также особенный интерес СМИ к событиям подобного рода: телевидение, пресса и радио не только освещают, но и порой предвосхищают конфликт, даже подготавливают почву для эскалации различных противостояний (Тишков 1999). Поэтому исследование особенностей дискурса СМИ о конфликтных ситуациях не только важно по междисциплинарному, комплексному подходу к изучаемому предмету, а даже необходимо на рубеже веков и тысячелетий, в условиях революционного развития новых информационных технологий, в эпоху информации и информационных войн.

Объектом настоящего исследования послужила речевая коммуникация. ***Предметом*** работы является языковое общение по макротеме «война», протекающее в рамках особой деятельности по созданию текстов новостей, в процессе которой конституируются различные дискурсивные версии действительности, социально-когнитивные феномены: суждения, убеждения и предубеждения.

Целью данного диссертационного исследования является критический дискурс-анализ текстов СМИ, конституирования социальных реалий и коллективных установок в этих текстах на материале дискурса прессы о северокавказском конфликте 1998 — 2000 гг. Уточним, что цель работы не охватывает выявление источника предубежденных мнений. С одной стороны, они реализуются в военном дискурсе СМИ и внедряются в массовое сознание, а с другой, они присутствуют и в массовом сознании, чем нередко пользуются СМИ при создании своего информационного продукта. Поэтому корректнее говорить лишь о динамике развития предрассудков. В задачи работы не входит исследование проблем нейролингвистического

программирования, суггестивной лингвистики и фоносемантики (которые учитываются, но не используются в качестве самостоятельный подходов).

Хотелось бы также пояснить, что проблема анализа дискурса СМИ о войне тесно связана с институтами пропаганды, идеологии, информационной войны и манипуляции общественным сознанием. Они натурализуются в дискурсе как основной социальной практике, являясь «основой социальных практик ... и влияя на них» (Dijk 2000: 4)*. Следовательно, при анализе дискурса прессы недостаточно структурного (Скипин 1999) или лингвостилистического анализа (Стилистика газетных жанров 1981), так как дискурс не только текстовая структура, а сложное коммуникативное явление, которое включает социальный контекст (представления об участниках массовой коммуникации и их характеристиках) и различные стратегии (лежат в основе производства новостей СМИ).

Дискурс о войне следует рассматривать лишь на междисциплинарном уровне. Возможность такого исследования предоставляется критическим анализом дискурса, который воплотил в себе и расширил исследовательское кредо о междисциплинарности — социальности и психологичности человеческой речи — сформулированное еще в середине XX века (Ф. де Соссюр 1977: 44-45; Бодуэн де Куртенэ 1963: 17).

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1) уточнение категориального аппарата исследования в рамках критического дискурс-анализа, а именно: *дискурс, критический анализ дискурса, идеология, пропаганда, манипуляция сознанием*;
2) анализ методологических, философских, социльно-психологических и других оснований исследования;
3) сравнение основных релевантных направлений и школ критического анализа дискурса как самостоятельной отрасли лингвистики;

* — здесь и далее по тексту работы перевод автора — И.Ж.

4) разработка комплексной методики анализа военного дискурса прессы;

5) системное изучение военного дискурса прессы, выявление структурных и функциональных особенностей данного типа дискурса: прагмалингвистический, социо-когнитивный анализ текстов СМИ, тематически связанных с войной на Северном Кавказе 1998-2000 гг.;

6) верификация основных результатов, полученных в ходе критического анализа военного дискурса; изучение результатов воздействия военного дискурса прессы: социально когнитивных реалий, языкового выражения предубеждений, существующих в массовом сознании;

7) систематизация материала, опубликованного в русской и германоязычной прессе, о конфликте на Северном Кавказе 1998-2000 гг.

Материалом данного исследования послужили дискурсы русско- и германоязычной прессы о северокавказском конфликте 1998-2000 гг., а именно: краткие новости, статьи и интервью, опубликованные печатными и электронными СМИ по данной теме, официальные заявления правительств, выступления политиков и военных. Источниками дискурсов послужили:

1. русскоязычные газеты: *«Аргументы и Факты», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Красная Звезда», «Московские Новости», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета», «Независимое Военное Обозрение», «Сегодня», «GAZETA.RU», «LENTA.RU»*;

2. англоязычные газеты: *“The Guardian Unlimited”, “Independent”, “The Times”, “The Los Angeles Times”, “The New-York Times”, “The New-York Post”, “Washington Post”, “The Chechen Times”*;

3. немецкоязычные газеты: *“Die Welt”, „Stern”, “Süddeutsche Zeitung”, “Neue Presse”, “Hamburger Morgenpost”, “Hannoversche Allgemeine Zeitung”, “Berliner Zeitung”, “Berliner Morgenpost”, “Kurier”*;

Корпус выборки охватывает 2875 статей, из них 1005 на немецком языке, 1111 — на английском и 769 на русском языке. Каталог дискурсов приведен в сокращенном варианте в Приложении 1: База данных исследования. Помимо историко-временного критерия выборки учитывалось и нахождение материала в открытом доступе. Настоящая диссертация не содержит материалов, доступ к которым по каким-либо причинам является или может быть ограниченным. В материалы данной работы также вошли данные, полученные в ходе анкетирования, проводившегося на этапе верификации результатов критического анализа военного дискурса СМИ: 181 заполненная информантами анкета.

Основным ***методом*** является критический дискурс-анализ. Методика, реализованная в настоящей диссертации, представляет собой синтез существующих методик анализа дискурса прессы, отобранных согласно целям и задачам работы. В зависимости от конкретного этапа анализа применялись: методы семантической и прагматической интерпретации, контент-анализа и интратекстуального анализа. На этапе верификации результатов критического дискурс-анализа использовалась методика проведения социологического опроса-анкетирования.

В результате исследования сформулированы и ***выносятся на защиту следующие теоретические положения***:

1) Военный дискурс трактуется как триединое явление, во-первых, раскрывающее предметную тему, связанную с концептом *война* («дискурс о войне»), во-вторых, опредмечивающее антагонизм субъектов дискурса («дискурс-война») и, в-третьих, конструирующее конкурирующие версии социальной действительности («война дискурсов»), отличающиеся оценочностью и возложением ответственности на определенную сторону конфликта.

2) Военный дискурс прессы характеризуется двумя основными функциями: ориентирующей и манипулятивной. В процессе освещения военных событий СМИ формируют дискурсивные версии действительности,

посредством которых задается программа, ориентирующая читательскую аудиторию. Дискурсивные версии действительности (вос)производят стереотипы и предубеждения. Под воздействием военного дискурса в массовом сознании россиян сформированы предубежденные мнения: «человек с Кавказа — терроризм», «Чечня, чеченцы — терроризм», а также ряд более радикальных предубежденных мнений.

3) Коммуникация по схеме «СМИ — реципиент» носит асимметричный характер: имеет место темпоральная и локальная разобщенность участников коммуникации, что ослабляет дискурсивную защиту массовой аудитории и открывает возможность манипулирования сознанием коллективного реципиента. Актуализуемая версия военной действительности и ее оценка пресуппозитивно принимаются на веру из-за недостаточного личного военного опыта аудитории и статуса источника информации.

4) В военном дискурсе прессы реализуется макростратегия легитимизации применения военной силы, в рамках которой военный дискурс характеризуется отбором языковых средств для особой номинации сторон конфликта, их действий, поляризации версии действительности по линиям коллективной — МЫ-ОНИ — и индивидуальной — Я-ТЫ, МЫ, ОНИ — поляризации.

5) Лингвистические особенности военного дискурса прессы заключаются: а) в особом функционировании ЛСП «война» (не зависит от состава МЫ-ГРУПП и ОНИ-ГРУПП); б) в использовании лексических ограничителей и эвфемизмов, выполняющих функции минимизации ответственности говорящего, сокрытия отношения к информации, защиты от ложных интерпретаций и др.; в) в преобладании лексических стилистических средств (идеологически оценочные эпитет, метонимия, метафора); г) в особенностях темпорального дейксиса (указание на предшествование агрессивных действий ОНИ-ГРУПП и — как следствие — ответной реакции МЫ-ГРУПП) и дейксиса дискурса (ссылки на неясный источник

информации, двойные ссылки, характеризующие степень интерпретации преподносимых данных); д) в структуре и приемах аргументации и контраргументации дискурсивных версий конфликта.

Научная новизна исследования заключается:

- в соотнесении языковых и структурных характеристик военного дискурса о севеокавказском конфликте 1998-2000 гг. с социальными и идеологическими условиями их производства;
- в совершенствовании имеющейся комплексной методики анализа военного дискурса (к исследованному материалу в настоящей форме метод критического анализа дискурса еще не использовался);
- в том, что социально значимые тексты, активно исследуемые философами и политологами, были подвергнуты лингвистическому анализу с современных интерпретативных позиций;
- в обращении к событиям на Северном Кавказе 1998-2000 гг.; данный временной срез конфликта до сих пор оставался вне поля зрения исследователей, работающих в рамках лингвистической прагматики, критической лингвистики и анализа дискурса;
- во введении понятия военного дискурса и его комплексном описании;
- в описании воздействия военного дискурса на основе стереотипов и предубеждений. В ряде лингвистических исследований начала 90-х годов XX в. такая идея была предложена (Quasthoff et al, 1978, 1989), но, к сожалению, не получив дальнейшего развития, так и осталась «программой развития критической лингвистики» (Menz 1989: 228)*;

Теоретическая значимость настоящего исследования исследования заключается в применении принципов социального конструкционизма к современной языковой действительности. Полученные результаты могут способствовать развитию: 1) критического анализа дискурса в целом и военного дискурса, в частности; 2) пониманию языковых механизмов

воздействия на тот или иной социум, процессов (вос)производства идеологии в конкурирующих дискурсах; 3) дальнейшему исследованию проблемы манипулятивного воздействия дискурса прессы на аудиторию, расширению научного познания по проблемам «язык и общество», «язык и культура», «язык и человек».

Языковые особенности дискурса прессы рассматриваются как продукт реализации интенции и субъективного замысла авторов газетного дискурса. Каждый коллективный автор развивает свой дискурс, по-своему трансформирует события действительности в газетное сообщение. Лингвистический анализ прессы как особого типа дискурса позволяет разрешить спорный вопрос функциональной лингвистики о существовании особого языка и стиля прессы. Для критического анализа дискурса стиль — лишь один из параметров, характеризующих дискурс. Следовательно, более корректно говорить о создании газетой своего языкового лица или версии социальной действительности.

Практическая ценность. Материалы и результаты исследования могут быть полезными при разработке теоретических курсов для факультетов иностранных языков, германской филологии, журналистики в университетах по проблемам информационной безопасности, стилистике германских языков, страноведению, герменевтике, социолингвистике, при составлении учебных пособий для работы с русско- и германоязычной прессой. Они могут найти применение на широком междисциплинарном уровне: в социологии, этносоциологии, этноконфликтологии, этнопсихологии. Предложенная методика выступает как инструмент выявления и прикладного изучения фактов разжигания межнациональной розни в различных типах дискурса.

В настоящей работе предпринимается попытка систематизировать материалы, опубликованные в русскоязычных и германоязычных СМИ о проблемах и событиях на Северном Кавказе 1998 — 2000 гг.

Основные ***результаты исследования*** были изложены в ряде выступлений на XXXVIII и XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 2000, 2001), Международном научном симпозиуме «Вторые Жуковские чтения» (НвГУ, Великий Новгород, 21-23 мая, 2001), научно-практической конференции «Средства массовой информации в современном мире» (СпбГУ, Санкт-Петербург, 25 апреля, 2001), международной межвузовской научно-практической конференция студентов и аспирантов «Психология XXI века» (СпбГУ, Санкт-Петербург, 12-14 апреля, 2001). Апробация результатов работы проводилась на заседаниях кафедры английской филологии, кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета, во время научной стажировки в Ганноверском университете, и в ряде публикаций в форме статей и тезисов к научным конференциям.

Структура работы имеет следующий вид. Она состоит из введения, двух глав, заключения, списка основной использованной литературы и трех приложений.

В первой главе кратко излагаются основные подходы к критическому анализу дискурса и теоретические основания работы, поясняются ключевые понятия, используемые в исследовании. Критический анализ дискурса рассматривается как самостоятельное лингвистическое направление, отвечающее критериям междиплинарности и комплексности подхода к исследуемым явлениям действительности. Рассматривается проблема ориентирования массового сознания с философской, этической и лингвистической точек зрения. Выделяются манипулятивное и идеологическое воздействие, рассматриваются их основные характеристики.

Во второй главе описывается комплексная методика и результаты анализа военного дискурса прессы, исследуются структурные, функциональные и стратегические характеристики военного дискурса, дается его обобщающее описание. Экспериментально изучаются результаты воздействия военного дискурса на читательскую аудиторию. Анализируются

данные, полученные в ходе анкетирования-опроса по выявлению языкового выражения этнических и др. предубеждений, тиражируемых СМИ в массовое сознание.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективные пути развития данного исследовательского направления.

В библиографическом списке приводится основная цитируемая литература по теме исследования.

В приложении 1 приводится база данных настоящего исследования в сокращенном виде, представляющая собой каталог исследованных публикаций русскоязычной и германоязычной прессы о северокавказском конфликте 1998-2000 гг.

В приложении 2 представлен иллюстративный материал к анализу третьей главы: опубликованная в Российской газете статья «Если враг не сдается…», которая была использована для демонстрации детального анализа военного дискурса.

В приложении 3 приводится форма, использованная при проведении анкетирования для проверки основных положений о военном дискурсе и его воздействии на массовое сознание.

Глава 1. Теоретико-методологические основания анализа военного дискурса и его практических функций

Критическая лингвистика и критический анализ дискурса имеют своей целью анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке.

Р. Водак (1997: 5)

1.1. Основные понятия

Понятия «*дискурс*», «*анализ дискурса*», «*критическая лингвистика*», «*критический анализ дискурса*», вошедшие в научный обиход отечественной лингвистики сравнительно недавно, трактуются сегодня в мировом языкознании далеко не однозначно. Прежде чем говорить об анализе военного дискурса прессы, необходимо рассмотреть ряд теоретических вопросов. Структура данной главы определяется следующими целями: дать определение основным терминам, использующимся в настоящем исследовании, представить теоретическую базу данной работы, осветить релевантные подходы (или школы) к критическому анализу дискурса, а также теоретические основания изучения его практических функций.

1.1.1. Дискурс

На протяжении последних 30 лет трактовка понятия «дискурс» значительно менялась. Если в 60-е гг. XX в. под ним понималась связанная и согласованная последовательность предложений или речевых актов, то, с современных позиций, дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее экстралингвистические факторы и когнитивные элементы (знания о мире, мнения), необходимые для его понимания.

Термин «дискурс» употребляется в современной науке в нескольких значениях и применительно к различным объектам. В значении «упорядоченной согласованной мысли», «предмета мысли» употребление «дискурса» восходит к латинскому «discursum», означающему «бегство к и

от» (Каптерев 1997). В англоязычной литературе «дискурс» обозначает контролируемый мыслительный процесс, результат которого «должен быть упорядочен таким образом, чтобы он мог логично вписываться в идейный контекст, будь то проповедь, научный трактат, речь или очерк» (Wodak 1989: 16)*. С другой стороны, «дискурс» обозначает устные формы коммуникации в противоположность письменным.

Нередки случаи взаимозаменяемого употребления терминов «текст» (как деятельность) и «дискурс», что не добавляет данным понятиям четкой терминологической соотнесенности. Текст является дискурсом, если его связи с действительностью могут быть восстановлены. Так, дискурсом можно назвать тексты современных словарей, книг, учебных пособий, газет и журналов. К древним же текстам термин «дискурс» неприменим, так как невозможно установить социально-исторический контекст создания таких тестов в достаточной степени.

Использование термина «дискурс» для описания типов мышления связывается с работами Мишеля Фуко (Foucault et al, 1973, 1999) 70-х гг. Постепенно «дискурс» становится новым членом введенной Фердинандом де Соссюром оппозиции langue-parole. Такой подход подразумевает конкретное проявление языка в противоположность языковой системе в целом. В 80-е гг. считается, что «дискурс не описывает мир, а формирует его, является сутью познания и самовыражения» (Knoblauch, Brannon 1984: 60)*.

В современной лингвистике принято различать формальный и функциональный подходы к определению дискурса. С позиций формального языкознания, дискурс понимается как «язык выше/сверх уровня предложения» “language beyond the sentence” (Tannen 1999: 2)*. Аналогичный подход, предложенный Д. Шифрин — “language above the sentence or...” — (Schiffrin 1994: 30)*, описывает М.Л. Макаров (Макаров 1998: 69).

Формальное определение дискурса находит свое отражение в ряде отечественных работ. Так, Г.А. Орлов рассматривает дискурс как категорию естественной речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого

произведения, относительно завершенного в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции) (Орлов 1991).

По В.Г. Борботько, дискурс это текст, состоящий из коммуникативных единиц языка, находящихся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование (Борботько 1989). При этом подчеркивается тот факт, что дискурс всегда может стать текстом, но не всякий текст дискурсом (Борботько 1998: 27). В.Н. Бабаян рассматривает дискурс и как процесс коммуникации (с учетом воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов), и как ее результат в виде фиксированного текста (Бабаян 1998).

Хотя идеи формального подхода, по мнению некоторых российских исследователей, прочно внедрены в европейскую лингвистическую традицию (Сусов 2000: 5), функциональный подход в последние десять лет получил особенно широкое распространение в Европе и России. С позиций функционально ориентированной лингвистики, дискурс — это любое употребление языка — “any language use” (Brown, Yule 1983: 2)*. В таком функциональном ключе выполнены работы представителей Тверской семантико-прагматической школы: В.С. Григорьевой, М.Л. Макарова, Ю.Н. Варзонина, А.А. Богатырёва, Н.А. Коминой, С.А. Аристова, а также докторские диссертации А.А. Романова, С.А. Сухих, М.Л. Макарова, Л.Г. Васильева (Сусов 1999).

В лингвистической литературе описывается формально-функциональный вариант определения дискурса, предложенный Д. Шифрин: «дискурс как высказывание» — “discourse as utterance” (Макаров 1998). Такой подход указывает на то, что дискурс — это не просто набор формальных языковых единиц, «выше уровня предложения», а напротив, целостный набор функционально организованных единиц.

В работах, посвященных результатам исследований Т.А. ван Дейка 80-х годов (Дейк 1989; Dijk 1985, 1987), предлагается когнитивное определение

дискурса как основной составляющей социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — интересы и цели. Под дискурсом также понимается взаимодействие между языком и действительностью, которое обеспечивает миропонимание. Подчеркивая важность интерпретативной позиции, Т.А. ван Дейк пишет: «…значимой является не столько сама ситуация как таковая, сколько ее интерпретация или представление о ней у участников коммуникации...» (Дейк, Кинч 1988: 156).

Рассуждая о термине «интерпретация», Ф. Тилден в книге «Интерпретируя наше наследие» (Tilden 1957) отмечает важность точки зрения наблюдателя. При интерпретации дискурса необходимо учитывать, с одной стороны, двойственность его природы индивидуально-психического, а с другой стороны, социально-культурного феномена. Дискурс в новой концепции рассматривается как «социальная деятельность, протекающая в условиях реального мира» (Макаров 1997а: 37-39).

Наряду с определением концепта «дискурс», для исследования военного дискурса прессы необходимо определение реципиента — адресата дискурса как объекта речевого воздействия (Зернецкий et al, 1987, 1989). Под адресатом дискурса понимается «языковая личность с любой коммуникативной ролью (слушающий, читающий, посторонний слушающий, подслушивающий и т.п.), на которую автором дискурса сориентировано речевое воздействие или который случайно подвергается такому воздействию» (Зернецкий 1990: 61).

В определении дискурса важно учитывать и идеологическую составляющую, так как дискурс-анализ уделяет особое внимание изучению таких когнитивных явлений как знания, верования и представления, факт, истина и ошибка, мнение и оценка. Идеология и культура как макросоциальные феномены, как коллективные репрезентации действительности, воспроизводятся в дискурсе. Анализ идеологии можно осуществлять посредством дискурс-анализа (идеология выражается и воспроизводится в социальных практиках). В отличие от большинства социальных практик и семиотических кодов, свойства дискурса позволяют нам формулировать и

выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом. Члены социальных групп в процессе коммуникации напоминают новичкам и членам других групп о своей идеологии, тем самым защищая свои группы. Идеологическая социализация, таким образом, осуществляется в дискурсе.

Дискурс в широком смысле есть коммуникативное событие/действие, происходящее между адресантом и адресатом дискурса в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном, социальном и прочих контекстах. Это событие может быть речевым или письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры — обыденный разговор с другом, чтение газеты и т.п.

Наиболее абстрактный смысл понятия «дискурс» заключается в том, что оно относится к специфическому историческому периоду или целой культуре. Здесь можно говорить о дискурсе как о социальной формации, например, «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс» или «организационный дискурс». В этих же случаях — по аналогии с социологическими понятиями «социальная формация» или «социальный порядок» — говорят «дискурсивная формация» или «дискурсивный порядок» (Dijk 1998: 16)*.

Критический анализ дискурса рассматривает «дискурс» как одну из форм социальных практик. Это подразумевает диалектические отношения между определенным дискурсивным событием и конкретной ситуацией, социальным институтом, социальной структурой, которые «обрамляют» данное дискурсивное событие. Любые диалектические отношения всегда двусторонние. Дискурсивное событие не только формируется ситуациями, социальными институтами и структурами, но и, в свою очередь, формирует их. Говорят о конститутивной функции дискурса. Ситуации, объекты знаний, социальные особенности, отношения между людьми, социальными, этническими и национальными группами дискурсивно конституируются в процессе социальной интеракции.

Для настоящего исследования наиболее ценным представляется данное М.Л. Макаровым определение дискурса, как «*языкового общения с точки зрения как его формы, так и функций*» (Макаров 1998: 82), интегрированное с определением Р. Водак: «*дискурс — это социальное действие, погруженное в исторический контекст*» (Wodak 1999: 187)*, так как учитывается релевантность не только формально-функционального, но и социально-исторического (антропологического) подходов к исследованию этого феномена.

Несмотря на множество подходов и определений «дискурса», которые обычно приводятся в лингвистической литературе (И.П. Сусов приводит 9 различных определений дискурса (Сусов 1999: 177); Н.А. Комина выделяет шесть направлений (Комина 1999)), это понятие остается таким же расплывчатым, как понятия языка, общества, идеологии и т.п. Его постоянное расширение свидетельствует не только об отношении дискурса к так называемым лингвистическим универсалиям (linguistic universals), но и о многообразии подходов к исследованию этого сложного коммуникативного явления. Какими бы ни были различия в определении дискурса, их объединяет одно: дискурс есть речевое общение. Наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия зачастую становятся особенно популярными и «дискурс» — одно из них.

1.1.2. Коммерциализация дискурса

Активный интерес к дискурс-анализу как к лингвистическому направлению дополняется и усиливается ростом критического интереса к языку в современном обществе. Возросшая экономическая роль языка связана со смещением основного акцента промышленности с производства на потребление. Структуры власти и финансовые элиты проявляют особый интерес не столько к производящей промышленности (хотя интерес к ней остается значительным, но ровным), сколько к услугам так называемой культурной или «досуговой» промышленности, что обусловлено не только финансовыми целями.

Для большинства культурных, «досуго-массовых» продуктов и услуг решающим фактором качества производимого и реализуемого товара являются

особенности языка, который используется для доставки этих продуктов и предоставления услуг потребителю. Отсюда и огромное внимание к разговорному и письменному языку служебного персонала. Продвижение таких услуг на рынок неуклонно увеличивается, что обуславливает значительное расширение и усиление заботы о языковом дизайне.

Интерес политических и финансовых элит к дизайну дискурса (*корпоративная концепция регулирования речи, например, обслуживающего персонала, направленная на созание дифференцированного образа себя*), при помощи которого культурно-массовые «товары» доносятся до потребителя, обусловлен скрытым в нем огромным манипулятивным потенциалом. Контролируя дискурс СМИ, можно внушить широкой аудитории любой набор повседневных желаний и стремлений, которые выгодно скажутся на реализации поставленных элитами целей. Обладание контролем над дискурсом СМК предоставляет их хозяевам совершенное, дешевое и эффективное средство воздействия на массовую аудиторию, противостоять которому практически невозможно.

Ключевые области социальной жизни становятся все более ориентированными на СМИ, особенно на прессу и телевидение. Это наиболее заметно в политической сфере: сегодня политики обладают беспрецедентным доступом на регулярной основе к огромным аудиториям, что предоставляет им неограниченные возможности по формированию общественного мнения избирателей и завоеванию их поддержки. Просчитанный дизайн политического языка — один из решающих факторов успеха. Сам же процесс политической борьбы и борьбы за политическую легитимность становится все теснее и сложнее связанным с экономикой СМИ, поиском аудиторий и прибыльностью. Вследствие этого давление дизайна на дискурс политиков и средств массовой информации велико.

Возросшая важность языка привела к повышению уровня осознанной интервенции языковых практик контроля и формирования общественных мнений в соответствии с экономическими, политическими, военными целями.

Н. Фэйрклау называет этот процесс «коммерциализацией или технологизацией дискурса» (Fairclough 1992: 117)*. Это основная отличительная черта современного дискурсивного и лингвистического порядка. Технологизация подразумевает систематическую интеграцию исследований языка, пересмотр и обновление дизайна языковых практик и обучение обслуживающего персонала этим практикам на основе полученных результатов.

Технологизация также рассматривается как один из аспектов более общей характеристики современных порядков дискурса и всей социальной жизни, как «особая форма рефлективности» (Wodak 1996: 278)*. Технологизация дискурса характеризует институциональную сторону современной рефлективности. Критическое осознание дискурсивных практик и ориентация на их изменение — нормальное явление сегодняшнего дня, называемое А. Гидденсом «конструированием и реконструированием личности» (Giddens 1991: 157)*.

Из вышесказанного следует, что дискурс-анализ как академическое направление имеет под собой прочные основания — характерные черты и свойства современной жизни. Дискурс-анализ актуален, так как направлен на исследование самых современных тенденций в развитии общества, на анализ насущных социальных проблем, таких как, например, массовое отупление сознания, на выявление политических, финансовых целей, оснований и интересов, определяющих дизайн дискурса.

1.1.3. Критический анализ дискурса

Критический анализ дискурса — далеко не однородная теория с набором четких и подробно описанных инструментальных средств. Это — новое направление современного языкознания, вобравшее в себя различные теоретические подходы. В научной литературе термин «критический» иногда получает не совсем корректную трактовку: он вовсе не означает поиска только негативных сторон социальной интеракции и намеренного упрощения воззрений на общество. «Критический» обозначает приверженность к комплексным теориям и подходам. Имеется в виду выявление, а не упрощение общественных проблем и явлений.

Для критического подхода характерно особое понимание отношений между исследователем и анализируемым им материалом, а также особое видение проблемы «язык и общество».

Термин «критический» подразумевает саморефлективность исследователя: собственные ценности не отделяются от проводимого анализа, а его форма определяется интересами, знаниями и подготовленностью исследователя, т.е. необходим анализ исследовательской интерпретации. Р. Водак называет это «дистанцированием от темы исследования» (Wodak 1997: 145)*, что также называется в герменевтике «исследовательской позицией». Корректность результатов исследования обеспечивается междисциплинарностью: такой подход называется *триангуляцией* или трехсторонней верификацией. «Для анализа дискурса наиболее полезно сочетание данных этнографического, социологического и психологического анализа» (Макаров 1998: 86). Исследователь должен добиться того, чтобы собранный им материал говорил сам за себя (не нуждался в особых комментариях и пояснениях). Таким образом, критический анализ дискурса требует постоянного совмещения теоретического и эмпирического материала.

Критический анализ дискурса изучает языковую форму социальных взаимодействий. При этом важно определенное понимание статуса языка: речь идет о его конституирующей функции (социальные отношения не просто отражаются, а *конституируются* в процессе коммуникации). Будучи глубоко социальным феноменом, язык всегда рассматривается как действие в социальном контексте. Такое понимание языка определяет рассматриваемые особенности социального взаимодействия: власть пользуется воздействием дискурсивных практик в целях достижения политического, экономического, национального доминирования.

Так, большую популярность и широкое распространение приобрели исследования расистского дискурса (racist discourse), представленные в работах Р. Водак, Т.А. ван Дейка, а также возглавляемых ими

исследовательских коллективов в университетах Амстердама и Вены (Dijk 1999; Wal 1999; Wodak 1994; 1995; 1996a; 2000; 2000a; Wodak, Reisigl 1999). Также исследуется политический дискурс (Попова 1995; Шейгал 1999, 2000; Dijk 1997, 1998b, 1999a; Seidel 1985; Wodak 1999b).

Кроме вышеописанных направлений по предмету анализа можно выделить исследования:

а) *экономического дискурса* (Томашевская 1998, 2000);

б) *рекламного дискурса* (Кочетова 1999; Никитина 1998; Рыбакова 1999; Елисеева 1999; Погорелова 1998);

в) *научного дискурса* (Смирнова 1999; Тищенко 2000; Schröder 1995);

г) *лексикографического дискурса* (*discourse of dictionaries*) (Beaugrande 1997; Schröder 1995; Frohmann 1992; 1994; Steele 1997);

д) *религиозного дискурса* (Карасик 1999; Набиева 1996; Тамарченко 1999);

е) *искуствоведческого дискурса* (Булатова 1999; Руднев 1996; Флоря 1995);

ж) *психотерапевтического дискурса* (Пушкин 1990; Седов 1999, 1999a; Бушев 1999; Ханский 2001, 2002);

з) *дискурса СМИ в различных аспектах* (*Mass-Media discourse*) (Алещанова 2000; Батурина 1994; Блохин 2001; Голубев 2000; Дерябин 1998; Коньков 1995; Костомаров 1971; Курченкова 2000; Мытарева 1995; Плешакова 1998; Рао 1996; Рачук 1999; Wodak 1989, 1997a; Dijk 1991, 1998c; Dellinger 1995, 1995a; 1995b; 1998; Altheide 1997; Link 2000; Schulte-Holtey 2000; 2000a);

Как видно, наибольшую привлекательность для исследователей представляют политический, рекламный и медиа дискурс. Однако важнейшим основанием любого критического исследования является положение о субъективности предлагаемой интерпретации (которая может быть более или менее адекватной, но никогда истинно верной и единственной; *правильность* интерпретации вообще не существует). Руководствуясь принципом междисциплинарности, в критический анализ дискурса следует интегрировать данные, полученные психологами, социологами, политологами и т.д., так как социальные проблемы — комплексные явления, исследование которых чисто лингвистически или чисто исторически не совсем корректно.

Объектами изучения критического анализа являются не только устные или письменные тексты, но и построение теоретических моделей и описание

социальных процессов и структур, которые привели к появлению таких текстов и дискурсов. Следовательно, в любом критическом анализе дискурса обязательно выделяются три главных концепта: *власть, история и идеология*. Последняя определяется в данной работе как система мнений и убеждений, выдвигаемых группой, имеющей власть (Dijk 1998a; Wodak 1999b; Fairclough 1985, 1997).

Суммируя вышесказанное, приведем основные принципы критического анализа дискурса, сформулированные в ряде исследований (Dijk 2000b; Fairclough 1993, 1997; Wodak 1996, 1999): 1) комплексный анализ лингвистических аспектов социальных процессов и проблем; 2) интерпретативность анализа и междисциплинарность подхода; 3) учет социально-исторического контекста. Реализация данных принципов возможна благодаря солидной научно-практической теоретической и методологической базе, лежащей в основе критического анализа дискурса.

1.2. Теоретический фундамент исследования

Критический анализ дискурса (применение различных типов критического анализа к исследованию языкового общения) уходит своими корнями в различные теории, которые во второй половине XX века оказали заметное влияние на его становление. Это и герменевтика, и семиотика, и различные направления философии, психологии, социологии, логики, математики, и многие другие дисциплины.

1.2.1. Философские основания

Ряд исследователей полагает, что анализ дискурса взял на вооружение методику критического анализа, разработанную в рамках так называемого *западного марксизма* (Wodak 1997; Jäger 1999), вероятно, потому, что западный марксизм уделял значительное внимание проблемам культуры общества, отражая распространение экономических стандартов жизни на большинство областей культуры. Основными представителями этого направления являются: Антонио Грамши, Юрген Хабермас, Мишель Фуко и Луи Альтюссер.

Л. Альтюссер, внесший значительный вклад в развитие *теории идеологии* (Althusser 1971, 1971a), рассматривал ее как сферу, связанную с погруженными в социальный контекст материальными практиками, зависящую от социальных институтов. Под воздействием идеологии он понимал ориентирование человека как социального субъекта определенным образом (говоря современным языком, *манипулирование человеком*). Как и теория А. Грамши, работы Л. Альтюссера повысили интерес к критическому анализу и стимулировали его бурное развитие.

Дискурсивные изыскания Мишеля Фуко построены в несколько ином ключе. Фуко определял дискурс как «систему созданных человеком знаний наук, несущих информацию о социальных структурах, конституирующих власть в современном обществе» (Фуко 1996: 132). В современной лингвистике (работы Н. Фэйрклау, З. Егера, У. Мааса и др.) прослеживается стремление применить постструктурализм М. Фуко к анализу текста и дискурса.

Термин «критический» частично ассоциируется с ***Франкфуртской философской школой***, центром которой можно считать Франкфуртский институт социальных исследований. Возвращаясь к постулатам, заложенным К. Марксом, ее представители пересматривают философское наследие, положенное в их основу (Кант, Гегель и др.). Именно благодаря участию современной социальной науки критическая теория «сохранила свое право на существование в качестве все еще принимаемого всерьез проекта универсальной философской теории» (Плотников 1999: 119).

Критический анализ дискурса обязан философам Франкфуртской школы своими основными положениями: тезисом об *активной гражданской позиции* исследователя, о *саморефлективности* любой критической науки, об обращении к «*историческому контексту, в котором языковые и социальные взаимодействия имеют место*» (Habermas 1985: 244)*, а также о необходимости *убедительной аргументации*. Подход, предложенный Ю. Хабермасом, повлиял на развитие немецкой социолингвистики, прагматики и некоторые направления критического анализа дискурса, а также нашел свое практическое применение в

сфере Public Relations как стратегической и информационной поддержке и укреплении политического и экономического господства правящей элиты.

Еще одним важным основанием анализа языкового общения можно считать разработанное Антонио Грамши *учение о гегемонии* (теория неявной власти). С опорой на эту теорию сегодня изучаются: разжигание межнациональных конфликтов (Амелин 1998; Ахмедов 1998), информационные и психологические войны, история спорта в США и его влияние на массовое сознание, эффективность рекламы и многое другое. Существует предположение о том, что «учение Грамши было положено в основу всей грандиозной компании по манипуляции сознанием населения СССР для проведения революции сверху» (Кара-Мурза 2000: 60). Этим объясняется изъятие «Тюремных тетрадей» Грамши (четырехтомное научно-критическое издание с комментариями, напечатанное в 1975 г.) из продажи в СССР.

Ключевым звеном теории А. Грамши является идея о *гегемонии*, а именно о том, как править неявно, так, чтобы манипулировать подчиненными группами против их воли, но с их согласия. Любая власть держится на гегемонии, и для ее установления или подрыва необходимо воздействовать на обыденное сознание, повседневные мысли среднего, даже маленького человека. Самым эффективным способом воздействия является постоянное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру («голосуй сердцем»). При этом главное нейтрализовать здравый смысл и внедрить в сознание виртуальную/дискурсивную реальность, сбив изначальные точки отсчета и нарушив временные, культурные и другие системы координат. К важным условиям гегемонии относятся *стандартизация материальной культуры* (именно вещи помогают конституировать дискурсивную реальность, формировать обыденное сознание) и *сегментация общества* (сегменты соединяются связями, не приводящими к органическому единству, и, следовательно, безопасными для гегемонии).

Сегодня можно говорить о трагедии учения А. Грамши. Гениальные мысли о мобилизации здравого смысла против массового отупления общества были приняты гегемонией на вооружение для манипуляции общественным сознанием во всей своей полноте.

1.2.2. Социально-психологические основания

Междисциплинарность критического анализа дискурса обеспечивается сегодня не только тесным взаимодействием лингвистики с различными направлениями философии: социальные и психологические науки тоже используют язык и дискурс в качестве методологического основания. Некоторые из них «*во главу угла ставят коммуникацию*». Современная лингвистическая литература рассматривает эти тенденции как «*лингвистический или дискурсивный переворот*» (Макаров 1998: 34).

На становление дискурс-анализа значительное влияние оказали такие междисциплинарные направления социологии и психологии, как символический интеракционизм, конструктивизм, модели, разработанные в рамках социальной психологии (теория черт и теория ролей), социальный конструкционизм, теория социальных представлений и дискурсивная психология.

Результатом развития идей символического интеракционизма, основные принципы которого сформулированы в работах Г. Блумера (Blumer 1937; 1969), считается устойчивая интерпретативная тенденция. Под влиянием интеракционизма Г. Блумера и когнитивной психологии сформировался конструктивизм, согласно которому действительность конституируется социально в ходе творческой деятельности социума, а интерпретируется индивидуально. Коммуникация при этом рассматривается как когнитивный процесс познания мира, как одна из частных категорий социальной интеракции. Коммуникация опирается на интерпретацию, которая предполагает переход действий во взаимодействия и удовлетворяет потребности выражения внутренних состояний.

Нельзя не отметить важность моделей, разработанных в рамках социальной психологии: *теория черт* и *теория ролей*. Теория черт (Cattell 1970; Eysenck 1953) — одна из наиболее влиятельных моделей "Я" в социальной психологии. "Я" рассматривается как "личность" и представляется состоящей из личностных черт, способностей и атрибутов, которые определяют поведение человека. Действие этих черт превалирует над влиянием ситуации или контекста. Согласно теории черт, возможно составление психологического профиля отдельного индивида.

Теория черт в своем подходе довольно асоциальна: она не учитывает того, что люди в обществе играют определенные социальные роли. Критика теории черт (Potter, Wetherel 1990) делает упор на том, что люди являются социальными существами, исполняющими в общественной жизни различные социальные роли, требующие различных манифестаций "Я" (родителей, детей, врача, министра и т.д.). Этот тезис поддерживается сторонниками второго довольно значимого подхода к описанию "Я" в социальной психологии — теории ролей.

Теория ролей (Dahrendorf 1959; Linton 1936) основана на противоречии между фактом индивидуального самовыражения личности и фактом социальной детерминированности индивида. Понятие *роли* вводится для того, чтобы снять данное противоречие. Ролью называется совокупность деятельностей, качеств и стилей поведения (в том числе и коммуникативного), которые ассоциируются у людей с разными социальными позициями. «Социальные позиции существуют независимо от конкретных индивидов, они безличностны, надиндивидуальны и включают в себя родственные, религиозные, профессиональные и другие категории» (Поттер, Уезерел 1998: 7).

Теория ролей не лишена определенных недостатков. Согласно этой модели теряется уникальность личности индивида, над которой превалирует социальная позиция. Кроме того, "Я" обладает двумя характеристиками, которые игнорируются теорией черт. Это — определенная социальная неискренность, возникающая в результате того, что человек осознает присутствие вокруг себя общества. Исполнитель роли может скрываться под маской или играть по

заготовленному заранее сценарию. Разные социальные роли могут требовать разных масок. Из этого следует, что человек может пребывать в состоянии внутреннего конфликта (не показывая его внешне), который не поддается объяснению при помощи модели человека, созданной в рамках теории черт.

Дальнейшее осмысление фундаментальных положений традиционных моделей привело к появлению альтернативных, лингвистических подходов к «Я». Главной целью этого критического движения под общей рубрикой *социального конструкционизма* является перемещение акцента анализа с «Я» как сущности на методы дискурсивного конструирования «Я». В русле социального конструкционизма язык получает конститутивный статус. Социальные конструкционисты рассматривают коммуникацию как "*социальный процесс (по)строения мира*" (Макаров 1998: 44). С позиций нового подхода, личности дискурсивно и интерактивно конституируются в процессе общения, а не отражаются. "Я" рассматривается как коммуникативно- (дискурсивно и интерактивно) конституируемая сущность. С этим теоретическим направлением связаны такие имена как Дж. Шоттер, К. Джерджен (Shotter, Gergen 1994) и др.

Если символический интеракционизм больше тяготеет к социологии, то *теория социальных представлений* — психологическая теория социального, обращенная к ряду социальных феноменов: идеологиям, коллективным представлениям и т.п. Понятие социального представления было введено в 60-х гг. С. Московичи и определялось как «…общий для членов общества процесс понимания явлений и способов обмена информацией о них» (Flick 1995: 75)*.

Социальные подходы к изучению языкового общения объединяет признание социально конституируемой реальности и стремление к рефлективной исследовательской позиции. Однако «наиболее заметным для лингвистов явлением стала дискурсивная психология» (Макаров 1998: 51). Оттолкнувшись от феноменологии и символического интеракционизма, она ознаменовала собой так называемый *дискурсивный переворот*. Важным стало обращение к анализу дискурса как социальной деятельности в условиях реального мира. Дискурс рассматривается как социальная деятельность, протекающая в реальном мире. В

русле дискурсивной психологии формируются главные характеристики дискурс-анализа, такие как: 1) исследование устных и письменных форм речевого общения; 2) рассмотрение как формально-функциональной лингвистической стороны, так и социальной организации исследуемого материала; 3) выделение трех наиболее важных категорий анализа дискурса: действие, построение, вариативность; 4) направленность на риторические, аргументативные структуры текста и дискурса; 5) изучение знаний, верований, представлений, фактов, ошибок, мнений, оценок.

Дискурсивная психология не лишена недостатков, но, по сравнению с предшествующими теориями, она полнее раскрывает сложную сущность социально-психологических явлений. Вышеописанные модели характеризуются положительной новизной подхода к описанию «Я». Можно с уверенностью отметить то значительное влияние, которое они оказали на становление и развитие критического дискурс-анализа.

1.3. Подходы к критическому анализу дискурса

Хотя обращение к дискурс-анализу при исследовании средств массовой коммуникации произошло сравнительно недавно, уже существует целый ряд исследователей, развивающих данное направление в лингвистике. Традиционно выделяется 3-5 подходов к критическому анализу дискурса (Хилханова 1997; Макаров 1998), что значительно сужает рамки этого нового направления в мировом языкознании.

В данном разделе освещаются ключевые различия между наиболее важными подходами к критическому анализу дискурса. Некоторые из них учитывают исторический контекст, некоторые его не учитывают ни в теории, ни в методологии. Другие подходы акцентируют повторяемость, предсказуемость и воспроизводство социальных практик, дискурсивное воссоздание и инновации. Многие направления различаются трактовкой *медиации,* т.е. взаимосвязи текста и социальных феноменов. Некоторые направления анализа дискурса, следуя традиции М. Хэллидея, отличаются тем,

что сосредотачиваются на рассмотрении полифункциональности текстов, различая при этом:

1) *репрезентативную* функцию (ideational function), связывающую языковые структуры с опытом;

2) *оценочно-коммуникативную* функцию (interpersonal function), определяющую взаимоотношения между участниками общения;

3) *текстовую* функцию, обеспечивающую смысловую и формальную связность текстов, когезию и когерентность.

И, наконец, подходы различаются по способам интерпретации дискурсивных событий: речь идет о противопоставлении герменевтической, интерпретативной позиции и интерпретаций, ориентированных больше на сам текст.

В ряде исследований понятия «критический анализ дискурса» и «критическая лингвистика» выступают в качестве синонимов (Водак 1997; Dijk 1985; Wodak 1994). Так Т.А. ван Дейк определяет критическую лингвистику и критический анализ дискурса как «единую перспективу при осуществлении языкового, семиотического и дискурсивного анализа» (Dijk, Kintsch 1983: 131)*. Однако в других работах тех же самых авторов (Wodak 1997) понятие «критическая лингвистика» обозначает одно из направлений критического анализа дискурса (Fowler 1979), со временем частично переросшее в социальную семиотику.

«Критический обозначает, по сути, попытку увидеть взаимосвязь вещей» (Fairclough 1995a: 147)*. Критический анализ также соотносит анализируемый текст с другими видами дискурса (интертекстуальность) и с историческим и синхронным контекстом. Хотя критическая лингвистика и критический анализ дискурса, по мнению многих лингвистов, весьма различны по своей методологии, они занимают одно и то же парадигматическое пространство, и поэтому в данной работе оба термина используются недифференцировано, за исключением особых случаев.

1.3.1. Французская школа анализа дискурса

Само понятие «французская школа» — достаточно общее. Оно объединяет многие формально-структурные и функциональные лингвистические направления дискурс-анализа. Чаще всего имеются в виду следующие франкоязычные лингвисты: М. Пеше, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др. «Исследования французских языковедов отличаются определенным своеобразием, имея несколько иные методологические основания и теоретические посылки» (Рыжова 1998: 85).

Во французском языкознании дискурс понимается как «конкретная манифестация устной и письменной речи, как конкретный, сложный и упорядоченный процесс или результат речепроизводства» (Parret 1987: 205)*. Э. Бьюиссансу (1943) принадлежит идея расширения соссюровской оппозиции до: *langue* — *discours* — *parole*. Ее новый член определяется как «комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, как функциональную часть, выделяемую из речи» (Buyssens 1943: 41)*.

А. Греймас и Ж. Курте (Греймас, Курте 1983) разграничивают фразовую и дискурсивную лингвистики и предлагают ввести два уровня анализа: уровень поверхностных и уровень глубинных структур. Разграничение двух лингвистик говорит о наличии двух теоретических подходов к анализу дискурса. С одной стороны, это *индуктивный* анализ дискурса, являющийся своеобразным продолжением фразовых грамматик. Он направлен на выявление и моделирование дискурсивных последовательностей, под которыми рассматриваются цепочки предложений-высказываний. С другой стороны, это дедуктивный анализ дискурса, предполагающий разложение дискурса как единого целого на составные части.

Уточняя понятие дискурса, Э. Бенвенист пишет, что «термин дискурс обозначает любой акт высказывания, который объединяет в своих структурах говорящего и слушающего с желанием первого воздействовать на второго и характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру» (Бенвенист 1974: 316).

Теория идеологии Л. Альтюсера и теория дискурса М. Фуко послужили главными отправными пунктами для исследований Мишеля Пеше (Pêcheux 1990, 1992)*. Согласно теории Пеше, дискурс является точкой пересечения языка и идеологии, а дискурс-анализ — анализом идеологических измерений структур речи, материализации идеологии в языке. Разрабатывая проблему политического дискурса во Франции, М. Пеше уделял особое внимание идеологическому воздействию дискурсивных формаций на социальные субъекты. Вслед за Л. Альтюсером он предполагает, что люди помещаются в особую дискурсивную реальность, которая является результатом идеологического ориентирования.

С возросшим влиянием идей М. Фуко и М. Бахтина в 1970- 1980-х гг. произошло смещение исследовательских интересов представителей французской школы. Научные изыскания стали все больше отражать комплексность представленных в тексте дискурсивных формаций. Начали разрабатываться подходы к исследованию различных типов письменного дискурса (религиозного или теологического, дискурса школьных учебных пособий и т.п.).

1.3.2. Критическая лингвистика

Критическая лингвистика разрабатывалась в Великобритании в 70-е годы XX века (Fowler, Kress, Hodge 1979). Она больше соответствует системной лингвистической теории М. Хэллидея (Halliday 1978; 1985), что обуславливает ее основной акцент на практических способах и приемах анализа текста, в отличие от подхода французских исследователей, уделяющих особое внимание дискурсивным формациям и использующим грамматику для идеологического анализа. Примером развития критической лингвистики как направления могут служить ранние работы Гюнтера Кресса (Kress 1979, 1985a), разрабатывавшего свою модель и методологию. Начиная с 1979 г. его интересы сместились в область социально-семиотического исследования, а именно, в область изучения понятия знака как неразрывного единства значения и формы.

Язык рассматривается как семиотическая система, в которой значение создается непосредственно, а не опосредованно. Признаки грамматической формы текста рассматриваются здесь как значимый выбор возможностей, предоставляемых грамматической системой. Например, в публикациях о странах третьего мира бедные жители описываются как объекты действий, представленных переходными глаголами или отглагольными наречиями, и никогда как субъекты действий таких глаголов. «Это способствует созданию в тексте собирательного образа бедности и образа мирных жителей как пассивных жертв, нежели как пытающихся с ней бороться» (Fairclough 1995). Более того, так как преподнесение событий с такой значимой избирательностью средств дополняет воспроизводство отношений власти, то, согласно описываемому подходу, идеологическую нагрузку несет именно грамматика.

Значительное внимание уделяется исследованиям идеологической значимости трансформации дискурсов, созданию новостей в прессе, изучению дискурса врачебных записей, сделанных во время беседы с пациентами. Критическая лингвистика занимается также идеологическими возможностями систем категоризации, которые встраиваются в какой-либо вокабуляр — определенные способы *лексикализации* опыта.

В рамках данного направления критический анализ применяется к исследованию различных типов дискурса, в основном — к дискурсу прессы. В последнее время методы, разработанные критической лингвистикой, нашли свое практическое использование в анализе общеобразовательных текстов, диалога и интервью (Kress 1985, 1994).

1.3.3. Социальная семиотика

Некоторые представители критической лингвистики позднее принимали активное участие в разработке *социальной семиотики* (Hodge, Kress 1988). Можно с уверенностью говорить о выделении в отдельное направление начального этапа развития социальной семиотики (критическая лингвистика) для более полного отражения динамики становления критического дискурс-анализа.

Социальная семиотика занимается проблемами общего знакового характера текстов современного общества и способами анализа видеоряда (от фотографий, используемых прессой и изображений, используемых в телепрограммах, до образов искусства эпохи Возрождения) и отношений между языком и визуальным изображением (Kress, van Leeuwen 1990). Исследуется значение категорий системной лингвистики для анализа видеоряда. Например, системные текстовые категории *данного* и *нового* реализуются посредством композиционной структуры изображения, при которой *данное* располагается слева, а *новое* — справа, создавая эффект динамики. Высказывается предположение о том, что анализ визуального изображения приведет к переосмыслению существующих языковых теорий.

По сравнению с критической лингвистикой, социальная семиотика уделяет больше внимания интерпретативным практикам. Намечается новая ориентация дискурс-анализа: активное влияние результатов исследования на повседневные дискурсивные практики. Другими словами, проведение в жизнь постулата критической теории Ю. Хабермаса об активной гражданской позиции исследователя, поддерживаемого представителями венской школы — Р. Водак, Р. де Беаугранде, Ф. Менц и др. Понятие жанра, рассматриваемое согласно концепции М. Бахтина, становится центральным в исследовательском инструментарии. Прослеживается новая динамика лингвистического анализа: наряду с более традиционным лингвистическим анализом применение получает интертекстуальный анализ — анализ типологии текстов и связей между различными текстами.

Тео ван Леувен (Leeuwen 1993, 1996) занимается исследованием художественной литературы, фильмов, карикатур, картин и т.п. как знаковых систем. Выделяется два вида отношений между дискурсом и социальной практикой: «дискурс сам по себе как социальная практика и дискурс как форма действия (что люди делают, общаясь). Есть также и дискурс в смысле М. Фуко: как представление социальной практики, как вид знания, как то, что люди говорят о социальной практике» (van Leeuwen 1993: 193)*. Критический анализ

дискурса, согласно ван Леувену, должен быть связан со всеми этими аспектами, с дискурсом как инструментом власти и контроля и с дискурсом как инструментом социального конструирования действительности.

1.3.4. Британская школа анализа дискурса

В связи с отсутствием в лингвистике единого мнения о том, кого следует относить к так называемой *британской школе*, предлагается выделить три основные направления проводимых исследований.

Первое чаще всего называется ***Бирмингемской школой анализа дискурса*** (Макаров 1997: 83; Cook 1989:46). Оно основывается на функциональном структурализме Фёрса и представлено работами М. Калтарда, М. Монтгомери и Дж. Синклера (Coulthard 1977; Coulthard, Montgomery 1981; Sinclair 1992; Sinclair, Coulthard 1992).

Второе направление разрабатывается профессором Полом Чилтоном (Chilton 1994; 1995; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Schaeffner 1997). Исследуется политический дискурс и проблемы его метафоризации. Методика критического анализа дискурса применяется для работы с политическим дискурсом о холодной войне (Chilton 1982; 1985), что представляет несомненный интерес для настоящего исследования.

Третье направление, основанное на постструктурализме М. Фуко, представлено в работах Нормана Фэйрклау (Fairclough 1992; 1993; 1995; 1999; 2000; 2000a). Н. Фэйрклау видит ценность критического анализа дискурса в том, что такой анализ можно использовать наряду с другими методиками при изучении социальных и культурных изменений, а также в качестве базы данных в борьбе против эксплуатации и угнетения. Предметом изучения является язык власти и институциональный дискурс. Основное внимание уделяется исследованию отношений между социокультурными изменениями и изменениями в дискурсе, вводится понятие коммерциализации или технологизации дискурса.

В исследовании университетского дискурса Н. Фэйрклау приходит к выводу о том, что новый вид дискурса — *дискурс потребительской культуры* —

оказывает значительное влияние на другие области коммуникации, в частности, на общение в университете и других социальных институтах.

Целью анализа таких тенденций как конверсационализация и коммерциализация является приближение критического анализа дискурса к последним достижениям социологических исследований социокультурных изменений (Chouliaraki 1999). Н. Фэйрклау подчеркивает образовательный компонент анализа дискурса, будучи сторонником «критического осознания языка как ключевого компонента языкового образования в школах и других учебных заведениях» (Fairclough 1992: 145)*.

1.3.5. Социокогнитивный подход

Данное направление представлено работами Т.А. ван Дейка (Dijk 1993; 1997; 2000a; 2000b; 2001) Большинство работ 80-х гг. посвящено анализу этнических предубеждений, предрассудков и расизма в дискурсе, начиная с критического анализа новостей СМИ о переселенцах, беженцах и т.п. (Dijk 1980). Другим отправным пунктом для данного подхода стало исследование дискурса голландцев и калифорнийцев о различных меньшинствах (Dijk 1985; 1987). В рамках социокогнитивной модели изучалась также роль новостей прессы в воспроизводстве и распространении расизма (Dijk 1998c; 1998d).

Проведенные исследования позволили ван Дейку сделать вывод о том, что темы, наиболее часто затрагиваемые в новостях прессы, соответствуют основным этническим предубеждениям, имеющим место в повседневном общении: иммиграция рассматривается как вторжение, беженцы как иждивенцы. «Эти темы отражаются на стиле, риторике и семантических ходах кратких новостей, газетных статей, в особенности применительно к консервативной и бульварной прессе» (Водак 1997: 7). Высказывается предположение о том, что главную роль в дискурсивном воспроизводстве и распространении различного рода предубеждений играют промышленные, финансовые, политические и другие элиты (Dijk 1993).

Интегрируя достижения более ранних исследований, в своих последних работах ван Дейк исследует общие вопросы злоупотребления властью и

воспроизводства неравенства, прибегая к термину «идеология» и делая вывод о том, что власть зависит от контроля над общественным дискурсом и сознанием. При этом подчеркивается отсутствие прямых взаимосвязей между структурами дискурса и социальными структурами. Такие взаимосвязи служат связующим звеном между границами личного и общественного сознания, которое, по ван Дейку, определяется как «отсутствующее звено между критической лингвистикой и критическим анализом дискурса, обуславливающее невозможность выявления влияния социальных структур на структуры дискурса» (Dijk 1987: 234)*. Между этими структурами есть образования, имеющие когнитивный характер (личностный и социальный). Такие образования, по ван Дейку, являются тем звеном в критической лингвистике, которое часто упускается из виду, и которое позволяет объяснить, как социальные структуры оказывают влияние на структуры дискурса.

1.3.6. Венская школа анализа дискурса

Данное направление получило название *дискурсивной социолингвистики*. Опорным пунктом ***Венской школы*** можно считать Институт языкознания при Венском университете. В русле традиций Б. Бернштайна и Франкфуртской философской школы (прежде всего, идей Ю. Хабермаса), под руководством Р. Водак «выполнены исследования институционального общения и коммуникативных барьеров в суде, в школах и клиниках» (Wodak 1999d: 216)*. Последние работы посвящены изучению дискриминации по признаку пола, национальности и расы с учетом экстралингвистического контекста (различных обстоятельств общения).

Основная цель венской исследовательской группы состоит в применении результатов критического анализа на практике: в разработке эффективных форм беседы врачей с пациентами; в создании методики проведения судебной экспертизы в случае разжигания антисемитизма или другой массовой ненависти в публичных выступлениях, теле- и радиопрограммах, печати.

В междисциплинарном исследовании послевоенного антисемитизма в Австрии Р. Водак (Wodak 1999a) и ее коллеги обосновали *дискурсивно-исторический метод*. Основным качеством этой методики исследования является поиск и интеграция всей доступной фоновой информации применительно к различным уровням письменного и устного дискурса. Дискурсивно-историческая методология направлена на выявление косвенных негативных оценок в суждениях, на определение и выявление кодов и аллюзий, способствующих созданию предвзятого мнения в дискурсе. Это исследование, в процессе которого и для которого была разработана данная методика, выполнялось на материале президентской кампании Курта Вальдхайма в 1986 году. Авторам удалось показать, что контекст дискурса играл существенную роль в определении содержания, функций и структуры антисемитских высказываний.

В рамках дискурсивной социолингвистики были выполнены и другие исследования этнических и расовых предубеждений (Matouschek, Wodak 1993; Menz 1985; 1989), в результате чего удалось установить общие теоретические положения относительно значения и формы расистского дискурса об иностранцах, иммигрантах, представителях различных меньшинств. Исследовался и лексикографический дискурс (Beaugrande 1996; 1997; 1998). По сути, в этих исследованиях, наряду с *дискурсивно-исторической методикой*, был применен *социокогнитивный подход* Т.А. ван Дейка, получивший свое дальнейшее развитие. Было показано, что форма расистского дискурса может быть относительно одинаковой, но его содержание обнаруживает вариативность в зависимости от типа подвергаемой нападкам группы, во-первых, и от условий, в которых вербально реализуется соответствующий дискурс, во-вторых. В частности, были выявлены нормы и табу, лежащие в основе высказываний об иностранцах (Wodak 1994).

1.3.7. Интерпретативный анализ

Своим названием (Leseartenanalyse) данная методика критического анализа дискурса обязана ученому-лингвисту из г. Оснабрюка У. Маасу (Maas 1984; 1988). В рамках данного подхода дискурс определяется как лингвистические формы, связанные с социальной практикой, которые необходимо исследовать историческими и социолингвистическими методами. Соответственно, анализ текста можно рассматривать как анализ дискурса, так как дискурс коррелирует с исторически складывающимися социальными практиками. Согласно описываемому подходу, дискурс представляет собой не просто произвольный текстовый корпус, который на понятийном уровне определяется временными и пространственными координатами, а, корпус, определяемый своим содержанием, например, фашистский дискурс коррелирует с германским фашизмом.

Целью интерпретативного дискурс-анализа является исследование правил и закономерностей конституирования определенного дискурса, которые и делают из текста, например, фашистский текст. Любой текст и дискурс соотносится в синхронии и диахронии с другими текстами и дискурсами. Такие отношения несомненно важны при характеристике и описании любого дискурса. По этой причине У. Маас отходит от чисто формального анализа текстов, который, по его мнению, выявляет только общие аспекты текста или дискурса, и не затрагивает частных особенностей, например, политического дискурса. «Так как политический дискурс не может быть определен без учета социального и исторического контекста, то анализ дискурса, не ориентированный на контекст, просто некорректен» (Maas 1984: 18)*.

У. Маас известен как ведущий европейский эксперт по исследованиям национал-социалистического дискурса (риторики дискурса официальных заявлений и публичных выступлений нацистских вождей, их слоганов, газетных публикаций). Его методика интерпретативного анализа была специально разработана в 1984 году для анализа немецко-фашистского дискурса.

1.3.8. Немецкая школа дискурс-анализа

Обычно в европейской лингвистической литературе принято говорить только о ***Дуйсбургской школе*** (Wodak et al; Dijk et al; Jäger S. et al), что незаслуженно сужает представление о развитии критического анализа дискурса в Германии. Предлагается различать четыре направления немецкой школы дискурс-анализа.

Первое, самое крупное и, безусловно, ведущее традиционно называют *Дуйсбургской школой*, центром которого считается Дуйсбургский институт лингвистических и социальных исследований. Его основателем (и немецкой школы критической лингвистики в целом) принято считать Зигфрида Егера. К его области научных интересов относится «исследование лингвистического и иконического характера дискурса, коллективных символов и топосов, выполняющих важные когезийные функции в тексте» (Jäger S., Jäger M., 1993: 5-6)*. Занимаясь разработкой теории дискурса, З. Егер приходит к выводу о том, что различные дискурсы сложно переплетаются в текстах (diskursives Gewimmel), и единственным средством, которое способно внести ясность в этот хаос, является методологически обоснованный дискурс-анализ.

В русле Дуйсбургской школы специально разработана пошаговая методика критического анализа дискурса прессы, первоначально предназначавшаяся для анализа дискурса немецких газет и журналов, финансируемых так называемыми группами «правого крыла». Проведенное исследование позволило выявить основные характеристики и ключевые различия лингвистических элементов и стилей в зависимости от аудитории, выбранной для воздействия. Созданная методика похожа на интерпретативный и дискурсивно-исторический методы. Однако, в отличие от Т.А. ван Дейка, У. Мааса и Р. Водак, З. Егер склоняется к более подробному анализу микроструктур, коллективных символов, риторики и стилистических особенностей дискурса.

Указанные методики подробно освещены в монографии: “*Kritische Diskursanalyse: eine Einführung*“ («Введение в критический анализ дискурса»)*

(Jäger 1999) и в практическом руководстве по их применению “*Text- und Diskursanalyse: eine Einleitung zur Analyse politischer Texte*” («Анализ текста как дискурс-анализ: руководство к анализу политических текстов»)* (Jäger 1994). Они активно реализуются и совершенствуются в исследованиях представителей дуйсбургского направления (Jäger M. 1999). Исследуются особенности дискурса о войне НАТО против Югославии 1999 г. (Schulte-Holtey 2000; 2000a), в частности, место статистических данных, графиков и диаграмм в военном дискурсе, их роль и место в ориентировании общественного сознания.

Второе направление немецкого дискурс-анализа сосредоточено в *Дортмундском университете* и обычно связывается с именем проф. Юргена Линка (Link 1986; 1996; 2000). Им исследуется видеоряд СМИ, используется «*генеративная методика дискурс-анализа*» (Link 1986: 27)*. В русле данного направления также выполнен ряд работ, посвященных исследованию роли средств массовой коммуникации в освещении конфликтов прошлого и настоящего, в частности, войны в Югославии (Schwab-Trapp 2000), социальных конфликтов и стереотипов (Gerhard 2000; Parr 2000; Kreft 2000).

Третье направление разрабатывается в *Ганноверском университете* проф. Ади Гревениг (Grewenig 1993; 2000). Исследуется дискурс немецкого телесериала «Таторт» как дискурс о вооруженных силах ФРГ, рассматривается проблема вины немецкого народа. Другие работы, выполненные в Ганновере, посвящены конфликтам прошлого, а именно — национал-социалистическому дискурсу о массовом уничтожении евреев (Perels 2000).

Четвертое направление критического анализа дискурса разрабатывается в университете г. Билифельд Утой Квастхофф (Quasthoff 1973; 1978; 1987; 1989). Автор предлагает модель власти и доминирования, в основу которой положено воздействие стереотипов и предубеждений на массовое сознание. Социолингвистически исследуется функционирование и особенности стереотипов, их место в языковой коммуникации. Аналогичный подход, своего рода «программа развития критической лингвистики» (Menz 1989: 227)*, намечен в работе Флориана Менца, считающего, что манипулятивное

воздействие дискурса прессы опирается на различные стереотипы и предубеждения. Данный тезис представляется очень ценным для настоящего исследования.

Описанные направления немецкого дискурс-анализа вносят в теорию дискурса методологическое разнообразие, в основном развивая идеи З. Егера. Хотя прослеживается сходство с работами представителей Венского направления, безусловно, немецкая школа, занимает свою нишу в критическом анализе языковой стороны современных социальных явлений.

1.3.9. Финская школа дискурс-анализа

По сути, данное направление отличается от социокогнитивной модели Т.А. ван Дейка только предметом и целями проводимых исследований. Отмечается и методологическое разнообразие: для проведения межкультурного анализа используется *методика исследования лакун* — “*lacuna method of cross-cultural analysis*“ (Dellinger 1995). Проведенные Бретом Деллинджером исследования сосредоточены на критическом анализе американского и финского дискурса СМИ, коммерческого стиля теле- и радиовещания, «*дискурсов теле- и радиовещательного жанра*» (Dellinger 1999: 2)*.

Ряд работ посвящен исследованию особенностей медиа-дискурса (Dellinger 1998; 1998a; 1995a; 1997). Анализируется дискурс CNN о войне в Персидском заливе (Dellinger 1999), характеристики его аудио и видеоряда. Хотя, в силу специфики исследования, понятие *военного дискурса* не вводится, данное направление представляет несомненный интерес, так как одним из первых поднимает проблему анализа дискурса новостей о войне.

1.4. Ориентирование сознания

Воздействие на сознание может быть манипулятивным и идеологическим (существуют и другие способы воздействия). Рассмотрим оба вида ориентирования сознания, обращая особое внимание на их общие и отличительные черты, а также причины введения в лингвистику данных понятий.

1.4.1. Манипулятивное воздействие

В современном мире социальное воздействие на поведение человека существует наряду с манипулятивным, проиллюстрировать силу и значение которого можно при помощи тезиса американского ученого Н. Хомского из книги «Необходимые иллюзии: контроль над сознанием в демократических обществах»: «В течение 80-х годов правительству Р. Рейгана и Дж. Буша удавалось проводить крайне правую социальную и милитаристскую политику притом, что в общественном мнении происходил сильный сдвиг в сторону демократических принципов» (Chomsky 1989: 97)*. Прокомментируем ее словами известного российского политолога и историка С. Кара-Мурзы: «Там, где манипуляция является основным средством социального контроля, как, например, в США, разработка и совершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности» (Кара-Мурза 2000: 37).

Для отечественной и зарубежной лингвистической литературы характерна критика подхода, согласно которому роль и функции СМИ сводится только к описанию их манипулятивного воздействия (Хилханова 1997; Dijk 2001a). Необходимо уточнить, что понятие *манипуляции сознанием* вводится в настоящее исследование для более полного описания особенностей дискурса прессы о войне.

Отношение социальных групп к военным действиям зачастую зависит от того, как эти события преподносятся СМИ. Здесь можно говорить даже о программировании мышления, так как читательской аудитории преподносится уже готовое мнение (интерпретация действительности), помещенное в какой-

либо идеологический шаблон. Ограничиваться описанием только манипулятивного воздействия дискурса прессы некорректно, так как оно осуществляется наряду с информационным, психологическим и идеологическим воздействием. Однако компонент манипулятивности играет значительную роль в ориентировании общественного мнения и представляет несомненный интерес для описания языковой структуры дискурса прессы о войне. Таким образом, представляется целесообразным введение термина «манипуляция сознанием» в лингвистическое описание военного дискурса прессы.

1.4.1.1. Определение манипуляции

Слово *манипуляция* имеет латинский корень *manus* — рука (manipulus — пригоршня). В европейских языках это слово трактуется как обращение с объектами в определенных целях. В технических дисциплинах манипуляторами называют специальные приспособления, рычаги и т.п., которые являются своеобразным продолжением рук (манипулятор для работы с радиоактивными материалами). Таким образом, термин *манипуляция* — постепенно сложившаяся метафора (ловкость рук в обращении с вещами переносится на ловкое управление людьми). Именно когда все эти принципы вошли в технологию управления поведением людей, метафора манипуляции появилась в своем современном смысле.

Под *манипуляцией* в настоящем диссертационном исследовании понимается *дискурсивное программирование общественных мнений, нацеленное на обеспечение выгодного манипуляторам поведения*. Это вид духовного воздействия, мишень которого — психика человека. Уточним, что это — *скрытое* воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции.

С особенной тщательностью скрываются цели манипуляции (чтобы даже выявление факта манипуляции не привело к их раскрытию). Обязательным признаком манипуляции служит сокрытие информации. Манипуляция требует значительного мастерства и определенных знаний. Как и идеология, это часть технологии власти, а не воздействие на поведение партнера. От идеологического

воздействия манипулятивное отличается по признакам *открытости/скрытости, усиления/ослабления* социальной группы, которая подвергается воздействию.

1.4.1.2. Манипуляция и СМИ

В современном мире почти никто не верит в объективность прессы. На Западе никто особенно и не скрывает, что СМИ служат интересам правящих групп или элит. Примером этому может служить обращение Г. Люса (основатель журналов “Time”, “Life”, “Fortune”) к сотрудникам журнала “Time”: «Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подает факты без какой-либо ценностной ориентации, является современной выдумкой, не более чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: к дьяволу объективность!» (по: Кара-Мурза 2000: 244).

Идеальным инструментом для ориентирования сознания являются средства массовой информации. Необходимо уточнить характер коммуникации по схеме «человек — СМИ». Имеется в виду такая характеристика коммуникации как *асимметричность* — темпоральная и локальная разобщенность участников общения. Из процесса получения информации постепенно исключается ***диалог*** (двусторонность коммуникации), что значительно ослабляет защиту сознания от ориентирования.

Можно выделить две основные функции дискурса СМИ: *ориентирующую и манипулятивную*. СМИ фактически контролируют культуру, пропуская ее через себя, как через «фильтр», выделяя отдельные элементы из общей массы, придавая особый вес одним, принижая ценность других. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в современном мире практически не оказывает влияния на развитие общества. В этом заключается *ориентирующая* функция дискурса СМИ. Появление любой темы в прессе обусловлено интересами правящих элит, которым выгодна определенная ориентация общественного мнения и сознания. В этом заключается *манипулятивная* функции дискурса прессы. Человек, таким образом, не может избежать его воздействия.

Важным направлением научных исследований является изучение роли СМИ в освещении проблем этничности, в формировании этнических стереотипов. Межэтнические конфликты и боевые действия являются катализатором языкового выражения различных стереотипов и предубеждений, существующих в массовом сознании. Актуальным представляется систематическое изучение военного дискурса СМИ на предмет манипулятивности с точки зрения современной лингвистики и критического анализа. Военный дискурс является важной неотъемлемой частью информационных, психологических и идеологических операций, проводимых параллельно с боевыми действиями. Рассмотрение лингвистических аспектов военного дискурса позволяет выявить приемы манипуляции сознанием социальных или этнических групп.

Интересный подход к исследованию этого феномена разработан российским философом Н.Г. Лимнатисом. Он предлагает различать два различных вида манипулирования в современном постиндустриальном обществе: *манипулирование в узком и в широком смысле* (Лимнатис 1995: 66). Такой подход представляется наиболее приемлемым для использования в теории дискурса в силу того, что он отвечает требованиям междисциплинарности. Манипулирование сознанием рассматривается в философском, социально-психолгическом, этическом и историческом аспектах. Однако этот подход не лишен и противоречий, о которых будет специально упомянуто по ходу разграничения этих двух видов манипуляции.

1.4.1.3. Манипуляция в узком смысле

Под манипуляцией в узком смысле предлагается понимать те попытки влияния на сознание, поведение человека или социальных групп, которые совершаются осознанно и осознаются как таковые. При такой манипуляции есть возможность какими-либо методами или способами вычислить предполагаемого манипулятора и установить его примерные цели. Характеристиками данного вида ориентирования сознания является наличие субъекта, а также осознанность и целенаправленность манипуляции.

Манипуляция в узком смысле совпадает с традиционными подходами к определению этого явления. К данному виду манипуляции относятся: *психохирургия, психотроника, психологическая, информационная война, пропаганда, социологическая пропаганда и др.* Психохирургия (воздействие на сознание хирургическим путем, уничтожение клеток мозга, отвечающих за нежелательный тип поведения) может осуществляться при помощи ультразвука, электромагнитных волн, химических средств и т.п. Для лингвистического исследования эта область не представляет интереса.

Под психотроникой понимается парапсихологическое или психотронное воздействие на сознание человека и социальный групп (*гипноз, телепатия, технический гипноз и т.п.*). При этом достигается преимущественно *ситуативное* влияние на массовое сознание. Парапсихология — новая и чрезвычайно интересная область исследования, которая в последнее время начинает сбрасывать свою мистическую оболочку. Однако на современной стадии развития науки ее возможности мифологизируются и абсолютизируются: до 90% информации о таком воздействии — либо недоказанные факты, либо чистый вымысел. Для лингвистики она представляет интерес с точки зрения исследования речевой стороны гипнотического воздействия на поведение и сознание людей. При этом необходимо упомянуть о сложностях, с которыми может столкнуться исследователь при сборе материала.

Психологическая война и пропаганда (самые широко распространенные виды манипуляции) подразумевает как *прямой,* так и *скрытый* контроль. В недалеком прошлом пропаганда была основным средством общения СССР и Запада. Психологическая война определяется как продолжение политики, только другими средствами. Одни исследователи находят ее истоки в 6 в. д.н.э. в трактате китайского полководца Сунь-Цзы (Почепцов 2000), другие в средневековье. Вероятно, имеется в виду воздействие на органы зрительного восприятия: например, татары сажали на лошадей всех сопровождавших войско: женщин, детей и раненых воинов. Во время атаки визуальные размеры войска

увеличивались (конница *закрывала горизонт*, хотя в сражении принимали участие не все всадники) и создавался эффект лавины, что вызвало панику в рядах врагов.

Следы психологической войны обнаруживаются и в Новое время. Еще Наполеон говорил, что четыре враждебных газеты намного опаснее, чем четыре вражеских батальона (Gebbels 1997). Подчеркнем значимость средств массовой информации в воздействии подобного рода. Однако о начале его широкомасштабного изучения и применения можно говорить лишь с начала XX в. В некоторых подходах (Лимнатис 1995; Почепцов 2000) они разграничиваются по проведению в военное (в том числе и во время холодной войны) и в мирное время соответственно.

Другие исследователи относят *пропаганду* к числу методических приемов по манипуляции сознанием как одну из ведущих технологий ведения психологической или информационной войны. Действительно, первоначально термином «*психологическая война*» обозначалась пропаганда, ведущаяся только во время войны. Принято выделять три типа пропаганды: *белая, серая и черная* пропаганда. Основные характеристики и различия этих трех типов обычно схематически изображают в виде следующей таблицы (Почепцов 2000: 25):

Таб.1. Типы пропаганды

Тип пропаганды	Источник	Сообщение
Белая	Известен	Достоверное
Серая	Неизвестен	Неопределенная достоверность
Черная	Заменен иным	Недостоверное

В прессе шире всего применяются приемы *серой пропаганды* — информация из первых рук, «высосанная из пальца». Психологическая война и пропаганда действительно интересны с точки зрения исследования их речевых характеристик, функций и роли в военном дискурсе. Сегодня можно утверждать, что дискурс перешел в разряд самого современного и относительно дешевого оружия, при помощи которого можно быстро достичь поставленных целей. Введение в лингвистику понятий психологической войны и пропаганды оправдано целями, материалом и историческим контекстом исследования.

Наибольшую актуальность сегодня приобретает *социологическая пропаганда* (Лимнатис 1995: 86). Под этим термином понимается пропаганда через способ и образ жизни, мягкое, «бесконфликтное» проникновение идеологии при помощи ее социального контекста. Чтобы добиться контроля над какой-либо социальной группой, не обязательно проводить четкую политическую линию. Проще и дешевле добиться своих целей скрытым путем через пропаганду своего образа жизни, вида культуры, своего миропонимания. При этом используется предлог интеграции, обмена информацией, знакомство людей разных стран и т.п.

В социологической пропаганде участвуют не только государственные политические организации и спецслужбы, но и общественные организации (представительство Гете-института в Москве или Британский совет), пресса, телевидение и радио (Deutsche Welle, русская служба BBC, Радио-Свобода, Голос Америки, газета The Chechen Times, издававшаяся в Вашингтоне до 2001 г., иностранные телесериалы и мыльные оперы). Никто не сомневается в неизбежности и пользе интеграции, однако выживают сильнейшие.

Подход, предложенный Н. Лимнатисом, не лишен недостатков. Социологическую пропаганду можно было бы выделить в отдельную разновидность манипуляции сознанием, так как в ее содержание входят мировоззренческие стороны жизни. Тем не менее, она ведется осознанно, характеризуется наличием конкретного субъекта манипуляции и, следовательно, может рассматриваться как манипуляция в узком смысле. Для настоящего исследования социологическая пропаганда интереса не представляет, но учитывать существование данного феномена необходимо хотя бы потому, что без ее описания комплексное исследование военного дискурса прессы было бы неполным.

Что касается информационной войны, она заслуживает более детального описания, которое будет представлено в отдельном разделе, так как информационные операции являются важной характеристикой дискурса прессы о войне и подлежат более детальному изучению и систематическому описанию.

1.4.1.4. Информационная война

Существуют самые разнообразные определения понятия *информационная война:* «стратегия, используемая армией для достижения информационного господства и поддержания командования» (FM 100-6, 1996: 32)*; «способ воздействия на информационные системы противника» (Почепцов 2000: 17), основная форма обеспечения безопасности РФ в антагонистических конфликтах (Завадский 1996; Комов 1996) или «разновидность манипуляции общественным сознанием» (Лимнатис 1995: 66). Информационная война наряду с наступательными имеет и оборонительные составляющие. Растущий интерес к данному феномену, его активное изучение в России и за рубежом подчеркивают возрастающую важность информации в жизни современного общества и зависимость последнего от информации.

СМИ и СМК играют важнейшую роль в идеологическом, психологическом, манипулятивном и информационном воздействии. В этой связи возрастающая важность военного дискурса СМИ (как современного оружия и средства достижения информационного господства) определяет актуальность научного исследования его речевых структур в социально-историческом контексте, к неотъемлемым составляющим которого относятся идеологическое, психологическое, манипулятивное и информационное воздействие.

В качестве рабочего принимается определение информационной войны, предложенное Г.Г. Почепцовым: «коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» (Почепцов 2000: 20). Целями такого воздействия на массовое сознание является внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре. Данный подход ближе всего к когнитивной теории дискурса, так как сочетает широту и междисциплинарность исследования. Феномен информационного воздействия изучается с точки зрения теории коммуникации, теории массового поведения, теории разведки и теории принятия решений. При этом учитываются социально-психологические особенности ведения информационной войны,

модель массовой коммуникации, семиотическая модель, а также теория связей с общественностью.

В настоящей работе предлагается комплексный подход к проблемам идеологии, пропаганды, манипуляции сознанием, информационных и психологических операций, заключающийся в рассмотрении вышеупомянутых феноменов, во-первых, как социально-исторического фона военного дискурса прессы, в частности, и коммуникативного пространства, в целом, и, во-вторых, как неотъемлемой составляющей и комплексной характеристики военного дискурса СМИ.

1.4.1.5. Манипуляция в широком смысле

Под манипуляцией в широком смысле предлагается понимать такое «влияние на сознание и поведение человека или социальных групп, которое характеризуется различной степенью осознанности и наличием совокупного манипулятора» (Лимнатис 1995: 104). Наиболее распространенным видом такого манипулирования является воздействие массовой культуры на людей.

При выделении манипуляции в широком смысле нельзя не отметить возникающие противоречия. Многие критически мыслящие люди видят манипуляцию, однако при этом никакими способами нельзя вычислить манипуляторов. Справедливо ли упрекать кого-либо из создателей массовой культуры (например, режиссера фильма) в манипулировании общественным сознанием.

Очевидно, что о воздействии того же фильма на аудиторию говорить корректно. Но такое воздействие проводится не для того, чтобы целенаправленно изменить сознание, а для того, чтобы показать мир и ценности именно такими, как их видит режиссер фильма, и потому, что они именно такие. Далее, представляется целесообразным включить рекламу (как составляющую массовой культуры) не только в манипуляцию в широком смысле, но и (как воздействие на сознание, характеризующуюся конкретными целями и определенными субъектами) в манипулирование в узком смысле.

Проблема манипулирования сознанием больше философская, чем лингвистическая. При этом автор описываемого подхода лишь ставит проблему, оставляя ее решение на усмотрение читателя, хотя и предлагает свой выход — введение понятия совокупного манипулятора, роль которого могут выполнять даже социальные отношения людей.

При описании военного дискурса СМИ его манипулятивная характеристика должна учитываться наравне с другими уровнями описания. Более того, ценным представляется разработанный в теории манипуляции тезис о том, что СМИ сами по себе не манипулируют людьми. Они лишь мощный инструмент в руках социальных групп (финансовых, политических и других элит), стоящих у власти. В этом смысле манипуляцию сознанием целесообразно включать в лингвистическое описание военного дискурса прессы для характеристики социального, психологического и исторического контекста.

1.4.2. Идеологическое воздействие

Идеологическое воздействие отличается от манипулятивного по ряду признаков и в лингвистической литературе ассоциируется с *идеологическим анализом дискурса*. Среди лингвистических исследований по проблеме «*язык и идеология*» следует отметить работы немецких лингвистов. В немецком языкознании принято различать работы, написанные до и после объединения Германии. Если первые несут на себе отпечаток идеологического противостояния ФРГ и ГДР, то последние обнаруживают подход к изучению языка прессы, соотносимый с основными принципами анализа дискурса.

В работах немецких лингвистов язык и идеология изучаются в рамках лексикологии с акцентом на терминологических аспектах. Большинство исследований западногерманских лингвистов посвящены проблеме дивергентного развития современного немецкого языка в период существования ГДР (Dieckmann 1981; Moser 1962). Работы восточногерманских лингвистов посвящены исследованию языка как инструмента идеологической борьбы (Schmidt 1969, Neubert 1974).

Уделяя особое внимание теоретическим проблемам взаимоотношения языка и идеологии, В. Шмидт вводит термин «*идеологическая привязанность»* (Ideologiegebundenheit*)*, обозначающий «семантическую детерминированность слова, вытекающую из его принадлежности к терминологической системе определенной идеологии» (Schmidt 1969: 256)*. А. Нойберт вводит в систему категориального аппарата социолингвистических исследований понятие *идеологемы* как «лингвистического инварианта с социальной релевантностью, так как один и тот же общественно-политический термин имеет разную идеологическую релевантность в языке представителей разных социальных групп» (Neubert 1974: 173)*.

Из работ последних лет следует отметить исследование Э. Штрасснера как работу дискурсивного плана, так как она носит междисциплинарный характер (рассматривается как производство, так и восприятие телевизионных новостей) (Strassner 1982).

Понятие «идеология» получило комплексное описание в последних работах Т.А. ван Дейка, выполненных во время сотрудничества с университетом в Барселоне. Рассматриваются проблемы взаимоотношения дискурса и идеологии (Dijk 2001), идеологии и контекста (Dijk 2000a), политического дискурса и идеологии (Dijk 1998b; 2001b). Идеологический анализ дискурса определяется как критический «анализ дискурса с марксистских позиций, то есть в терминах классовых отношений» (Хилханова 1997: 56). Учитывая специфику современного общества, вслед за Р. Водак и Т.А. ван Дейком, более корректно говорить об идеологическом анализе с позиций западного марксизма (Wodak 1998), то есть в терминах групповых отношений (Dijk 2001). Главной аксиомой такого подхода является положение о том, что господствующая группа (элита) должна воспроизводить те условия, которые дают ей возможность применять власть к подчиненным группам. При этом идеология играет главную роль в создании этих условий и в убеждении людей. Она помогает элите править бесконфликтно (но не ***неявно***, как при манипуляции).

1.4.2.1. Понятие идеологии

Идеология является одной из наиболее спорных философских и социологических категорий последнего столетия. Определения данного термина колеблются от самых безобидных, например, “система идей”, “*worldview*” (Lye 1997: 3) до таких спорных как, например, «*false consciousness*» (Dijk 2001: 1).

Любая языковая теория, рассматривающая социальные функции, не может работать с такими асоциальными категориями, как «*worldview*» (Михайлов 1986). «Любая лингвистическая теория должна сознательно концентрироваться на изучении отношений языка и условий его реализации» (Лещев 1999: 87). Здесь *идеологию* можно рассматривать как соотношение между формами знаний и их отношением к социальной структуре, конфликтам и интересам, и между формами знаний в определенных социальных практиках (доминирующие и оппозиционные формы знаний).

Термин «идеология» был разработан для описания таких способов и путей структурирования действительности, которые позволяют стоящей у власти группе одновременно достигать максимального уровня контроля над управляемой группой и минимального уровня конфликтности. На первый взгляд, данное определение подразумевает манипуляцию сознанием управляемой группы. Однако идеология отличается от манипуляции, хотя идеологическое воздействие в определенный момент может перерасти в манипулятивное.

При манипуляции определенная социальная группа умышленно, обдуманно и целенаправленно планирует скрытые операции по угнетению людей, изменению их сознания. При идеологическом воздействии важны те способы, которыми доминирующие социальные группы структурируют действительность, перерабатывают ценности, мировоззрения для легитимизации текущего порядка. Такое воздействие характеризуется открытостью и направленностью на усиление данного общества, создание

системы защиты против манипуляции, которая, напротив, представляет собой всегда скрытое воздействие на сознание, направленное на ослабление общества.

Легитимизация идеологии осуществляется открытым распространением способов мышления, ориентирующих людей таким образом, чтобы они принимали текущий порядок, понимали свою роль в обществе. Такой процесс социализации, ориентирование когнитивных интерпретаций окружающего мира в терминологии А. Грамши называется *гегемонией*. По мнению Л. Альтюссера, гегемония реализуется при помощи государственных идеологических инструментов (церковь, школа, семья) и форм проявления культуры (литература, музыка, рок-музыка, реклама, театр).

Понятие идеологии чаще всего ассоциируется с отношениями власти и доминирования определенной социальной группы. Д. Лай (Lye 1997) считает такой подход слишком упрощенным. Идеология рассматривается как набор постулатов и догматов, которые конституируют виртуальный мир групп, "*imaginative world of groups*" (Lye 1997: 14)*. Л. Альтюссер считает, что идеология — это «способ проецирования виртуальных отношений на реальные условия существования» (Althusser 1971: 113)*. Развивая данный тезис, можно сделать вывод о том, что именно идеология делает из людей личности. Следовательно, идеологические структуры естественны, они являются логическим продолжением исторического развития общества.

Любая идеология характеризуется внутренними противоречиями. В цели любой идеологии входит устранение противоречий, в процессе которого часто используется прием создания псевдо-проблем, для которых уже заготовлены псевдо-решения. При этом реально существующие социальные проблемы не замечаются. Именно во время устранения противоречий может быть перейдена та грань, которая разделяет манипулятивное и идеологическое воздействие. Результатом такого поворота может стать разобщение, деморализация и ослабление общества.

Связь между языком и идеологией существует на лексическом и грамматико-синтактическом уровнях (Kress 1979). Идеологии дискурсивно

конституируются, следовательно, самый эффективный способ или путь исследования идеологий — систематический анализ их реализации в дискурсе.

Интересную концепцию идеологии предлагает Л. Альтюссер, рассматривая «субъект не как исходную точку, а как некую конструкцию, состоящую из дискурсов — конструкцию, имя которой господствующая идеология» (Althusser 1971: 117)*. Современное понимание феномена идеологии несколько перекликается с основными положениями его теории, хотя некоторые исследователи считают его «гипер-детерминистским и догматическим» (Хилханова 1997: 59).

Для настоящего исследования наиболее ценным представляется междисциплинарный подход к определению феномена идеологии, сочетающий достижения когнитивной и социальной психологии, социологии и дискурс-анализа. Т.А. ван Дейк предлагает следующее определение идеологии: «Идеологии — это фундаментальные представления/убеждения какой-либо социальной группы и ее членов» (Dijk 2001: 5)*. Следовательно, идеология рассматривается как система социальных когнитивных структур, общая для членов некоторой группы и состоящая из набора установок, которые организованы в соответствии с групповыми нормами, ценностями и интересами. Подчеркнем, что идеология представляет собой систему представлений *доминирующей* социальной группы.

1.4.2.2. Компонеты идеологии

Выделяются дискурсивные, социальные и когнитивные компоненты идеологии. Система идеологии влияет на основные социальные практики (дискурс) и определяет способы преподнесения тех или иных событий широким социальным группам. Идеологическая организация различных областей социальной жизни, с одной стороны, дискурсивно конституируется, а с другой отражается в определенной организации и структуре дискурса. Дискурсивное построение идеологии реализуется посредством стратегического преподнесения информации о каких-либо событиях или фактах.

Любой дискурс выражает определенную идеологию и организуется ею. «Лингвистические средства никогда не появляются в тексте сами по себе; их присутствие служит индикатором идеологической системы, реализованной в дискурсе» (Kress 1979: 43)*. Идеологическая значимость языковых средств может быть считана с них, а ее смыслы расшифрованы. Ключом к такому коду и является систематический дискурс-анализ.

Отличительной чертой идеологии является то, что она характеризует систему представлений социальной группы. Наличие социального компонента идеологии подтверждается исследованиями в рамках когнитивной психологии (выделяются *социальное* познание, *социальная* память, *социальные* репрезентации и т.д.). Социальные аспекты идеологии характеризуют общество. На микроуровне можно проследить манифестацию идеологий в социальных практиках повседневной жизни. Социальные деятели являются участниками различных форм взаимодействия. Члены различных этнических или расовых групп руководствуются при взаимодействии расистскими, этническими или антирасистскими идеологиями. В дискурсе можно наблюдать расовую или этническую дискриминацию, дискриминацию по возрасту, материальному положению и т.п. Идеологии могут быть выраженными в паравербальной деятельности, например, жестах, выражениях лица, позах, дистанцировании и т.п.

Социальной группой называется коллектив людей, который характеризуется общими представлениями, целями и ценностями, организуюимися идеологией на когнитивном уровне. Социальные группы отличаются внутренним структурированием (лидеры, рядовые члены, идеологи и т.п.). Такая организация помогает группе выживать и развиваться. Идеологию иногда приходится защищать и легитимизировать в общественной сфере, вербовать новых членов группы при помощи различных форм пропаганды. Идеологическая жизнь группы основана на комплексном взаимодействии функций, организаций, институтов и социальных практик.

Общественные институты играют ключевую роль в распространении идеологий. Наиболее влиятельными из них являются школа, формирующая сознание в самом начале, и СМИ, оказывающие самое значительное влияние на сознание после школы (раньше школу и СМИ заменяла церковь). Так как идеологии косвенно контролируют социальные практики (в том числе и дискурс), то очевидно, что социальная функция идеологии заключается в объединении усилий группы и взаимодействия между ее членами.

Неотъемлемой характеристикой идеологии является конфликт интересов (Здравомыслов 1995; Лебедева 1997). При войне между двумя странами налицо две националистских идеологии, существующих не в обществе в целом, а между социальными группами. Идеологии можно характеризовать когнитивным измерением: их можно изучать как структуры мышления членов группы, как знания. Наряду с описанием социальных, необходим анализ когнитивных компонентов идеологии: представлений/убеждений, разделяемых членами социальной группы.

Идеологии — это представления и убеждения, общие для членов социальной группы и их точкой отсчета можно считать «МЫ». Так как групповые мнения и отношения социальны, их можно отнести к *социальной памяти*. Различные групповые, национальные или этнические предубеждения играют немаловажную роль в дискурсивном конституировании идеологий как разновидности воздействия на сознание (создание и поддержание «образа врага», «страха терроризма, голода», стратегия «поиска козла отпущения»).

Идеологии формируют основные социальные представления и убеждения, общие для данной группы. Они функционируют как система взглядов, принимаемая за точку отсчета и определяющая связность социальных представлений. Они определяют, что такое «хорошо» и что такое «плохо», что запрещено и что разрешено.

Для описания когнитивного измерения идеологии Т.А. ван Дейк использует понятия *ментальной и контекстуальной* моделей (Dijk 2001). Под ментальными моделями понимаются репрезентации событий

эпизодической памяти, в которых мы ежедневно участвуем. Под контекстуальной моделью понимается контекст, выстраиваемый параллельно с ментальными моделями (Dijk 2001).

Отметим, что такие модели отличаются высокой степенью субъективности. Сугубо теоретический характер предложенной схемы организации идеологии очевиден. Однако ее убедительность не вызывает сомнений, так как она помогает объяснить социальные практики, включая дискурс. Идеология группы выражается в дискурсе не прямо, а косвенно, и влияет на знания группы. В этом случае знание (в его первоначальном смысле как независимое от идеологии) переходит в разряд групповых *стереотипов и предрассудков*.

1.4.2.3. Этнокультурные стереотипы

Этнические стереотипы играют важную роль в преподнесении событий и явлений действительности широким массам и влияют на межэтнические взаимодействия (Карпенко 2000; Христофорова 2001). Так как ни один человек не может реагировать на окружающую его среду без опоры на предыдущий коллективный опыт ее оценки, актуальность рассмотрения особенностей предвзятых мнений, тиражируемых СМИ, очевидна. Необходимо учитывать, что СМИ не только используют уже существующие предвзятые мнения, но и формируют новые стереотипы и предубеждения для дальнейшего использования.

Под стереотипом как элементом обыденного сознания в настоящем исследовании понимается предвзятое, выведенное из стандартизованных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений действительности. Под этнокультурным стереотипом понимается «обобщённое представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ»; под этническим предубеждением как разновидностью стереотипа «предвзятое мнение о национальных свойствах какого-либо этноса, возведенное во враждебную психологическую установку по отношению к данному этносу» (Кармин 1997: 145).

Этнические установки современного человека формируется не сами по себе, «а под влиянием господствующей идеологии, выраженной в пропаганде, искусстве, могущественных средствах массовой коммуникации (радио, телевидение, пресса и т. п.)» (Кон 1966:189).

Существует множество путей дискурсивного формирования этнических представлений: через прессу, публичные лекции, научную и научно-популярную литературу, книги для детей и юношества, энциклопедии, справочную, художественную литературу и т.д. Что касается личного опыта общения с людьми иной национальности, то он всегда слишком ограничен, чтобы на его основании делать общие выводы о нации в целом. К стереотипным характеристикам народов следует относиться критически.

Межэтнические конфликты и военные действия являются катализатором языкового выражения различных стереотипов и предубеждений, существующих в массовом сознании. Актуальным представляется систематическое изучение военного дискурса СМИ на предмет манипулятивности с точки зрения современной лингвистики и критического анализа.

Предвзятые мнения и предубеждения можно рассматривать как результат воздействия военного дискурса на аудиторию, что, следовательно, дает возможность судить об успешности или неуспешности такого воздействия, об общих характеристиках социальных групп, наиболее подверженных или защищенных от воздействия военного дискурса СМИ. Рассмотрение лингвистических аспектов военного дискурса позволяет не только выявить приемы и результаты манипуляции сознанием социальных или этнических групп, но и описать военный дискурс СМИ непосредственно.

1.5. Выводы

Представленный обзор исследовательского поля обозначил ключевые понятия и термины исследования. Прежде всего, это *текст и дискурс.* Подводя итоги их обсуждению, воспользуемся тезисом А.А. Залевской: «…едва ли возможно дать такую дефиницию, которая отвечала бы всем ракурсам «видения» текста … как бы мы ни пытались абстрагироваться от реальной жизни в попытках втиснуть суть и специфику текста в прокрустово ложе строгой научной формулировки» (Залевская 2001: 37).

Данный тезис справедлив и по отношению к понятию «дискурс».

Показаны разноборазие направлений дискурс-анализа и недостаточность для данного исследования подходов к изучению языкового общения о войне с позиций «чистой» лингвистики, занимающейся рассмотрением либо формальных, либо функциональных его характеристик; необходимость комплексного рассмотрения особенностей текстов печатных СМИ о войне с позиций современного дискурс-анализа.

Приведенные теоретические выкладки позволяют рассматривать феномены идеологии, пропаганды, манипуляции сознанием, информационного и психологического воздействия (как неотъемлемых составляющих языковой коммуникации) в неразрывной связи друг с другом, что отвечает требованиям критического подхода, в рамках которого проводится настоящее исследование.

Наибольший интерес для исследователя военного дискурса СМИ представляют социо-когнитивные элементы версий действительности, ориентирующие мнение читательской аудитории. Однако утверждение о том, что СМИ создают и внедряют в сознание массовой аудитории предубеждения, представляется не совсем корректным, так как стереотипы существуют и без СМИ, которые не только создают, но и используют уже существующие стереотипы. Это не может остаться за пределами критического дискурс-анализа.

Отсутствие единого подхода к критическому анализу дискурса свидетельствует о новизне и перспективности проводимого исследования. Описанные релевантные направления дискурс-анализа постоянно совершенствуются в соответствии с новыми задачами, которые ставят перед собой ученые. Критическая перспектива распространяется на новые области лингвистики, появляются новые критические направления, например, по межкультурной коммуникации. Все большее число языковедов полагает, что собственно лингвистический анализ должен включать освещение социально-политических оснований языка. Акцентируется один из основных постулатов дискурс-анализа, определяющий ход любого критического исследования: «Критическая лингвистика и критический анализ дискурса развиваются, прежде всего, в направлении междисциплинарных областей и тем самым открывают интересные перспективы для комплексного изучения роли языка в жизни общества» (Водак 1997: 8).

Воздействие военного дискурса на аудиторию может проходить открыто — по схеме идеологии (*ориентирующая* функция военного дискурса) или скрыто — по принципу манипуляции (*манипулятивная* функция военного дискурса). В любом случае дискурс о войне необходимо анализировать как комплексный социальный феномен, сочетающий обе разновидности воздействия. Для этого необходима методика исследования, ориентированная на изучение особенностей военного дискурса прессы и языкового выражения предубежденных мнений как результатов воздействия военного дискурса, вариант которой предлагается в главе 2.

Глава 2. Методика и результаты анализа военного дискурса

Generally speaking, we want to uncover and de-mystify certain social processes in this and other societies, to make mechanisms of manipulation, discrimination, demagogy and propaganda explicit and transparent.

R. Wodak (1989: xiv)

2.1. Общие положения

Вопросы использования той или иной методики важны не только с практической, но и с теоретической точки зрения. Можно согласиться с бытующим в лингвистической литературе утверждением, что многие авторы избегают обсуждения проблем отбора языкового материала. Действительно, на сегодняшний день нет единых требований, определяющих количественные и качественные характеристики исследуемого корпуса дискурсов. Однако об этом не стоит забывать, так как отбор материала производится на основной стадии исследования, которая в значительной степени предопределяет его результаты.

Для восполнения такого недостатка в качестве рабочего можно принять требование к материалу, выдвигаемое исследователями Венской школы: анализируемый корпус дискурсов должен говорить сам за себя (Wodak 1999). Аналогичный подход применяется и в отечественных лингвистических исследованиях. Например, М.Л. Макаров предлагает «проводить репрезентативную или теоретическую выборку» (Макаров 1997: 90). По его мнению, случайность отбора, подразумеваемая понятием выборки, относительна, с чем нельзя не согласиться.

Так как в данной работе исследуется дискурс прессы о северокавказском конфликте, случайность выборки ограничивается его историко-временными характеристиками и источником. Критерием отбора материала послужило, прежде всего, его нахождение в открытом доступе. Отбирались статьи, освещающие события на Северном Кавказе 1998-2000 гг.

В базу данных вошли статьи из российских, немецких, английских и американских газет, журналов и их Интернет-версий; статьи, опубликованные в Интернете чеченцами (Интернет-газета "The Chechen Times", www.chechentimes.com, которая просуществовала до 2001); хроники конфликта; интервью; короткие репортажи (по 10-20 строк); заявления правительства и официальных лиц. Каталог отобранных дискурсов (в сокращенном варианте) приведен в Приложении 1: «База данных исследования».

Исследователь, работающий в рамках критического анализа дискурса, строит методику, адаптируя ее под особенности собственного материала, поэтому имеет смысл подробно остановиться на методике, используемой в настоящей работе.

Специфика цели и объекта исследования определила набор правил, предлагаемых для исследования особенностей военного дискурса прессы. Данный тип дискурса до сих пор не являлся объектом специального исследования. По этой причине существующие методы анализа были адаптированы и объединены в единое целое. Описываемая методика представляет собой синтез правил, разработанных Венской, Амстердамской и Дуйсбургской школами. Вышеупомянутые методики были изначально разработаны для анализа дискурса прессы.

Сочетание основных приемов этих методик будет полезным для данной работы, так как они взаимно дополняют друг друга. Если подход Т.А. ван Дейка больше тяготеет к работе с макроструктурами дискурса, то методика З. Егера делает основной акцент на микроструктурах. Разработки Р.Водак по сути являются логическим продолжением социокогнитивной теории с учетом дискурсивно-исторической перспективы. Такой акцент в современной лингвистике считается «очень важным (если не обязательным) для проводимых изысканий» (Barsky 1997: 5)*, так как обеспечивает корректность результатов любого междисциплинарного исследования.

Анализ отобранного материала предлагается проводить в три этапа: детальный анализ корпуса дискурсов (подготовительный), обобщающий анализ военного дискурса (основной) и верификация результатов исследования (заключительный). На подготовительном этапе предлагается исследовать микро- и макроструктуры дискурса, языковой и неязыковой контекст. Работа со статьями на начальном этапе ведется по отдельности, а затем на основной стадии выполняется обобщающий анализ военного дискурса. Учитывается, что воздействие далеко не всех выявленных лингвистических средств отразится на сознании каждого реципиента.

Учитывая объем выборки дискурсов, детальный анализ каждой статьи в настоящей работе представлен не будет, однако в целях иллюстрации по возможности приводяться разнообразные примеры. Заключительный этап исследования предусматривает проверку полученных результатов исследования на практике.

Теоретическое описание категорий анализа и практическая реализация предложенной методики объединяются в рамках одной главы, что позволит лучше проиллюстрировать предлагаемую методику. Это позволит рассматривать настоящую работу не просто как теоретическое описание методики и результатов, полученных в ходе ее реализации, а также в качестве руководства по анализу военного дискурса СМИ.

2.2. Анализ корпуса дискурсов

На начальном этапе анализа проводится первичная графическая обработка текста: последовательно нумеруются строки (1, 2, 3...), включая подзаголовки. Предлагается отмечать предложенное автором (или редакцией) графическое деление статьи — выделять абзацы при помощи квадратной скобки. Нумерация строк производится слева, а абзацы выделяются справа от текста, как показано на рис. 1, 2 (приложение 2). Графическая обработка проводится в целях удобства работы с исследуемым текстом (задается система координат) и используется для анализа микро- и макроструктуры дискурса.

Статья «*Если враг не сдается…*» опубликована в Российской газете 11 января 2000 г., № 6, стр. 1, 3. В базе данных исследования ее нет, так как в работе приведен ее сокращенный вариант. Далее предлагается опираться на эту статью для детальной иллюстрации методики исследования. Статья содержит 133 строки и 6 подзаголовков.

2.2.1. Анализ микроструктуры

«Анализ дискурса газеты следует начинать с микроуровня, последовательно продвигаясь от малых к более крупным и глубинным структурам дискурса» (Jäger 1994: 15)*. Следуя рекомендации З. Егера, начнем с анализа микроструктуры военного дискурса.

Статья (приложение 2, рис. 1, 2), вышедшая под рубрикой «Кавказский узел», характеризуется особым расположением в номере: начало на первой странице, продолжение — на третьей. В ней есть фотография, на которой показано, как солдаты федеральных сил дружелюбно пытаются что-то объяснить местному жителю. Хотя анализ видеоряда военного дискурса не входит в цели настоящего исследования, необходимые комментарии приводятся по ходу работы с учетом его важности. На первый взгляд, иллюстрация совершенно противоречит содержанию: речь идет об активизации боевиков и их нападении на федеральные силы.

С другой стороны, статья представляет собой комбинацию новостей (без определенного автора), объединенных одной темой, о чем свидетельствуют многочисленные подзаголовки. В ходе анализа доказывается, что это цельное образование, которое можно рассматривать в качестве статьи, работающее в рамках стратегии героизации МЫ - ГРУПП и легитимизации применения военной силы.

2.2.1.1. Лексические особенности воздействия

Важно отметить способы номинации сторон конфликта и их действий. При работе с глаголами особое внимание уделяется грамматической категории залога в связи с важностью противопоставления *деятеля и жертвы* и выявления

идеологической ориентации автора/редакции, определяющей объект и субъект действия. Категории времени и наклонения не должны выпадать из поля зрения исследователя.

С точки зрения социальной психологии и социологии, важен анализ местоимений, встречающихся в статье, так как они отражают преподносимую общую социальную поляризацию (*мы/они; свои/чужие*), указывают на то, какую сторону (например, при описании вооруженного конфликта) занимает непосредственно автор статьи и издательство, какова идеологическая и пропагандистская направленность данной группы.

Ключевыми существительными статьи являются: «*враг*», «*бандиты*», «*боевики»*, «*сепаратисты*». Наряду с негативными характеристиками описываемой социальной группы (чеченская сторона конфликта), необходимо принять во внимание, что существительные «*боевики*» и «*сепаратисты*» используются в косвенной речи (строки 23-30) при цитации Виктора Казанцева (командующего ВС РФ на Северном Кавказе); существительное «*враг*» — в заголовке статьи; «*бандиты*» — в первом подзаголовке «*Бандиты не пройдут*» (строка 21-22); «*боевики»* — при цитации командующего в косвенной речи (строки 39-41). Это демонстрирует не только отношение В. Казанцева (которое не противоречит официальной версии) к людям, событиям и действиям, но также позицию редакции (в заголовке, подзаголовках и во вводке): Российская газета поддерживает позицию правительства (является официальным изданием Правительства РФ). Другими словами, она может служить инструментом правительственной пропаганды. Существительные «*меры*», «*контроль*» и «*безопасность*» (строки 46-48) используются при ссылке на В. Казанцева — «*…согласно его словам…*», позитивно характеризуя действия российского правительства в Чеченской республике.

Статья содержит военные термины: *бандформирования, федеральные войска, авиация, боевые действия, комендатура, генерал-полковник, подразделение, удар, потери, аббревиатуры СОБР, ОМОН, МВД РФ*. Представлены также топонимы: *Чечня, Россия, Шали, Аргун и Гудермес*. Это

типично для официального дискурса, сообщений Правительства и высшего армейского командования.

Ключевыми глаголами и глагольными фразами являются: «*оказать сопротивление*», «*нанести удар*» (строки 15-16, 40-41), «*воевать*». Употребляясь в активном залоге, одни из них обозначают активные враждебные действия чеченцев («*...боевики нанесли удар даже в период религиозных праздников...*» (строки 15-17)), а другие в пассивном залоге тот факт, что российская армия только реагирует на эти действия («*По скоплениям и базам боевиков будут наноситься огневые удары*» (строки 39-41)). Последовательность «*действие — реакция*» строится даже грамматически: глагол «*атаковали*» используется в активном залоге, прошедшем времени, демонстрируя общую характеристику действий (активный характер плюс приоритет — действие обычно происходит перед реакцией). Глагол во втором примере используется в будущем времени, в пассивном залоге (реакция обычно происходит в ближайшем будущем, пассивный залог предполагает, что «*боевики*» виноваты в реакции федеральных сил). Это доказывает то, что федеральное правительство пропагандирует свою официальную версию военной реальности — ОНИ атакуют, МЫ защищаемся.

Ключевыми прилагательными являются: «**боевой**» — «*...во время религиозных праздников, когда федеральные войска по приказу временно прекратили боевые действия*» (строки 16-20); «**освобожденный**» — «*...меры по усилению контроля за безопасностью в освобожденных районах республики*» (строки 46-49); «**террористический**» — «*...начали прибывать в Чечню, чтобы обучать боевиков террористическим методам, отработанным в течение десятилетий....*» (117-120); «*является составной частью международной террористической структуры*» (128-130); «**мусульманский**» — «*...инструкторы этой мусульманской организации*» (Хезболлах, авт.) (115-116); «**исламский**» — «*...в течение десятилетий противостояния исламских фундаменталистов вооруженным силам Израиля*» (120-124). Два последних прилагательных ограничивают целевую аудиторию манипуляции

общественным сознанием. Они отсылают к социокультурным знаниям о религиозном фанатизме, джихаде (священной войне мусульман против неверных) и призывам «Аллах-Акбар!» и «Бей неверных!». Принимая во внимание последние события в Америке 11 сентября 2001 г., ассоциации могут получить свое развитие дальше до Усаммы бен Ладена, воздушной атаки американских городов и совершенного террористического акта. Таким образом, прилагательные помогают выявить еще одну грань официальной версии действительности: Россия ведет войну в Чечне в рамках общемировой борьбы с терроризмом, что органично входит в стратегию легитимизации применения военной силы на Северном Кавказе.

Ключевыми местоимениями являются: «**они**» — «Они накопили силы и нанесли удар…» (15); «**мы**» — «Больше мы не будем верить Масхадову и...» (76), то есть местоимения первого лица ед. и мн. числа. Эти примеры иллюстрируют конституирование военного дискурса по принципу бинарной оппозиции. Порядок, согласно которому они появляются в рассматриваемой статье, подчеркивает последовательность «действие — реакция».

Воздействие военного дискурса уходит корнями и четко просматривается на микроуровне анализа морфологических языковых средств. Целенаправленность создания такой версии действительности не вызывает никаких сомнений хотя бы потому, что данная статья была составлена редакцией на основе новостей пресс-службы МО РФ и ИТАР-ТАСС. Далее будет показано, как из таких «кирпичиков» выстраивается целая «пирамида» манипуляции сознанием на макроуровне.

2.2.1.2. Синтактико-стилистические особенности воздействия

Синтаксические характеристики медиа-текста важны, так как помогают определить официальность дискурса прессы и те социальные группы читателей, на которые рассчитана данная статья. Синтаксические средства текстового структурирования (вводные конструкции, прямая/косвенная речь в цитатах, ссылки, указания на различные источники, характерная для

интервью диалогическая структура) могут подразделять дискурс в различных направлениях: временном, пространственном, содержательном.

Длина среднего предложения статьи составляет 19 слов. Самое короткое предложение (7 слов — строки 14-16) находится во введении, самое длинное (31 слово — строки 23-30) следует за первым подзаголовком. Количественные характеристики синтаксиса статьи представлены в таб. 2:

Таб. 2. Синтаксические особенности статьи

Элемент	Параграфы	Предложения	Слова
Заголовок «Если враг не сдается…»	—	—	—
Вводка (строки 1-20)	1	5	13, 14, 12, 7, 20
Подзаголовок 1 (21-22) «Бандиты не пройдут»	—	—	—
Строки 23-49	2	6	31, 16, 15, 9, 13*, 18
Ссылка (50) «Продолжение темы — стр.3»	—	—	—
Подзаголовок 2 (52-53) «За погибших отомстят друзья»	—	—	—
Строки 54-65	1	3	16, 13, 15
Подзаголовок 3 (66) «Огневые удары»	—	—	—
Строки 67-78	1	2	27, 13*
Подзаголовок 4 (79) «Готовность номер 1»	—	—	—
Строки 80-94	1	3	23, 25, 11
Подзаголовок 5 (95-96) «Агония чеченских волков»	—	—	—
Строки 97-109	1	4	17, 10*, 16, 12*
Подзаголовок 6 (110-111) «Их учили в Хезболлахе»	—	—	—
Строки 112-130	1	4	9, 27, 8, 12
Ссылка на использованные источники (131-133) «Российская газета — пресс-служба МО РФ — ИТАР ТАСС»	—	—	—

12 — предложения с прямой речью.*

Такая длина предложений типична для официальных заявлений Правительства. Предложений, совпадающих с параграфами или с большими элементами дискурса, не отмечено. Большинство предложений — длинные. Во-первых, это показывает качественный характер *Российской газеты*. Во-вторых, статьи с длинными предложениями предназначены для широкой целевой аудитории (от простых, образованных людей до высшего военного командования и других элит) манипуляции сознанием.

Статья содержит как сложноподчиненные, так и сложносочиненные предложения, хотя доминируют простые предложения, которых болше

половины. Сложносочиненные предложения связаны: а) союзами (97-101: «*Российское военное командование считает вылазки боевиков в Аргуне, Шали и Гудермесе актами терроризма, а не контрнаступлением*»); б) бессоюзно (61-65: «*В Шали и Аргуне в настоящий момент ситуация стабилизировалась, некоторые объекты, взятые за день боевиками, отбиты»*). Сложноподчиненные предложения содержат придаточные предложения: времени (15-20), места (23-30) и цели (114-123), что усиливает убедительность и аргументацию пропаганды.

Порядок слов в предложениях статьи иногда обратный (13-15; 39-41; 61-65; 77), что придает эмоциональное напряжение описываемым событиям. Стоит упомянуть, что воздействие на эмоции реципиентов являются неотъемлемой частью манипуляции.

Дискурс статьи структурирован прежде всего вводными конструкциями (86-87; 127-128). Первый вводный элемент дискурса «*по уточненным данным представителя МВД РФ*» является классическим примером *серой пропаганды*, приема манипуляции сознанием, который чаще всего используется прессой. Источник по большому счету неизвестен (некий представитель без роду, без имени), а достоверность — неопределенная. Второй вводный элемент на языке математики *приравнивает* «*чеченские вооруженные группировки*» к международному терроризму, конституируя стратегию легитимизации применения военной силы.

Синтаксическая структура статьи детерминирована разрывами дискурса и ссылками. В целом, дискурс статьи разрывается ссылкой (50) и подзаголовками. Другие предложения-ссылки указывают на источник информации (56-61; 103-107; 123-126) и иллюстрируют прием *белой пропаганды* (источник известен, информация более-менее достоверная). Цитация иногда происходит в форме прямой речи (4 предложения, отмеченные * в таб. 2), в основном же — в форме косвенной (практически вся статья — косвенная цитация разных высокопоставленных лиц, Пресс-центра и т.п.).

Такая синтаксическая структура типична для коротких сообщений, когда отдельные новости строятся подобным образом (количество подзаголовков от одного до десяти, наличие смысловой связи не обязательно). Связь в исследуемой статье не нарушается: факты и события специально отобраны для новостей так, чтобы последующая тема была связана с предыдущей. Вот почему это скорее статья (не короткое сообщение типа «новости одной строкой»). Здесь использован манипулятивный прием *отбора событий реальности для сообщений*. Новости были тщательно подобраны и размещены так, чтобы направлять размышления в нужном русле, ориентировать сознание читателя, и чтобы при этом он об этом не знал. Подробнее этот прием разбирается на макроуровне анализа.

Стиль повествования в высшей степени официальный: статья в основном предназначена для образованных социальных групп различного возраста. Исследуемая статья не содержит большое количество стилистических средств, что типично для официального стиля. Встречаются инверсия, метафора (95-96); сравнение (1-4); асиндетон, официальный перифраз — «*совершили попытку захвата*» (24-25) вместо «*попытались захватить*», а также другие экспрессивные средства, такие как фразеологизмы (выполняют текстообразующую функцию) — «уменья не занимать», «боевые действия», «огневые удары». Это доказывает, что наряду с официальным тоном прослеживается определенная макролиния: та же стратегия легитимизации применения военной силы.

2.2.1.3. Дейксис

Принято различать пять типов дейксиса: *персональный, темпоральный, локальный, дейксис дискурса и социальный дейксис*. Персональный дейксис — это указания на автора, читателя, действующих лиц, ограничивающие в любом языке возможность интерпретации контекста. Его показателем считается грамматическая категория лица, зависящая от грамматикализации ролей участников коммуникации и упоминания автора о себе.

Темпоральный дейксис — это указание на время. Его показателями считаются наречия с ограничительными словами, временные формы глаголов, наречия и существительные, указывающие на время, существительное/наречие/союз *now* и т.п.

Локальный дейксис — это указания на место в пространстве. Его показателями считаются указательные местоимения, прилагательные, наречия и артикли. Дейксис дискурса — указания на различные элементы дискурса или текста, контекст дискурса, указания на ситуацию, события с различными временными координатами и т.п. (вводные конструкции, лексические ограничители, союзы и другие элементы, выполняющие связующую функцию в дискурсе).

Социальный дейксис — это указание на социальную ситуацию, социальные условия коммуникации, социальные характеристики участников коммуникации. Обращения, формы вежливости (*Mr. President*, the general is waiting for you). Социальный дейксис может быть реализован на уровне стиля (*возвышенный, разговорный*). Социальная информация в дискурсе важна для настоящего исследования с точки зрения учета социального контекста дискурса и изучения групповой поляризации.

Субъективный дейксис реализуется во всех трех категориях: *персональной, темпоральной и локальной*. Персональный дейксис указывает на источник сообщения (44-45 — «подчеркнул генерал»; 109 — «он думает» и т.д.) или на цитируемое лицо (33-34 и т.д.). Этот вид дейксиса реализован посредством персональных местоимений — *они, нам* (15); имен собственных (*В. Казанцев, А. Масхадов, В. Манилов*) и вышеописанных существительных. Темпоральный дейксис представлен грамматической категорией времени (39-41), фразами, такими как "минувшие сутки" (55), «на настоящий момент» (70-80), наречиями «вчера» (58, 84), «когда» (17). Локальный дейксис в основном представлен топонимами (Чечня, Шали, Аргун). Дейксис дискурса представлен разрывом статьи — ссылкой на страницу 3 (50). Социальный

дейксис реализован при помощи наименований должностей (генерал-полковник, командующий).

В целом, социальный дейксис направлен на повышение авторитетности преподносимых новостей и мнения редакции. Персональный, темпоральный и локальный дейксис поддерживают групповую систему поляризации «МЫ-ОНИ» и стратегию «их действие — наша ответная редакция», что является частью стратегий *легитимизации применения военной силы* и героизации действий своей стороны конфликта.

2.2.1.4. Аргументация

Аргументация реализуется введением в военный дискурс статистической информации (цифр и чисел), что нередко вносит хаос и значительно запутывает реципиента (особенно если он не достаточно осведомлен в сфере, о которой идет речь). Важно учитывать сводки о раненых, убитых, взятых/сдавшихся в плен, захваченных заложниках, данные о количестве людей, вовлеченных в вооруженный конфликт с обеих сторон и т.п.

Эффект аргументированности достигается цитированием. В военном дискурсе прессы очень часто используются ссылки на высокопоставленные источники, не пожелавшие назвать себя (также прием манипуляции). Приведение примеров в виде ссылок или цитат может реализовываться в форме прямой (интерпретация) и косвенной речи (как минимум двойная интерпретация, или ее пересказ).

Важным компонентом является детализация новостей. Она выполняет не только аргументативную, но и убеждающую функцию. Высокий уровень детализации (например, при описании боя) может свидетельствовать о компетенции источника/автора/журналиста, а небольшое количество деталей — о некомпетентности.

В исследуемой статье стоит обратить внимание на цифры и числа. Данные о потерях убитыми и раненными (56-57, «26 солдат убито, 30 ранено») очень важны в военном дискурсе. Такие потери за 24 часа нельзя

назвать легкими. Данные о количестве людей, вовлеченных в конфликт с Чеченской стороны, относительны (89; 1,5 тысячи боевиков). Их источник не ясен. Важно и то, что в статье не приводится количество людей, вовлеченных в конфликт с российской стороны, хотя «Российская газета» изредка предоставляет такие данные. Эти аргументы демонстрируют законность использования вооруженных сил. В связи с этим приводится и другое число — степень готовности №1 (подзаголовок 4, строка 79; строка 94).

Для большей убедительности использованы цитаты и ссылки на такие авторитетные источники информации, как генерал-полковник В. Казанцев (30-35; 45-50; 66-75); Пресс-центр федеральных военных сил на Северном Кавказе (57-61); генерал-полковник В. Манилов (103-107) и на лондонский еженедельник "Sunday Telegraph" (123-126). Это повышает кажущуюся достоверность представленной информации и компетентность мнения редакции. Весомость ссылки на британскую газету может быть поставлена под сомнение, поскольку не представлено никаких данных об авторе публикации, номере или дате ее выхода, названии статьи. Статья также содержит еще более подозрительную ссылку на неопределенного представителя МВД (86-93, «*по уточненным данным представителя МВД РФ, в нападении на этот населенный пункт участвовали около 1,5 тысячи боевиков*…»). Такая аргументация типична для серой пропаганды, когда источник неизвестен и достоверность не определена, так что истинность или ложность данных о количестве боевиков не может быть доказана. Возможно, здесь имеет место *фабрикация фактов*.

Прямая и косвенная речь подкрепляют аргументацию. Относительно детальное описание, где и кто обучил чеченских боевиков (112-133), выполняет не только аргументативную функцию, но и убеждает читателей в правильности позиции и действий федеральных сил, повышая тем самым авторитетность редакции.

2.2.2. Макроструктура военного дискурса

Анализируется соответствие графической и содержательной структуры дискурса. Устанавливается содержание графически маркированных отрезков статьи (абзацев), темы и топики. Под темой понимается сумма пропозиций соседних предложений. Топик — тема на макроуровне, сумма макропропозиций (заголовки и вводки). Также важен анализ локальной (на уровне тем) и глобальной (на уровне топиков) когерентности дискурса. Нарушение когерентности лежит в основе ориентирующих массовое сознание приемов и может служить показателем наличия в дискурсе манипулятивных, идеологических и других интенций.

Отдельное место занимают паралингвистические характеристики дискурса (макетирование, размер и цвет шрифта, оформление заголовков, вводок, различные выделения, расположение текстовых блоков на странице, разрыв статьи — иногда начало статьи помещается на первой странице, а продолжение — в середине). Также учитываются характеристики видеоряда: иллюстраций, графиков, карт, фотографий, карикатур и т.п.

Все микро- и макросредства подчинены более глобальным ориентирам. В критическом анализе дискурса их называют семантическими макростратегиями. Если это понятие нередко определяется как средство, которым читатель «пользуется … для извлечения топиков из текста» (Дейк 1989: 241), то в данном исследовании предлагается учесть небольшой комментарий о двусторонности коммуникации: семантические макросредства дискурса, направленные на определенную ориентацию сознания реципиента. Стратегии могут использоваться и при создании новостей с расчетом, что читатель пойдет по заранее приготовленному пути, а стратегическое преподнесение информации в этом смысле будет лежать в основе манипулятивного эффекта дискурса.

На первый взгляд, графическая структура статьи соответствует содержательной. Детальное исследование этого соответствия, приведенное в таб. 3, обнаруживает некоторые противоречия.

ТАБ. 3. ГРАФИЧЕСКАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА

строки	Пропозиции предложений	Темы абзацев	Топики	Макротемы	
23-30	Меры против бандитов	Меры, предпринимаемые против бандитов	Реакция федералов: меры, не позволяющие бандитам прорваться + совпадение с подзаголовком 1 (21-22): **бандиты не пройдут**	Чеченские боевики не сдаются и при поддержке международного терроризма нападают на федеральные войска + совпадение с макротемой вводки: **Боевики не сдаются, а атакуют федеральные войска.** Пропозиции предложений вводки: 1. напряженность в Чечне растет 2. бандиты продолжают войну 3. ландшафт в пользу бандитов 4. бандиты умеют воевать 5. они напали на федеральные войска	**Боевики не сдаются, а атакуют федеральные войска.** + совпадение с макротемой заголовка: **Если враг не сдается…**
30-34	Казанцев сделал заявление				
34-39	Подразделения РФ усилены				
39-41	Нанесение ответных ударов по боевикам				
42-45	Бандитов надо иммобилизовать	Другие меры против бандитов			
45-49	Будут предприняты др. меры				
54-56	*Русские несут потери*	*Понеся потери, российские войска стабилизировали ситуацию*	*Войска РФ стабилизировали ситуацию - несовпадение с подзагол. 2 (52-53)* ***за погибших отомстят друзья***		
56-61	*Пресс-центр заявил*				
61-65	*Ситуация была стабилизирована, некоторые объекты освобождены*				
67-75	Бандиты атаковали	Бандиты будут контратакованы	Ожидаемая реакция: контратака + совпадение с подзагол. 3 (66) **огневые удары**		
75-78	Бандитам не будет доверия и пощады				
80-86	Федеральные войска защищались	Войска приведены в готовность № 1	Текущая реакция: готовность № 1 + совпадение с подзагол. 4 (79) **Готовность № 1**		
86-92	1.5 тыс. боевиков атаковали				
92-94	Войска приведены в готовность 1				
97-101	Атака боевиков есть теракт	Атака — агония «Зверя»	Агония боевиков + совпадение с подзагол. 5 (95-96) **агония чеченских волков**		
101-103	Это не контратака				
103-107	Манилов заявил				
107-109	«Зверь» в агонии				
112-114	Арабские террористы тренируют боевиков	Боевики обучались у международных террористов	Боевиков обучали арабские наемники + совпадение с подзагол. 6 (110-111) **их учили в «Хэзболлахе»**		
114-123	Исламские инструкторы обучали боевиков				
123-126	Sunday Telegraph made сообщила				
126-130	Боевики — часть международного терроризма				

Содержательная структура дискурса построена довольно связанно, хотя наблюдается одно отклонение: тема параграфа не совпадает с его заголовком — подзаголовок 2 (отмечено курсивом в таблице). Нарушение когерентности на локальном уровне органически встроено в глобальную структуру подобно вирусу, поэтому можно говорить о частичной глобальной когерентности. Будучи неотъемлемым свойством пропаганды, такие отклонения нацелены на реставрацию патриотизма в обществе и армии. С другой стороны, они помогают заполучить контроль над массовым сознанием.

Обнаруженный «вирус» характеризует цели и идеологию социальной группы, которой выгодна такая ориентация сознания. Функционально данный вирус может воздействовать на широкий спектр социальных групп: от военнослужащих, принимающих непосредственное участие в боевых

действиях в Чечне, до радикально настроенной молодежи. Сопоставив подзаголовок 2 «*За погибших отомстят друзья*», заголовок статьи «*Если враг не сдается…*» и общеизвестное предубежденное мнение «*лицо кавказской национальности — терроризм*», данный вирус можно определить как «*пропаганда мести врагу*». О результатах такого воздействия регулярно сообщается в телепередаче «Криминал», сводках «Патрульной службы» (рост насилия на расовой и национальной почве).

Анализ тематической структуры помогает выявить основные цели и стратегии федеральной пропаганды: 1) стратегия поляризации социальных групп по принципу бинарной оппозиции *МЫ — ОНИ;* 2) стратегия положительной *САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ* и диффамации *ДРУГИХ*; 3) *ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ* развертывания и использования военной силы. Такая пропаганда направлена не только на российское, но и на европейское и американское сознание. Новости и события отбираются и комбинируются так, чтобы читатели убеждались, что федеральное правительство России борется только с международными силами арабского терроризма как многие другие страны (США, Израиль).

2.2.3. Языковой и неязыковой контекст

Работа с языковым контекстом подразумевает общий анализ статей, опубликованных в данной газете/журнале. Учитывается расположение статьи (на первой странице, на последней, частями и т.п.). Приводится общая характеристика журнала, газеты, типа прессы (массовая или качественная), читателя, тиража, технического качества газеты, качества бумаги, печати, читабельность, количество страниц и т.п.

Статья «*Если враг не сдается…*» опубликована в «Российской газете». Так как эта газета была учреждена Правительством РФ в 1990 году, необходимо учитывать то, что настоящее издание является официальным изданием Правительства РФ. Следовательно, в публикациях газеты представлена правительственная точка зрения (проправительственная пропаганда). «Российская газета» относится к так называемой качественной

прессе, предназначена для широкой целевой аудитории и выходит пять раз в неделю тиражом 370530 экз., на русском языке. Ареал распространения Российской газеты значителен: Архангельск, Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Красноярск, Москва, Мурманск, Новосибирск, Пермь, Санкт-Петербург, Самара, Челябинск и т.д. «Российская газета» обладает сетевой версией http://www.rg.ru, которая появилась в 1998 г. Основные рубрики включают: «На тему дня», «В правительстве РФ», «Кавказский узел», «В Госдуме», «Как это было», «Журналистское расследование», «Криминал».

Исследуемая статья расположена на первой и третьей страницах (наличие разрыва статьи). На первой странице расположены статьи: «На смену праздникам приходят будни», «Владимир Путин принял вызов», «Губернаторская ночь после Рождества», «Новые назначения в Правительстве России» (с разрывом) и др. Из них основу языкового контекста составляет статья «Владимир Путин принял вызов», продолжение которой тоже расположено на третьей странице и занимает ее половину. Особенности макетирования (размер шрифта заголовка, наличие и размер фотографии) статей говорят о том, что исследуемая статья — вторая по значимости в номере (на одном уровне со статьей о президенте). На фоне рекламы Путина в рамках предвыборной компании исследуемая статья оправдывает действия правительства на Северном Кавказе. Параллельно с этим неявно формируются предубеждения против «лиц кавказской национальности» и даже проповедуется идея мести (за погибших отомстят друзья).

Для анализа неязыкового контекста используются сведения об авторе, других сотрудниках редакции (если такая информация есть), кадровых перестановках, а также другую информацию, которая могла бы помочь полнее выстроить контекст дискурса.

2.3. Обобщающий анализ военного дискурса

Детальный анализ корпуса дискурсов является подготовительным этапом для собственно критического анализа дискурса. Установленные факты, обнаруженные отличительные социальные и языковые особенности обобщаются и интерпретируются. Основная часть представляет собой комплексный анализ военного дискурса, основывающийся на детальном анализе каждой статьи корпуса выборки.

Данная часть работы нацелена на освещение общих, наиболее значимых и ценных характерных особенностей военного дискурса, выявленных в ходе анализа статей, что полностью отвечает целям и задачам диссертации. Порядок представления материала определяется предлагаемой методикой.

2.3.1. Средства воздействия на микроуровне

С лингвистической точки зрения, анализ воздействия военного дискурса на микроуровне позволяет исследовать языковые основы манипулятивности и формирования общественного мнения. Важнейшую роль в этом играют способы *номинации сторон конфликта*.

2.3.1.1. Номинация сторон конфликта

Анализ единиц морфологического уровня показал, что в западной прессе чеченцы, ведущие боевые действия, именуются «*повстанцами, партизанами, бойцами сопротивления*, жертвами, борцами за свободу» (*Chechen rebels, Chechen victims, rebel fighters, guerrillas, mujahids, die Rebellen, tschetschenische Truppen и т.п.*), а в русскоязычных СМИ — «чеченами, *боевиками, террористами, бандитами и нелюдями*». Приведем ряд примеров, которые не нуждаются в особых комментариях:

«Далее: всех *чеченов* … объявляем *иностранцами*…»
(Что России делать с Чечней. Интервью с А. Солженицыным. АИФ, N 37, 15.09.1999.)

«…все эти *полевые командиры* — агенты либо Моссада, либо ЦРУ, либо и того, и другого разведсообщества. Это относится и к Хаттабу, и к Басаеву, и к *другим бандитам*. Никто их за *героев* не считает. К *бандитам* у любого народа отношение одинаковое».
(Руслан Хасбулатов: Конфликт в Чечне выгоден США. АИФ, N 40, 07.10.1999.)

«Но Запад крутит все ту же заезженную "картинку" — *чеченских "борцов за свободу"* и толпы..»

(Югославия и Чечня: двойные стандарты Западной пропаганды. АИФ, N 45, 10.11.1999.)

«Вчера исполнился год с того дня, как *вооруженные отряды ваххабитов* вторглись с территории мятежной Чечни в соседний Дагестан, и началась антитеррористическая операция».
(Страна не перекрестится. Известия, N 146, 10.08.2000.)

«…было выявлено 85 человек, причастных к *бандформированиям*, 30 из которых были уничтожены при задержании, так как оказали вооруженное сопротивление».
(В районе селения Гехи трое суток продолжался бой. Независимая газета, 04.08.2000.)

«По данным командования *Объединенной группировки войск*, *боевики* готовятся провести…».
(Чечня: хроника конфликта 26 августа-01 сентября. Независимая газета, 02.09.2000)

«…двое *военнослужащих внутренних войск* погибли … в результате *боевого столкновения* с *вооруженными бандитами* в районе поселка Пригородное в Грозненском сельском районе».
(В районе селения Гехи трое суток продолжался бой. Независимая газета, 04.08.2000.)

«Но меры безопасности *федералами* были предприняты беспрецедентные».
(Ожидаемая акция возмездия в Грозном оказалась больше надуманной. Независимая газета, 18.08.2000)

«Люди, знающие Кавказ не только по топографическим картам, не склонны разделять эйфорию по поводу победы над *боевиками*».
(После войны. Сегодня, № 41, 24.02.2000)

Испанцев в Панкиси еще ищут. А на *чеченцев* уже охотятся. Коммерсантъ, 06.12.2000.

Боевиков в Панкиси нет, зато есть *бандиты*, *наркоторговцы* и *внутренние войска*. Коммерсантъ, 20.12.2000.

Чеченских бандитов обвинили в геноциде. Коммерсантъ, 21.12.2000.

Федералы лишились неприкосновенности. Коммерсантъ, 26.12.2000.

Бандиты агонизируют. Их участь предрешена. Красная звезда, 13.07.2000.

Нелюдям пощады не будет. Красная звезда, 13.07.2000.

Террор без границ. АИФ, N 5, 01.1998.

Чем "мочить" *чеченских террористов*. АИФ, N 41, 13.10.1999.

«…to isolate Chechen *militants*, and the Chechen authorities, who are unable to control them».
(Russia blockades Chechnya to isolate *rebels*. The New-York Times, November 10, 1999.)

Rebels report fierce fighting in Chechnya. The Los Angeles Times, December 14, 1999.

Chechen victims ridicule Russia's 'safe corridor'. Independent, December 09, 1999.

Russia strikes *Chechnya* with fuel-air bombs. The Los Angeles Times, December 28, 1999.

Chechens endure *'ghastly* abuse,' study concludes; Caucasus: *torture* and *beatings* by *Russian forces* are common and go unprosecuted, according to human rights watch. The Los Angeles Times, October 26, 2000.

Chechen rebels kill 7 *Russian soldiers*. The Los Angeles Times, November 26, 2000.

«*Russian troops*… it may be that the *Chechens* are opting to leave the city to the *Russians* and will then harry the occupying army through ambushes and raids»
(*Russians* close to taking *Grozny*. The Guardian, January 19, 2000.)

«Die *russische Führung* hat den Beginn einer *Großoffensive* gegen die *islamischen Rebellen* in

Dagestan bekannt gegeben.»
(Mindestens 210 Menschen getötet. Berliner Zeitung, August 14, 1999.)

«Die *Rebellen* berichteten… etwa 60 *russische Soldaten* getötet...»
(Heftige Kämpfe in den Bergen Tschetscheniens. Hamburger Morgenpost, März 31, 2000.)

«Das *russische Militär* baut in Tschetschenien ein Netz von Konzentrationslagern aus.»
(Russen legen Konzentrationslager an. Hannoversche Allgemeine Zeitung, Februar 10, 2000.)

«Bei einem Überfall *tschetschenischer Rebellen* im Osten … sind drei *russische Polizisten* getötet worden. Die *Separatisten* hätten das Auto…»
(*Moskau* rächt Überfall auf Soldaten mit Luftangriff. Süddeutsche Zeitung, Oktober 23, 2000.)

«Der Krieg *Moskaus* gegen *Tschetschenien* erweckt Entsetzen.»
(*Russische Rache*. Die Welt, Oktober 25, 1999.)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что дискурс о Чеченской войне (и военный дискурс в целом) конституируется по принципу бинарной оппозиции. Деление действительности на своих и врагов задается темой исследуемого дискурса «война». Наблюдается четкое разграничение оппозиций: с одной стороны «*чечены (ср. лит. чеченцы), вооруженные отряды ваххабитов, полевые командиры, бандиты, бандформирования, боевики, чеченские террористы, Chechen militants, Chechen rebels, rebels, Chechnya, islamische Rebellen, tschetschenische Rebellen, Separatisten, Tschetschenia»;* с другой *«объединенная группировка войск, военнослужащие внутренних войск, федералы, Russian forces, Russian troops, Russians, russische Führung, russische Soldaten, russische Militär, russische Polizisten, Moskau».* Таким образом происходит разделение на МЫ- и ОНИ-ГРУППЫ, что подтверждается приведенным ниже анализом номинации действий сторон конфликта, местоимений, персонального дейксиса, а также макроструктуры дискурса.

В дискурсе российской прессы 1998-2000 гг. прослеживается следующая закономерность: большинство российских газет делит участников конфликта на *бандитов* и *федералов*. По сравнению с 1994-1996 гг. в российской прессе преобладает единая точка зрения на происходящие события, хотя федеральная версия действительности и подвержена нападкам критики (ср. с данными исследования «Журналистика и война» под ред. А.Г. Рихтера). В германоязычной прессе прослеживается деление сторон на

русских и *повстанцев*. Превалирует мнение (особенно в немецкой прессе) о том, что Россия продолжает отработанную веками колониальную политику. Примечательно также, что немецкая пресса, по сравнению с английской и американской, выдерживает относительно нейтральную позицию.

Данные выводы подтверждаются анализом ключевых прилагательных:

«Но не той *бандитской* Чечне, … теракты, *бандитские* налеты на соседние края…»
(Что России делать с Чечней. Интервью с А. Солженицыным. АИФ, N 37, 15.09.1999.)

«…как *вооруженные* отряды ваххабитов вторглись с территории *мятежной* Чечни в соседний Дагестан, и началась *антитеррористическая* операция».
(Страна не перекрестится. Известия, N 146, 10.08.2000.)

«…контролируемой *незаконными вооруженными* формированиями».
(«Гуманитарии» за последствия не отвечают. Независимая газета, 05.08.2000.)

«…годовщина начала *контртеррористической* операции на Северном Кавказе, а общие потери *объединенной группировки федеральных войск* (ОГВ) с учетом…».
(Военные в Чечне с тревогой ждут наступления августа. Независимая газета, 28.07.2000)

«…был захвачен в плен *федеральными* войсками летом 2000 г.» (там же)

«Во-первых, *российская* сторона жестко отрицает любую критику в свой адрес…»
(Российское руководство снова предало армию. Сегодня, № 82, 14.04.2000.)

«…*российские* контрразведчики намерены во чтобы бы то ни стало доказать…»
(По Чечне шпионы ходят хмуро... Сегодня, № 41, 24.02.2000.)

«В чем заключается стратегия *федерального* центра в Чечне?»
(*Федеральный центр* рискует стать заложником клановых разборок. Сегодня, № 162, 26.07.2000.)

Чеченские боевики дошли до Волги. Там их и зачистили. Коммерсантъ, 28.12.2000.

Начинается новый этап *контртеррористической* операции в Чечне. Красная звезда, 15.12.2000.

Для исследованного дискурса российской прессы характерна негативная репрезентация чеченской стороны. Об этом свидетельствует экспрессивность использованных прилагательных: *бандитский, мятежный, вооруженный, незаконный, чеченский (боевик)*. Российская сторона характеризуется такими прилагательными, как *антитеррористический, контртеррористический, федеральный, российский*. Они характеризуют российскую сторону либо положительно (борьба с терроризмом), либо нейтрально (федеральный, российский). В 2000 году отмечается совместное использование «*федерального*» и «*российского*» обозначения российской стороны (появлению прилагательного *российский*).

Вне сомнения, указанные способы номинации конфликтующих сторон и их действий несут в себе разную оценку и обусловлены различными точками отсчета и политической ориентацией. Существительные «*rebels», «die Rebellen*» и др. создают положительное отношение читателя к данной стороне конфликта, а существительные *террористы, бандиты* придают той же стороне негативную окраску, поддерживая стратегию положительной репрезентации МЫ-ГРУПП и диффамации ОНИ-ГРУПП.

Примеры номинации иллюстрируют, с одной стороны, выражение стереотипов мышления, присущих той или иной социальной группе (если ты «чёрный», значит ты «плохой» и всё, что ты делаешь — «плохо»), а с другой — способность средств массовой информации формировать определённый образ мышления читательской аудитории (по заказу правящих элит), другими словами, манипулятивность дискурса СМИ.

Корпус значений некоторых слов, характерных для военного дискурса, пополнился новыми значениями: так, слово «террорист» до 1994 года обозначало «члена подпольной организации, которая добивалась политических целей при помощи насилия», а теперь его новое значение можно прокомментировать следующей цитатой:

> «Jetzt war *ein "Terrorist" a priori ein bewaffneter Tschetschene*. Militarberichte aus Tschetschenien formulierten es unumwunden: "Eine Gruppe von dreihundert Terroristen wurde in Gudermes eingekreist"; "zweieinhalbtausend Terroristen wurden in Shali liquidiert."»
> (Der Krieg des Zaren. Weltwoche, Februar 17, 2000.)

Более того, в результате данных изменений значения в массовом сознании россиян сформировалось предубежденное мнение: «все чеченцы — террористы». Аналогичная мутация значения произошла и со словом «война». В германоязычной прессе слова *war, Krieg* обозначают «*контртеррористическую операцию войск РФ в Чечне*» русскоязычной прессы. Это иллюстрирует различную номинацию действий сторон конфликта, обусловленную идеологическим и манипулятивным воздействием, а также интересами доминирующих социальных групп.

2.3.1.2. Номинация действий сторон конфликта

Нельзя не отметить, что разнятся и способы *номинации действий сторон*, вовлечённых в конфликт. В дискурсе германоязычной прессы действия российских военных характеризуются такими существительными и глаголами, как «*invasion, intrusion, assault, offensive, revenge, strike, rape, beat и т.п.*», а действия противоположной стороны — такими словосочетаниями, как «*fighting for independence, struggle against invaders, strike back, hit back*»:

Russia poised for *invasion* of Chechnya. The Times, September 22, 1999.

War clouds over Chechnya — Moscow prepares a new *offensive* against the Islamists. Leading Article. The Times, September 30, 1999.

Russia ready for Chechnya *assault*. The Times, September 30, 1999.

Chechnya Crisis: Moscow wants its *revenge*, but not a full-scale war Chechnya. Independent, September 28, 1999.

Chechens *strike back* as IMF rethinks its loans. Independent, November 29, 1999.

Chechens *hit back* as Putin puts his stamp on cabinet. Independent 11 January, 2000.

Chechens *'raped and beaten'* in detention camps. Independent 10 February, 2000.

'Partisan' war shakes Russians. Independent 5 March, 2000.

«…Chechen *war for independence* that…»
(Russian warplanes strike near Grozny. The Guardian, September 23, 1999.)

«…when the *Russian army invaded* in November 1994…»
(Moscow and Grozny edge closer to war. The Guardian, September 25, 1999.)

Однако встречаются и исключения:

«*Chechnya-based Islamic militants invaded Dagestan* in August and September…»
(Russians intensify *offensive against rebels* in Chechnya. The New-York Times, October 29, 1999.)

В заголовке подтверждается общая тенденция, хотя использованное существительное *offensive* имеет значение не только *наступление,* но и *оскорбительный и отвратительный — offensive language, offensive sight*. Но по тексту статьи встречается глагол *invade* (насильно овладеть, вторгнуться, оккупировать), негативные компоненты значения которого нейтрализуются существительным *militant* (боец, борец, активист), положительно характеризующим описываемую сторону конфликта.

В российских СМИ акценты другие: действия федеральной стороны называются *антитеррористической, контртеррористической операцией;* действия чеченской стороны — *теракты, бандитские нападения, похищения людей, нападение, вторжение* и т.п. (см. примеры выше). Таким образом реализуется стратегия положительной репрезентации МЫ-ГРУПП (говоря о российской прессе, положительной САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ) и диффамации ОНИ-ГРУПП.

В германоязычной прессе несколько иная точка отсчета: представляя третью сторону, большинство статей построены по принципу диффамации России. Для дискурса германоязычной прессы характерно использование *стратегии создания жертвы* (Чечня) и *тирана* (Россия), продолжающего выработанную веками колониальную политику (см. примеры выше). Это подтверждается результатами анализа основных глаголов, характеризующих действия и положение обеих сторон конфликта.

В большинстве исследованных российских газет действия чеченской стороны обозначены в основном глаголами в активном залоге (*атаковали, напали, вторглись*):

Боевики *захватили* двух подполковников. Правда, 01.08.2000.

Боевики *напали* на колонну. Правда, 05.08.2000.

«*Боевики* хорошо вооружены, имеют автоматы, снайперские винтовки, гранатометы. *Банда идет на помощь прорвавшимся* в Узбекистан *боевикам*. По некоторым данным, *бандиты ставят своей целью захват* Джизакской, Бухарской, Самаркандской областей»
(На помощь прорвавшимся в Узбекистан боевикам идет новая банда. Правда, 07.08.2000.)

Бьют своих, чтобы чужие ушли. Чеченские сепаратисты *развернули охоту* за главами местных администраций. Сегодня, 18.07.2000.

Боевики *обстреляли* ОВД в самом опасном районе Грозного. Lenta.ru, 20.06.2000.

Исламскими боевиками *обстрелян и сбит* вертолет федеральных войск. Gazeta.ru, 12.08.1999.

«Это *бандиты*, которые за деньги *пытаются дестабилизировать обстановку* на южных рубежах СНГ, отметил источник».
(На юге Узбекистана идут бои с террористами. Независимая газета, 08.08.2000.)

Создается такая версия действительности, согласно которой действия российской стороны являются ответной реакцией на агрессивные действия чеченцев. Пассивный залог предпоследнего примера логично вписывается в

такую картину событий: *чеченцы нападают, а русские защищаются*. Такой дискурсивный ход поддерживается *очередностью преподнесения событий* (как было показано в анализе статьи «Если враг не сдается…»). Как правило, сначала описываются действия чеченцев, затем реакция федералов.

2.3.1.3. Функциональные особенности лексемы «война»

В русле традиционной формальной лингвистики был выполнен ряд исследований военной лексики и военных терминов, используемых в газетных статьях. Однако они частично потеряли актуальность, так как современные формы войны не всегда называются войной открыто:

> Russland will neuen *Krieg* im Kaukasus um jeden Preis vermeiden. Berliner Morgenpost, 09.08.1999.
>
> Russia on brink of new Caucasus *war*. The Guardian, August 09, 1999.
>
> The Caucasian *war*. The New-York Times, June 21, 1998.
>
> Россия на пороге *второй чеченской войны*. Известия, № 41, 10.03.1999.
>
> *Конфликт* в родном Дагестане стал *войной*. Известия, № 143, 05.08.1999.
>
> Начинается новый этап *контртеррористической операции* в Чечне. Красная Звезда, 15.12.2000.
>
> «— В чем заключается стратегия федерального центра в Чечне?
> — Основная ее задача — *умиротворение* Чечни. Стратегия подразумевает подавление вооруженного сопротивления или сведение его к допустимому минимуму, постепенную передачу полномочий лояльным чеченским группировкам, которые будут воссоздавать республику как часть РФ»
> (Федеральный центр рискует стать заложником клановых разборок. Сегодня, № 162, 26.07.2000.)

Западная и непроправительственая русская пресса широко используют лексему *война*. Противоположный лагерь склоняется к нейтральным терминам, таким как *антитеррористическая, контртеррористическая операция и умиротворение* (ЛСП «война») Последний пример особенно характерен для освещения войны во Вьетнаме американской прессой (Почепцов 2000). Отмеченное разнообразие номинации одних и тех же событий и действий позволяет говорить о том, что ситуация в современном мире изменилась таким образом, что лексема «война» стала особенно часто использоваться в германоязычной прессе. В контексте событий на Северном Кавказе можно говорить о *диффамации* российской стороны конфликта.

Лексема «война» не табуизировалась (во время боевых действий НАТО в Югославии в германоязычной прессе она была заменена словосочетанием «*предотвращение гуманитарной катастрофы*»), а, напротив, целенаправленно вводилась в дискурс о войне в Персидском заливе и для обозначения ударов возмездия США по Афганистану в 2001 году:

Der *Krieg*. Stern, Nr. 42, 11.10.2001, обложка.

Terror-Krieg. Stern, Nr. 42, 11.10.2001.

Amerika schlägt zurück: im *Krieg* gegen Osama bin Laden und die Taliban. Hannoversche Allgemeine Zeitung, Nr. 234, 08.10.2001.

«Der saudische Terroristenführer Osama bin Laden und seine Getreuen haben am Sonntag die Moslems in aller Welt zum *Heiligen Krieg (Dschihad)* gegen die USA aufgerufen.»
(Schlacht gegen Juden und Christen. Hannoversche Allgemeine Zeitung, Nr. 234, 08.10.2001.)

«Bin Laden erklärt im TV allen Juden und Christen den *Krieg*.»
(Bild, Nr. 234/41, 08.10.2001.)

«...erklärte der westlichen Welt als Reaktion auf den Angriff den *Heiligen Krieg*! ... der *Heilige Krieg* gegen die Juden und Christen hat begonnen.»
(Die Amerikaner werden nie wieder in Sicherheit leben können. Bild, Nr. 234/41, 08.10.2001.)

Боевые действия США против режима Талибов обозначаются как *война с терроризмом*, а именно, как ответная реакция христианского мира на объявленную *священную войну* (джихад). В таком контексте противопоставляются две «войны»: война «за мир» и война «против мира». В свете событий в США 11 сентября 2001 года ни у кого не вызывает сомнения, что развязанная в Афганистане война направлена на защиту мира. В данной ситуации можно называть вещи своими именами. Такой ход логично вписывается в стратегию *легитимизации* применения военной силы МЫ – ГРУППОЙ, Соединенными Штатами Америки.

Можно сделать вывод о том, что ЛСП «война» функционирует в военном дискурсе в рамках стратегий легитимизации применения военной силы и *диффамации* противника не зависимо от состава МЫ – ГРУППЫ. Появление данной лексемы в военном дискурсе обусловлено целями, стоящими за вышеупомянутыми стратегиями.

2.3.1.4. Поляризация картины мира

Анализ местоимений в дискурсе прессы показал, что для военного дискурса характерна *поляризованная версия действительности*, что подтверждается особой номинацией сторон конфликта. Можно говорить о том, что личные местоимения (в различной форме) в военном дискурсе прессы выполняют функцию *поляризации*: конституирования МЫ- и ОНИ-ГРУПП:

«…похоже, у *нас* настолько могущественное государство, что *мы* готовы открыть…»
(Руслан Хасбулатов: Конфликт в Чечне выгоден США. АИФ, N 40, 07.10.1999.)

«*Они* доложили: "Часовая готовность приема" … *он* понял, что *их* "объегорили"...»
(Как *мы* летели в Чечню. АИФ, N 13, 25.03.98.)

«Схватив милиционеров, *они* скрылись на территории Чечни…»
(В Ставрополье объявлен траур, убийства и похищения людей чеченским бандитами продолжаются. GAZETA.RU, 09.04.1999.)

«Станичники теперь ропщут: "*Мы их* позвали чеченцев мочить, а *они нас* пьяных за рулем ловят!"»
(Пока погром не грянет. Известия, N 146, 10.08.2000.)

«…засылали *они* вперед восьмиклассника Тимурчика, *он* "нарывался", а потом чеченцы за него как бы вступались и говорили: "*Ты нам* теперь должен по 50 рублей каждый месяц". За короткий срок *им* удалось поставить "под крышу" … с *них* тоже требовали дань»
(Пока погром не грянет. Известия, N 146, 10.08.2000.)

«…что под Ведено *бандиты* учинили зверскую расправу над *двумя российскими подполковниками* - *они* отрезали *им* головы…»
(Судьба пропавших в Чечне не ясна. Независимая газета, 09.08.2000.)

«Никакой симпатии … чеченские камикадзе у *меня* не вызывают, просто потому, что *я* не могу понять — чего же *им* надо? *Русские* не "грабят" *Чечню*, а кормят ее (пусть плохо кормят, но басаевы и так не кормили); … *русские* не оскорбляют *их* религию и не навязывают *им свою*. Чего *они* хотят? Это *я* понять не могу. … Если там есть хотя бы два-три десятка вот таких фанатиков-камикадзе, то *мы с ними* (не с камикадзе, а с чеченцами в целом, которые неизбежно берут с *них* пример) никогда не справимся. Этому фанатизму *мы* ничего не можем противопоставить»
(Куда влезли? Сегодня, № 143, 04.07.2000.)

«-*Я* буду убивать *тебя* медленно … Сначала прострелю *тебе* ногу, обещаю целиться в коленную чашечку. Потом руку. Потом яйца. *Ты* не бойся, *я* кандидат в мастера спорта. *Я* не промахнусь, — голос снайперши Маши звучал в радиоэфире четко, будто *она* лежала где-то совсем рядом … -Да давить *их*, гадов! Мочить *их* в сортире!" — слышится отовсюду любимая цитата президента … *Она* не успела никого убить. … Наткнулась на растяжку, которую *наши* поставили в горах … *Их* ненавидят. *Их* боятся. На *них* охотятся. В лицо *их* знают только те, кто *их* убивает … *Им* легче, поэтому и стреляют *они* лучше … Да и вооружены *они* лучше…»
(Волчицы в белых колготках. Московский комсомолец, 06.04.2001.)

«…Adan, a guerrilla who was wounded in the stomach in Grozny but said *he* will return to fight in Chechnya. "*We*'ve been doing this for 400 years," *he* said, referring to revolts of Chechens and other peoples of the Caucasus against Russian rule»
(Russians go after rebel remnants. Washington Post, 16.02.2000.)

«…*Russians* hope to take advantage of the rebel withdrawal from Grozny to deal *them* a powerful

blow before *they* have time to regroup. … Russian Defense Minister Igor Sergeyev said again … *his* forces will be rotated out of the capital soon…»
(Russians in pursuit of fleeing Chechen rebels. Washington Post, 08.02.2000.)

«*They* died in battle to defend *us*, to protect *us* against new explosions like the ones last fall. *We* always knew *we* could rely on *them*»
(Russian city buries a hero, firm in its faith in the war. The New-York Times, 15.03.2000.)

«If *they* did see *us* … Happily brandishing his traditional Chechen knife, Murad, 20, said he was enjoying the battle. '*We're* happier when *we're* fighting. *I* feel sorry for the civilians in Grozny, but *I* hate *the Russians*. *They* killed my brother in the last war. All my life, I'm going to want to stab *them* with my knife.'»
(Russians 'too scared to fight. The Guardian, 30.01.2000.)

«*They* told *us* that the camp was full and that *we* should go back to Chechnya»
(Flu and snow add to misery in tent cities. The Guardian, 29.01.2000.)

«Sollten *uns* die echten Tschetschenen in Grosny um Befreiung von den Banditen bitten, werden *wir* dies tun»
(Rebellen drohen mit Terroranschlägen. Berliner Zeitung, 12.10.1999.)

«*Wir* sind an *ihrer* Entwaffnung interessiert, *sie* widersetzten sich", erklärt Sakajew den Zwischenfall»
(Warnung vor "zweitem Afghanistan". Berliner Zeitung, 27.07.1998.)

«*Ich* verstehe nicht, warum *wir* kämpfen»
(Mit 18 in den Krieg. Hamburger Morgenpost, 29.12.1999.)

«Jetzt umzingeln *sie uns* und wollen alles, was noch lebt, zerstören»
(Jelzins schmutziger Krieg. Hamburger Morgenpost, 16.11.1999.)

«*Wir* erleben das Ergebnis … Und *wir* rächen *uns* immer noch an den Tschetschenen, rächen *uns* für *unsere* an *ihnen* verübten Verbrechen»
(Mehr als 100 Jahre Gewalt. Hannoversche Allgemeine Zeitung, 10.12.1999.)

Приведенные примеры показывают, что поляризация военного дискурса имеет место как в русско-, так и в германоязычной прессе. Более того, она является отличительной чертой военного дискурса. Поляризация проходит по двум схемам: 1) МЫ — ОНИ (свои — чужие: *мы, нас — они, их; we, us — they; wir, uns — sie, ihrer, ihnen*); 2) Я — ТЫ, МЫ, ОНИ (противопоставление себя своим или чужим: *я — ты, тебя; I — them; ich — wir*). В первом случае действительность структурируется по схеме неличной или ***коллективной поляризации***: она представляется состоящей из двух лагерей — «нашего» и «вражеского». Во второй схеме происходит личная или ***индивидуальная поляризация***: действительность, состоящая из группы СВОИ и группы ЧУЖИЕ, противопоставляется какому-либо субъекту, который может быть членом обеих групп, что не обязательно.

Анализ дискурса российской прессы показал, что большинство СМИ к МЫ – ГРУППЕ (*свои, наши*) относят федеральные войска, солдат,

милиционеров, а также представителей Правительства РФ. К ОНИ – ГРУППЕ относятся чеченцы, боевики, бандиты, террористы. Это свидетельствует о введении в 1998-2000 единой точки зрения на происходящие события и поддержке исследованными средствами массовой информации правительства и правительственной версии действительности. В германоязычной прессе нет четкой поляризации: к МЫ – ГРУППАМ относятся как российская, так и чеченская сторона конфликта. Однако даже на этом уровне анализа прослеживается *диффамация* российской стороны конфликта.

Поляризация характерна для данного типа дискурса. Обе схемы одинаково широко представлены как в германо-, так и в русскоязычной прессе. Конституирование социальных групп по двум вышеописанным схемам служит социальным компонентом дискурсивного выражения идеологии.

2.3.1.5. Синтактико-стилистическая составляющая военного дискурса

Среди синтаксических характеристик длина предложений, порядок слов и вид связи не являются отличительными характеристиками военного дискурса, а лишь показателями официальности дискурса прессы. В зависимости от целевой аудитории, в статьях встречаются и очень короткие и очень длинные, сложные предложения, что не характерно для бульварной прессы (синтаксис которой, как правило, скуден, с преобладающим видеорядом):

> «Tausende fliehen.»
> (Krieg im Kaukasus: Moskau greift auch Tschetschenien an. Berliner Morgenpost, 14.08.1999.)

> «The inhabitants of this village, some 15 miles west of Grozny, had hoped they would never have to endure more direct attacks: they had suffered three weeks of intensive bombardment in November, as the Russians sought to take it under control, and most of the buildings still bear the scars of that attack.»
> (Fleeing rebels bring war back to the villages. The Guardian, 07.02.2000.)

Цитация в форме прямой и косвенной речи, ссылки на различные источники информации и разрывы статей можно отнести к основным отличительным чертам военного дискурса прессы. Их детальный анализ будет представлен на уровне описания дейксиса и аргументации дискурса прессы о войне.

Фактический материал для исследования стилистических особенностей военного дискурса составили более 300 фигур, обнаруженных в статьях выборки. Стилистическая составляющая дискурса СМИ характеризуется в настоящей работе не количеством стилистических или риторических приемов, а их процентным отношением к общему числу фигур. Это связано с тем, что некоторые из них (например, классические образцы метонимии типа «Washington accused Russia…» или аллитерации типа «Russian Troops Rolled In» т.п.) повторяются в рамках одной статьи не менее трёх-четырёх раз.

В ходе анализа выделены синтаксические, лексические и фонетические стилистические фигуры. Графические приёмы рассматривались в качестве вспомогательных, так как они участвуют в построении фигур практически всех видов, например, запятые или тире сопровождают парентезу и т.д. Они не разбирались отдельно и не были вынесены в табл. 4.

Анализ фактического материала показал, что бóльшую нагрузку в дискурсе СМИ несут лексические средства, количество которых в исследованном корпусе составляет около 66%. Второе место делят между собой синтаксические и фонетические средства. На долю первых приходится около 17%, на долю вторых около 16%. Отметим, что для «малочисленных» фонетических приёмов 16% — достаточно высокий удельный вес. Детальное описание стилистических средств представлено в следующей таблице:

Таб. 4. Стилистические средства

	Синтаксические стилистические средства	Лексические стилистические средства	Фонетические стилистические средства
Англо-американские СМИ	21%	60%	19%
Немецкие СМИ	13%	74%	13%
Российские СМИ	28%	62%	10%

Разница между количеством лексических стилистических фигур англо-американских и немецких СМИ не превышает 5 единиц. Следовательно, синтаксические и фонетические фигуры используются немецкой прессой в

гораздо меньшей степени, чем англоязычной прессой. Стилистический состав русскоязычного военного дискурса сходен с стилистическими характеристиками англо-американских СМИ. Однако фонетические стилистические средства представлены здесь более скудно (10%).

Если рассмотреть каждый вид стилистических фигур по отдельности, то можно выявить наиболее рекуррентные стилистические приёмы, используемые в военном дискурсе прессы.

Синтаксические стилистические средства

Из группы синтаксических приемов наиболее часто используются эллиптические конструкции (36%). Данный приём встречается как в заголовках статей, так и в их тексте:

Russia: no civilians killed in Chechnya. The New-York Post, October 23, 1999.

«Russia declared today it no longer recognizes the government of Chechnya»
(New Russian premier vows to end rebellion in Dagestan. The Los Angeles Times, August 11, 1999.)

Опущенные незнаменательные части речи — вспомогательный глагол to be во множественном числе (время можно интерпретировать по-разному), подчинительный союз that и т.д. — с одной стороны, отражают общую тенденцию к краткости заголовков и экономии печатного места.

Выделяется инверсия:

«Unter schweren Verlusten bei den Eliteinheiten kämpfen sich die russischen Truppen mit Mühe in den Bergen Tschetscheniens vor»
(Russische Truppen dringen in Tschetschenien vor. Stern, Februar 21, 2000.)

«Gone are the hopes of any chance…, gone are the prospects… .»
(Our bungled Russia policy. The New-York Post, October 18, 1999.)

Она практически всегда работает комплексно, например, в первом случае с аллитерацией, во втором — с анафорическим параллелизмом и т.п.

Выявляется особая дискурсивная стратегия отражения сторон конфликта с использованием инверсии: при описании одной из сторон конфликта используется прямой порядок слов, а при описании другой стороны — обратный. Отличительной чертой описания действий российской стороны в русскоязычном материале выборки является инверсия. А действия чеченской

стороны характеризуются прямым порядком слов. Несомненно, что в рамках данной дискурсивной стратегии риторика играет важную роль в формировании общественного мнения по отношению к участникам конфликта.

Парентеза и параллельные конструкции представлены по 18,5%.

«In Grozny, *capital of the Muslim breakaway republic*, Chechen leaders were preparing for war»
(Russia rolls in as rebels prepare for war. The New-York Post, October 03. 1999.)

«…a lot of civilians were killed. *Some who were* sitting in a cafe. *Some who were* selling things in stalls. *Some just* walking»
(Rockets rain terror on Chechnya capital. The New-York Post, October 22, 1999.)

«Die Armee hat auf ihre Stärke vertraut, und die Geselschaft hat ihrer Armee vertraut»
(Bombenterror in Moskau. Neue Presse, September 09, 1999.)

Как и инверсия, парентеза всегда работает в комплексе, в данном случае наблюдается поддержка графическими средствами — запятыми, лексическими — атрибутивным эпитетом "*breakaway*", фонетическими — аллитерацией. В первом случае иллюстрируется анафорический, а во втором — эпифорический параллелизм.

Лексические стилистические средства

Среди стилистических средств данной группы первое место занимают эпитеты (49%), например, атрибутивные эпитеты: *мятежная* республика, *бандитская* Чечня, *erbitterte* Gefechte, *schweren* Verlusten, der *zweijährige blutige* Krieg, ein *totales militärisches* Disaster, aus der *abtrünnigen* Kaukasus-Republik, *weekend* fighting, *brutal missile* attack, *jittery world* leaders, the *lawless* region, *bloody Russian* crackdown on Chechnya, *bloody Chechen* conflict; the U.S. approach to Russia must be to help place the *rusty old* "Evil Empire" on a *glide* path to military weakness… ; в том числе, метонимические эпитеты (по смежности функций) — Übergangspräsident V. Putin, Interimspräsident V. Putin («переходный» или «временный» президент вместо der stellvertretende Präsident — и.о. президента, хотя аналогичная немецкая реалия отсутствует). С другой стороны, последний пример можно рассматривать в качестве инновации — образования новых слов на основе одного из значений

исходных слов. Здесь также прослеживается тенденция языка отображать новые реалии новыми средствами, построенными на основе уже имеющихся лексических единиц.

Метонимия и метафора представлены по 16%. Следующий классический пример метонимии прослеживается в различных интерпретациях и является характерной особенностью как политического, так и военного дискурса СМИ: “*The White House* said…”, “*Washington* expressed…”, “*Moscow* claims…”, “*The Kremlin* refused…”, “*Berlin* steht zur…”, “*Moskau* hatte … zurückgewiesen” и т.д. Наряду с приданием красочности повествованию, метафоры играют значительную роль в выражении отношений к сторонам конфликта: “U.S. *relations* with the pro-Serb Russians *soured* over Kosovo.”, “…when *six Scud-B missiles*, fired from…, *rained out of the sky*.”, “*media mogul Boris Berezovskiy*”, “*peace dividend*”, “*Die Spirale der Gewalt*…”, “…moslemische Länder wollten Tschetschenien als eine Art *virtuellen kaukasischen Dolch* benutzen, um sich *ein Stück aus der russischen Butter zu schneiden*.” и др. Антитеза представлена 6% (например: “Russia declared high tech weapons hit *arms-dealers*—not *newborn babies and shoppers* at the market”, “Darunter verstand Putin … ihre Befreiung von den “*Terroristen*”, wie die *Rebellen* im offiziellen Sprachgebrauch Moskaus genannt werden.” и др.) Сравнение, гипербола и бессоюзие характеризуются лишь 13% в сумме.

Фонетические стилистические средства

Данный срез стилистики представлен на 92% аллитерацией: “*R*ussia *R*olls In As *R*ebels Prepare For War”, “Western *p*owers *p*ut new *p*ressure on Russia…”, “*M*uslim *m*ilitants have *b*een *b*lamed for *b*ombings…”, “terrib*l*e *l*oss of *l*ife”, “Die Demons*tr*anten *tr*ugen *Tr*anspärente mit Parolen…”, “Die Rebe*ll*en-Ste*ll*ungen”, “…nahe dem *K*reml gegen den *K*rieg im *K*aukausus.” и др. Учитывая представленность фонетических стилистических средств (16%) в исследуемом корпусе, можно сделать вывод о том, что аллитерация играет немалую роль в процессе языкового выражения различных предубеждений, мнений в военном дискурсе СМИ.

Отметим, что риторические фигуры всех видов работают в комплексе и перечислим наиболее рекуррентные стилистические приёмы исследованного корпуса дискурсов прессы: *эллиптические конструкции, инверсия, эпитеты, метонимия, метафора и аллитерация*.

2.3.1.6. Дейксис

Персональный дейксис представлен именами собственными и местоимениями. Первые обычно указывают на участников событий. Чаще всего используются имена собственные, обозначающие лидеров сторон конфликта, глав государств и других высокопоставленных лиц:

> «На Пушкинскую прибывают мэр Москвы *Юрий Лужков*, руководители столичной милиции, министр правительства Москвы *Александр Музыкантский* и заместитель министра внутренних дел России *Владимир Козлов*»
> (Смерть в конце тоннеля. Сегодня, 09.08.2000.)

> «…часть денег, выбитых из крупнейших отечественных воров (вроде *Ельциных, Чубайсов, Черномырдиных*) — и вперед!»
> (Пятая национальная идея. Российская газета, 22.03.2000,)

> *Yeltsin's* threat. The Los Angeles Times, December 15, 1999.

> «…former Kremlin spokesman *Sergei Yastrzhembsky* told … But rebel spokesman *Movladi Udugov* said it was too soon for a Russian victory dance…»
> (Rebels deny Russia's 'near victory'. New-York Post, January 30, 2000.)

> «Der tschetschenische Präsident *Aslan Maschadow* will Gespräche mit *Boris Jelzin* und Premierminister *Jewgenij Primakow* führen, um einen Ausweg aus der gegenwärtigen.»
> (*Maschadov* warnt Moskau vor Angriffen. Berliner Zeitung, März 15, 1999.)

> «*Maschadows* Angstlichkeit hatte schlimme Folgen… *Bassajew* und *Khattab* im August 1999…»
> (Der Krieg des Zaren. Weltwoche, Februar 17, 2000.)

Персональный дейксис военного дискурса указывает на конституирование МЫ – ГРУПП и ОНИ – ГРУПП. Это реализуется при помощи личных местоимений (см. примеры выше). Указание на стороны конфликта и отнесение их к какой-либо группе показывают, какую версию действительности поддерживает и продвигает исследуемое издание, ограничивая возможность интерпретации контекста. Так, большинство исследованных российских газет склонно к федеральной версии Кавказского кризиса. «Российская газета» и «Красная Звезда» придерживаются официальной правительственной версии событий (контртеррористическая

операция). «Известия» отходят от официальной версии, не ограничиваясь просто критикой.

В германоязычных изданиях представлена своя, западная версия событий (продолжение Российской Федерацией колониальной политики Российской Империи). Однако после терактов в США 11 сентября 2001 года западная версия отходит на второй (если не на третий) план. Вопросов у западной прессы практически не возникает: действия России в Чечне рассматриваются уже как составная часть международной борьбы с терроризмом.

Темпоральный дейксис военного дискурса, реализованный временными формами глаголов, указывает на очередность действий и определяет, что есть «действие», а что — «ответная реакция». Дискурс исследованной российской прессы построен по принципу «они действуют (нападают, взрывают, убивают, похищают)» — «мы не можем не отвечать». Это тоже одно из проявлений стратегии легитимизации федеральной версии конфликта и применения военной силы в Чечне. В дискурсе исследованной германоязычной прессы такая схема выглядит по-другому: «Россия нападает» — «Чеченцы борются за независимость», что логично вписывается в стратегию диффамации российской стороны конфликта.

Локальный дейксис представлен в основном топонимами, что может служить его отличительной особенностью. Наиболее рекурентными являются: *Чечня, Россия, Грозный, Москва*.

«…началось в *Чечне*: убийства, ограбления, насилие над русскими, изгнание … из *Чечни*. …на район *Минеральных Вод*, потом дальше — на *Северный Кавказ* и до *Москвы*»
(Что России делать с Чечней. Интервью с А. Солженицыным. АИФ, N 37, 15.09.1999.)

«…сотрудниками правоохранительных органов *Левокумского района Ставрополья*. …что чеченец направлялся в *Буденовск* для подготовки теракта. … близ станицы *Воровсколесской*. Кроме того, на днях в *Кисловодске* милиционеры … из *Чечни*, готовившей серию взрывов на территории *Татарстана*»
(Чеченские боевики готовили новые взрывы в Буденовске. Lenta.ru, 11.09.2000.)

«Между тем в самой *Чечне*, в *Шаройском районе*, разгромлен отряд арабских наемников»
(Судьба пропавших в *Чечне* неясна. Независимая газета, 09.08.2000.)

«В населенном пункте *Центорой* … администрации *Чечни* Ахмада Кадырова, … В селении *Шали* была … в *Грозном* подорвались на минах и получили ранения 8 милиционеров»
(*Чечня*: боевики атакуют и … сдаются. Комсомольская правда, 08.08.2000.)

«Сегодня на автотрассе в районе населенного пункта *Шали* *Чечни* боевиками обстреляна

автоколонна федеральных войск. … на котором из *Шали* в *Ханкалу* возвращалась бригада журналистов … Бойцы специального отряда быстрого реагирования (СОБР) из *Саратова*…»
(Боевики напали на колонну. Правда, 04.08.2000.)

«… wie *Moskau* mit brutaler Waffengewalt *Tschetschenien*…»
(Bedingt kampfbereit. Hamburger Morgenpost, 25.03.1999.)

Russen kesseln *Tschetschenen* ein. *Argun*-Schlucht offenbar unter Kontrolle der Truppen *Moskaus*. Süddeutsche Zeitung, März 10, 2000.

В военном дискурсе чаще используются топонимы, обозначающие географическое расположение местности, о которой идет речь (Чечня и прилегающие к ней районы). Наряду с топонимами, иногда встречаются *гидронимы*, однако их значительно меньше:

«Russische Bodentruppen sind bis zum *Terek* vorgedrungen, der offenbar die Grenze einer von *Moskau* beanspruchten "Sicherheitszone" bilden soll…»
(Rebellen drohen mit Terroranschlägen. Berliner Zeitung, 12.10.1999.)

Топонимы выполняют не только дейктическую функцию указания на место, где происходили события, но и функцию детализации военного дискурса. Они повышают убедительность повествования, что отражается на результативности воздействия военного дискурса на массовое сознание.

Дейксис дискурса реализован вводными конструкциями, ссылками различного типа (ссылки на сходные по тематике материалы, на дискурс данной статьи и т.п.), разрывами статей и лексическими ограничителями. Они, в первую очередь, выполняют функцию структурирования дискурса, а также обеспечивают результативность его понимания. Ориентируя сознание и направляя мышление по подготовленному пути, вводные конструкции играют важную роль в военном дискурсе. Однако они представляют меньший для исследования интерес, чем ссылки:

«*Как я уже говорил*, Чечне было выплачено за счет ее доли в фонде 122 млн. 540 тыс. рублей на зарплату бюджетникам, на поддержку социально незащищенных слоев населения (пенсии и пособия), а также…»
(В Москву — тротил, в Чечню — наши деньги. АИФ, № 30, 26.07.2000.)

Горячая картинка. или Новость этого часа. Собеседник, 09.08.2000 (гиперссылки).

8 августа. Москва, Пушкинская площадь. Через несколько минут после взрыва.
Одна из жертв вчерашнего террористического акта в Москве.
(Ссылки на фотографии, Смерть в конце тоннеля. Сегодня, 09.08.2000.)

"The news regarding Russian troops entering Grozny is not true and the capital remains under our control," said Shamil Basayev, commander of the mujahideen, according to *Jihad in Chechnya*.

Another Chechen rebel website, *www.kavkaz.org*, claims: "The Chechens are permitting the Russian units to move deeper into the town in order to wipe them out subsequently."
(Rumours of talks as Russians continue Chechen assault. January 19, 2000.)

В первой ссылке содержится указание на дискурс этой же статьи. Следующие примеры иллюстрируют ссылки (гиперссылки) на сходные по теме материалы, характерные для интернет-дискурса. В последнем случае приводится адрес сетевого информационного ресурса чеченской стороны, работа которого нередко блокировалась в России. Отметим, что в сетевых версиях газет такой вид ссылок используется часто и может служить важной характеристикой военного Интернет-дискурса. Такие ссылки, как правило, выделяются цветом (синий, фиолетовый, красный) и предоставляют прямой переход к указанным данным. Для военного дискурса прессы характерно использование ссылок на источники информации:

«*По сообщению ТАСС*, российские войска оставили грязь, ломаную мебель…»
(Некому Березовского повязати. Gazeta.Ru, 25.08.1999.)

«*По словам министра*, он намерен поставить перед Советом безопасности…»
(Россия и Чечня: война или мир? Gazeta.Ru, 09.03.1999.)

«Боевики обескровлены и … (*как утверждают первый замначгенштаба генерал-полковник Валерий Манилов и помощник президента России Сергей Ястржембский*)…»
(Чеченская мозаика. Известия, № 145, 05.08.2000.)

«*Другие источники среди военного командования*, подводя итоги операции в Гехи, сообщили об уничтожении 22 боевиков»
(В районе селения Гехи трое суток продолжался бой. Независимая газета, 04.08.2000.)

«A Chechen minister said those involved in the kidnapping had been detained, *Reuters news agency reported.*»
(Russian diplomat abducted from car in Chechnya. Washington Post, May 02, 1998.)

«…rebel republic of Chechnya, *the Interfax news agency has reported, citing Russian military sources*. …quickly take control of Grozny, *according to defence sources cited by the Izvestia daily*»
(Russian warplanes strike near Grozny. The Guardian, September 23, 1999.)

Для военного дискурса прессы типично использование ссылок на *некий неясный источник информации* (источник в правительстве, не пожелавший назвать себя, не заинтересованный в огласке его имени, другие источники среди военного командования, или Russian military sources). Характерны двойные ссылки (как показано в последнем примере), указывающие на степень интерпретации преподносимого материала.

Разрывы статьи являются отличительной особенностью дискурса прессы в целом (политического, экономического и т.п.), не являясь отличительной характеристикой военного дискурса. Суть такого хода заключается в представлении статьи на первой полосе/странице и отсылке к продолжению статьи или темы на другой странице газеты или журнала.

Социальный дейксис реализуется посредством местоимений (анализ выше), наименований должностей и постов официальных лиц:

«…как сказал *Президент* В.В.Путин…»
(Текст выступления *Министра иностранных дел Российской Федерации* И.С.Иванова на 106-й сессии Комитета министров Совета Европы по вопросу "Вклад России в Совет Европы и Рекомендация ПАСЕ 1456 (2000) о ситуации в Чеченской Республике". Российская газета, 15.05.2000.)

«…северокавказский *генерал-губернатор* Виктор Казанцев…»
(Администратор селения Центорой. Сегодня, № 131, 20.06.2000.)

Боевики захватили двух *подполковников*. Правда, 01.08.2000.

Боевик, который не любит воевать или Генерал в своем лабиринте. Новая газета, №69, 04.12.2000.

«…что неизвестный снайпер застрелил ближайшего помощника Бараева, *бригадного генерала* Далхана Хожаева»
(Война по расписанию. Известия, N 143, 03.08.2000.)

«…*deputy chief of the airport*…»
(Russian warplanes strike near Grozny. The Guardian, September 23, 1999.)

«…Russlands *Präsident* ernennt *Sonderminister*…»
(Putin sorgt sich um den Verbleib der Hilfsgelder für Tschetschenien. Die Welt, November 30, 2000.)

В военном дискурсе прессы часто используются наименований военных званий и должностей обеих сторон конфликта. Указания на социальные особенности, групповую принадлежность строятся и посредством детализации:

«He left the city on foot with hundreds of fellow rebels, received cursory medical help at the tiny hospital in Alkhan Kala, before walking through the night to his family in a village west of the city. There he buried his weapon, hid his uniform and retreated to a sick bed.»
(Fleeing rebels bring war back to the villages. The Guardian, February 07, 2000.)

Социальный дейксис реализуется при помощи противопоставления солдат РФ и боевиков, борцов за независимость и просто русских. Это подтверждается анализом ключевых местоимений и номинации сторон

конфликта. Таким образом происходит поляризация действительности: конституируются МЫ – ГРУППЫ и ОНИ – ГРУППЫ.

2.3.1.7. Функциональные особенности лексических ограничителей

Понятия «hedge», «hedging» и «Heckenausdruck» (лексический ограничитель, «загородка») были заимствованы дискурс-анализом из логики и семантики в 60-х, 70-х годах XX века и получили своё дальнейшее развитие в русле лингвистической прагматики. Несмотря на значительное количество работ по исследованию данного феномена (Fraser 1975; Habler 1983; Lakoff G. 1972; Markkanen, Schröder 1996, 1997; Opitz 1981 и др.), единого определения «загородок» так и не было выработано.

Так как в задачи настоящего диссертационного исследования не входит выработка единого определения лексического ограничителя, приведем лишь то, которое было принято в качестве рабочего: «Лексическая единица, размывающая границы экстенсионального множества языкового выражения, и тем самым ограничивающая ответственность говорящего за сказанное» (Баранов 1996: 265). Типология лексических ограничителей приведена в таб. 5.

ТАБ. 5. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОГРАНИЧИТЕЛЕЙ

Тип лексического ограничителя	Примеры
1. Аппроксиматор (сдержанное высказывание)	Roughly, some, virtually, approximately, sort of, something like, a bit, приблизительно, примерно, что-то вроде …..
2. «Заслонка»	I think, I suppose, Ich glaube, я не верю, не думаю…...
3. Интенсификатор	Really, positively, definitely, rather, indeed, truly, точно, явно, несомненно, конечно…..
4. Имперсонализатор	The modern view is ... A contrasting view is ... According to this view…С этой точки зрения…Напротив…Представляется…
5. Индикатор личной вовлеченности	We wish to suggest ... As best we can tell … Here I argue…

Проблема понимания лексических ограничителей в военном дискурсе СМИ связана с их манипулятивным потенциалом, то есть с выполняемыми ими функциями и воздействием на широкую аудиторию. Информационно-

аналитические тексты, рассчитанные на предельно широкий круг реципиентов, представляют несомненный интерес для изучения функционирования лексических ограничителей в процессе оценки информации. Так, в дискурсе СМИ можно выделить следующие основные функции лексических ограничителей:

1. Минимизация ответственности:

«Поэтому на базарах Чечни убеждены, что все эти полевые командиры — агенты *либо* Моссада, *либо* ЦРУ, *либо* и того, и другого разведсообщества.»
(Руслан Хасбулатов: Конфликт в Чечне выгоден США. АИФ, N 40, 07.10.1999.)

Лексический ограничитель (аппроксиматор) строится за счет приема использования характерных лексических единиц (повторяющегося союза ‘либо’) и выполняет функции отражения неопределенности, защиты от ложных интерпретаций и уклонения от ответственности, а также показывает отношение автора к выраженной им пропозиции.

2. Защита от ложных интерпретаций и критики:

«*По-моему*, Чечня давно уже независима. *То есть*, независимы бандиты, угнетающие свой собственный народ»
(Руслан Хасбулатов: Конфликт в Чечне выгоден США. АИФ, N 40, 07.10.1999.)

«Так что нужно создавать новый орган федерального управления, который обеспечит крепкую вертикаль исполнительной власти. И возглавлять его должен человек в ранге вице-премьера. *Поясню*: это не мне лично нужно, а для любого человека на этом посту - для пользы дела»
(Николай Кошман: Басаев гнал людей на работу под дулами автоматов. Но ведь я так делать не могу! Российская газета, 14.08.2000.)

В первом случае ограничение конституируется при помощи вводной конструкции и уточняющего оборота. Здесь можно также говорить о следующих функциях: об ограничении ответственности говорящего, с одной стороны, (вводная конструкция ‘*по-моему*’ относит это высказывание к разряду субъективных мнений, допуская возможность признания его ошибочным) и о защите от ложных интерпретаций, с другой, (уточняющий оборот ‘*то есть*’ поясняет и конкретизирует содержание предыдущего высказывания, тем самым указывая путь единственно возможной его интерпретации). Во втором случае работает только уточнение «*Поясню:*».

3. **Демонстрация весомости излагаемой информации или отношения автора к этой информации*:***

«Чечне нужно было дать научиться на собственном опыте, *и она сама, быть может, пришла бы* в Россию и сказала: примите меня обратно»
(Что России делать с Чечней. Интервью с А. Солженицыным. АИФ, N 37, 15.09.1999.)

«Загородка» построена на уровне импликатуры посредством синтаксического приема использования вводной конструкции и сослагательного наклонения. Отношение автора к излагаемой им информации не вызывает сомнения: «быть может» влечет за собой продолжение «а может и не быть», указывая на неуверенность в весомости сказанных слов.

4. **Сокрытие отношения автора к излагаемому (сюда же можно отнести так называемые '*текстовые махинации*'):**

«*Полностью* с вами трудно согласиться … *однако* ваши впечатления небеспочвенны…»
(Николай Кошман: Басаев гнал людей на работу под дулами автоматов. Но ведь я так делать не могу! Российская газета, 14.08.2000.)

«*Ich glaube nicht, dass* Russland als Staat gefährdet ist, *aber* die Situation ist wirklich ernst.»
(Droht ein neuer Krieg mit Tschetschenien, Herr Stepaschin? Die Welt, 27.09.1999.)

Вышеприведенные ограничители построены на морфолого-синтаксическом уровне: в первом примере — наречие плюс вводная конструкция, выраженная союзом; во втором — ограничитель, отражающий отношение говорящего к высказанной пропозиции, плюс сочинительный союз. Они создают эффект непонятности: согласен ли Н. Кошман с доводами своего оппонента или нет, и каково на самом деле мнение С. Степашина по поводу обсуждаемой ситуации.

5. **Показатель истинности целой пропозиции:**

«The war that was fought here three years ago *might just as well* have ended yesterday»

«*Perhaps* they started hating everything that is Russian»
(интервью с местными жителями Грозного, опубликованное в статье: In ruins of one war, Grozny prepares for the second. The Guardian, 09.10.1999.)

Ограничители не размывают смысл отдельных элементов внутри пропозиции, а определяют ее истинностное значение целиком. Как правило,

такие ограничители конституируются при помощи наречий, указывающих на степень точности типа: *perhaps, seem, might, to a certain extent* и др.

6. Показатель категориальной принадлежности части пропозиции:

«Here and there the monotony of bombed-out, potholed streets is broken by a skeleton of what used to be *something like a* skyscraper *or a* factory»
(In ruins of one war, Grozny prepares for the second. The Guardian, 09.10.1999)

Лексический ограничитель '*something like*' указывает на категориальную принадлежность увиденного к удаленному от прототипа понятию (a skyscraper or a factory): «что-то вроде, нечто похожее … на высотное здание или фабрику.»

7. Отражение степени обязательств говорящего по отношению к истинности / ложности пропозиции:

«*Я не верю*, что все эти люди погибли и пострадали в результате "случайных ошибок"».
(интервью с Бориславом Милошевичем, послом Союзной Республики Югославии в России: Югославия и Чечня: двойные стандарты западной пропаганды. АИФ, N 30, 26.07.2000.)

«—Как вы считаете, может ли население Чечни восстать против бандитской власти полевых командиров? — *Не думаю, что может*…»
(Руслан Хасбулатов: Конфликт в Чечне выгоден США. АИФ, N 40, 07.10.1999.)

«*Ich glaube, daß* ich diese Einschätzung nicht teile.»
(интервью с Пьером Московичи: Wir müssen Europas Werte verteidigen! Weltwoche, № 11, 16.03.2000.)

Здесь лексические ограничители (заслонки) отражают степень обязательств говорящего по отношению к истинности / ложности всей пропозиции.

8. Текстовый индикатор предположения:

(a) Предположение, граничащее с уверенностью:

«Klar ist nur: Während Russland nicht in Europa liegt, ist die Schweiz *offensichtlich* mittendrin.»
(интервью с Пьером Московичи: Wir müssen Europas Werte verteidigen! Weltwoche, № 11, 16.03.2000.)

(b) Предположение, граничащее с неуверенностью:

«*Maybe they can* help me. Someone's got to help me," said Alla.»
(Russian mothers mobilise against Chechnya campaign. The Guardian, 03.02.2000.)

Отметим, что лексические ограничители в военном дискурсе СМИ зачастую выполняют несколько функций одновременно, так что не стоит приписывать какому-либо типу ограничителей выполнение какой-то определенной функции. Как показали наблюдения, это зависит от коммуникативной ситуации и контекста. Можно утверждать, что лексические ограничители, на первый взгляд, не типичные для дискурса СМИ (тем более коммерциализованного), считаются одной из важнейших характеристик военного дискурса прессы и показателем его манипулятивного потенциала.

2.3.1.8. Аргументация

Важную роль в создании эффекта аргументированности играет статистическая информация — цифры и числа. Для исследуемого военного дискурса это, прежде всего, данные о количестве солдат РФ и боевиков, участвующих в вооруженном противостоянии, времени и возрасте, местоположении, данные о потерях, заложниках, беженцах, дезертировавших и сдавшихся в плен:

«Это *95-97% всех чеченцев*. … На *10-15 тыс. бандитов* приходится *500 тыс. нормальных* законопослушных…»
(Что России делать с Чечней. Интервью с А. Солженицыным. АИФ, N 37, 15.09.1999.)

«В результате *погибли 58 человек, более 100 человек получили ранения*.»
(Взрыв в Буйнакске «оценен» в 700 тыс. Долларов. Правда, 06.08.2000.)

«they hitched a locomotive *to 100 rail cars* in which more than *5,000 people* had been living near a refugee tent camp and began to tow them back toward Chechnya»
(In the war zone. Moscow pressures Chechens to return. Washington Post, December 22, 1999.)

«some *15 miles west of Grozny*, … through Chechnya from *1994 to 1996* … Only amid great secrecy would *Isa, 23, a fighter*…»
(Fleeing rebels bring war back to the villages. The Guardian, 07.02.2000.)

«Die Truppen seien *50 Kilometer* weit auf tschetschenisches Gebiet vorgedrungen, … Insgesamt wurden knapp *100 000 Flüchtlinge* gezählt.»
(Tote bei Gefechten in Tschetschenien. Hamburger Morgenpost, Oktober 04, 1999.)

«Mehr als *60 Menschen* wurden im Februar in Nowyje Aldy und im Nachbarort Tschernoretschje ermordet. Das jüngste Opfer war *ein Jahr*, das *älteste 82 Jahre alt*.»
(Blutige Säuberung.Stern, August 10, 2000.)

Статистический тип аргументации является характерной особенностью военного дискурса. Цифры и числа германоязычной прессы направлены на

создание образа «гуманитарной катастрофы». Это, с одной стороны, оправдывает позицию Запада по отношению к России и ее действиям в Чеченской республике, логично вписываясь в общее направление диффамации России. С другой стороны, это в какой-то мере прикрывает собственные действия, например, в Ираке, Югославии или Афганистане, отвлекая от них внимание общественности и переключая его на Северный Кавказ.

В военном дискурсе прессы о северокавказском конфликте широко представлены цитаты, что придает ему аргументированность. В зависимости от того, кто обладает доступом к информационным потокам и контролем над журналистами, МЫ-ГРУППЫ и ОНИ-ГРУППЫ цитируются в разной степени. Цитаты используются преимущественно для повышения убедительности преподносимой информации. ОНИ-ГРУППЫ, как правило, цитируются, чтобы усилить общий негативный эффект. Обобщая, можно вывести примерное правило цитации: *цитируемый источник должен подтверждать общие установки и отношения элит к обсуждаемой группе*. Цитация осуществляется в форме прямой и косвенной речи:

> «Russian Lt. Gen. Vladimir Bulgakov said today *that the rebels still controlled two small pockets of land in the mountains but would be destroyed ``in a matter of days."*»
> (Russian troops incur heavy losses. New-York Post, June 03, 2000.)

> «The commander of the Russian interior ministry troops fighting for Grozny, Vyacheslav Ovchinnikov, said *the guerrillas were in a hopeless position*. *"There is no light and no heat in Grozny. The fighters are running out of food and ammunition. Reinforcements cannot get through. They can not hold out in the besieged city for long. "*»
> (Russians close to taking Grozny. The Guardian, January 19, 2000.)

В русскоязычной прессе с 1999 г. практически не цитируются чеченцы, хотя англоязычная пресса изобилует такими цитатами. Немецкоязычная же пресса в этом отношении соблюдает относительный нейтралитет. Во всем отобранном для анализа материале очень широко цитируются президенты России и США, а также другие правительственные чиновники и первые лица правительств.

Чаще всего при любом удобном случае приводится ставшая популярной цитата из высказывания президента РФ Путина В.В. о том, где и что он собирается делать с террористами:

Чем "мочить" чеченских террористов. АИФ, N 41, 13.10.1999.

«…der Devise, die Premierminister Wladimir Putin zu Beginn des Kaukasus-Feldzugs im Oktober ausgegeben hatte: "*Wir knallen die Terroristen ab, und wenn wir ihnen bis auf die Latrine folgen müssen*"»
(Moskau zeigt sich in Tschetschenien unerbittlich. Die Welt, 21.12.1999).

Эта цитата повторяется в различных интерпретациях в русско-, англо-, и немецкоязычной прессе.

В результате анализа выявлены три позиции аргументации в военном дискурсе прессы о Чеченской войне 1998-2000 гг.: *аргументация сторонников войны, аргументация противников войны и аргументация чеченцев*. В российской прессе представлены все три позиции (с заметным ущемлением последней с 1999 года). В «Красной Звезде» и «Российской газете» *аргументация сторонников ввода войск* в Чечню значительно превалирует над другими типами аргументации. «Российская газета» делает акцент на правильности Правительственного решения применить войска, а «Красная Звезда» — на применении армии, как единственной силе, способной разрубить «Кавказский узел».

«Правда» делает основной акцент на аргументации противников силового решения конфликта. «Известия» и «Сегодня» приводят все три типа аргументации. В германоязычной прессе аргументация сторонников войны представлена лишь в интервью с российскими руководителями. Аргументация чеченцев широко представлена в сетевой версии газеты «The Guardian Unlimited», а также в газете «The Chechen Times», существовавшей в Интернет до 2001 г., и публиковавшей как правило прочеченские материалы других изданий или материалы, предоставленные М. Удуговым:

«Three Chechen Civilians Killed by Russian Soldiers.» The Chechen Times (www.chechentimes.com), September 15, 2000. (опубликована со ссылкой на оригинал в Agence France Presse.)

Bold Chechen Rebels Fight the Russian Army on Two Fronts. The Chechen Times (www.chechentimes.com), January 03, 2000. (опубликована со ссылкой на оригинал в The New York Times.)

Детализация описания работает на общую аргументированность. Детализация не является отличительной особенностью военного дискурса.

Детализация свидетельствует о компетентности автора или источника и выполняет функцию убеждения. Можно сделать вывод о том, что для военного дискурса прессы о северокавказском конфликте характерна аргументация на языке цифр и чисел с использованием стратегического цитирования.

2.3.1.9. Социально-исторический контекст военного дискурса

Анализ языкового контекста статей, входящих в корпус выборки, не выявил закономерностей, связанных с категорией военного дискурса. Следовательно, какие-либо зависимости могут носить лишь ситуативный характер. Однако анализ социоисторического контекста показал, что общей тенденцией является *повышение уровня воздействия* на массовое сознание независимо от каких-либо факторов.

Неотъемлемыми компонентами социально-исторического контекста военного дискурса прессы о северокавказском конфликте 1998-2000 гг. можно считать воздействие военного дискурса как сложного социального феномена в аналогичной исторической ситуации (война во Вьетнаме, холодная война, война в Персидском заливе, война в Чечне 1994-1996 гг., война в Дагестане в августе 1999 г.). Это приобретает большую актуальность в свете событий 11 сентября 2001 года в США, повысивших общую мировую нестабильность.

Информационная составляющая национальной безопасности предусматривает два способа работы с интерпретациями действительности (проще говоря, с чужим мнением). Это стратегии *запрета* и *интерпретации* (стратегия *обыгрывания* (Почепцов 2000: 203)). Первая широко применялась в бывшем СССР и показала, что полное сокрытие ключевых событий практически неосуществимо, так что речь может идти лишь о *временном сдерживании* информации. Стратегия интерпретации, напротив, требует не применения запретов, а убедительной аргументации и привлечения мощных интеллектуальных ресурсов.

В качестве примера такой стратегии приведем разработку Специальной информационно-аналитической комиссии правительства РФ в мае 1995 г. под названием «*Мифология чеченского кризиса как индикатор проблем национальной безопасности России*». В ней подчеркивается, что информационная война в Чечне была Россией проиграна (Информационная война в Чечне 1994), что упрочнение западной версии чеченского мифа может иметь для РФ негативные и разрушительные последствия. Отмечается отсутствие понимания, желания и осознания необходимости отработать механизмы взаимодействия структур власти с общественным мнением и идеологической сферой.

Комиссией были представлены рекомендации по исправлению сложившейся ситуации: создание российской версии чеченского кризиса (конкурентно-способного *антимифа*), представляющего собою зеркальное отображение основных моментов западного мифа; соблюдение психологической точности и адресности информационного продукта; указание на проведение серии узконаправленных воздействий для повышения эффективности и снижения затрат (Почепцов 2000).

Рассмотренные выше две дискурсивные версии событий на Кавказе перекликаются с другими социально-историческими параллелями: воздействие на массовое сознание во время войны во Вьетнаме, холодной войны, войны в Персидском заливе и войны на Балканах. Если данных по информационной войне в Югославии практически нет, то описаний воздействий на массовое сознание в остальных случаях предостаточно.

Информационное воздействие во **Вьетнаме** строилось, исходя из следующих целей: уменьшить поддержку правительства Северного Вьетнама и увеличить поддержку населением Южного Вьетнама своего правительства. За 7 лет было изготовлено и сброшено 50 млрд. листовок. Воздействие на сознание опиралось на следующие пять тем: *страх смерти; тяжелая жизнь солдат на войне; потеря веры в коммунистическую победу; семья* (эта тема

опиралась на центральную роль семьи во вьетнамской культуре) и *разочарование в войне* как комбинация всех предыдущих тем.

Отрицательный результат вьетнамской компании общеизвестен, хотя на сторону Южного Вьетнама перешло более 200000 человек. США, потерпевшие поражение из-за отсутствия поддержки собственного населения, пересмотрели методы работы с массовым сознанием. Они пришли к выводу, что население не должно получать информацию, которая обычна для солдат на поле боя. Аналогичная ситуация сложилась в России в 1994 г., когда население не поддержало ввода войск в Чечню.

Во время **холодной войны** были использованы огромные интеллектуальные и финансовые ресурсы. Для СМИ этого периода характерно ведение *дезинформационных* кампаний. Наиболее удачной такой кампанией, по данным USIA, со стороны США была ситуация со звездными войнами. В результате удалось убедить СССР в его технической отсталости и вынудить начать переговоры с США (Почепцов 2000).

Во время войны в **Персидском заливе** методы воздействия на массовое сознание нашли наиболее системное применение и обнаружили наивысшие результаты. Распространенные листовки измерялись тоннами — примерно 29 тонн. Основные темы воздействия включали: *сдавайтесь в плен, превосходство США, неизбежность поражения, Саддам Хуссейн — причина поражения, оставляйте оружие и воинские части, спасайте себя* (большинство с преобладанием императива). Листовки достигли 98% личного состава иракской армии, 44% армии дезертировало, 58% военнопленных сообщили, что слушали радиовещание союзных войск и верили ему. Была использована и *дезинформация*: на весь мир сообщили о возможной высадке с моря, не упоминая об операции «Буря в пустыне» — плане сухопутного вторжения.

Информационная война в **Чечне** 1994-1996 гг. была проиграна. Чеченской стороной распространялись листовки следующего содержания: «Солдаты и офицеры! У вас нет проблем на территории Дагестана. Все ваши

проблемы дома, где новые русские и евреи забавляются с вашими женщинами и жрут водку!» (Почепцов 2000: 530). Их воздействие было основано на существующих в массовом сознании стереотипах: социальных (*новые русские*) и этнических (*евреи*). Причина поражения России сходна с причиной поражения США во Вьетнаме: большинство российских СМИ освещали происходящие события, сочувствуя боевикам и чеченскому населению. Рядовым россиянам были показаны картины реальной войны, что ориентировало общественное мнение не в пользу поддержки правительства. Российскому массовому сознанию предлагалось выбрать одну из возможных точек зрения и аргументативных позиций. Подобная многозначность не могла принести успеха в информационной войне.

Анализ результатов информационного воздействия показывает, что лингвистическая сторона военного дискурса в России изучена недостаточно. Актуально проведение систематического исследования речевых характеристик военного дискурса СМИ и его воздействия на массовую аудиторию.

2.3.2. Воздействие на макроуровне

2.3.2.1. Структура новостей о войне

Новости прессы о военных действиях предоставляют информацию "из первых рук". В то же время первые характеристики событий, ярлыки для различных ситуаций и явлений действительности и первые мнения (как правило, мнения, выгодные элитам, которые контролируют данное СМИ) доносятся до общественного сознания именно прессой.

Военный дискурс обладает собственной структурой. Каждая статья имеет заголовок, который обычно оформлен значительно большим шрифтом, часто в верхнем регистре и с использованием цвета. Как правило, после заголовка идет вводка (развернутый подзаголовок, аннотация перед статьей), суммирующая содержание статьи.

«Несмотря на младенческий возраст, Россия от нее уже устала.»
(Операции на северном Кавказе исполняется год. Независимая газета, 02.08.2000.)

«Breakaway republic declares state of emergency as Moscow steps up war on Islamic intruders.»
(Chechens arm against Russia. The Guardian, August 16, 1999.)

«Tschetschenien-Krise soll durch Dialog gelöst werden.»
(Maschadow warnt Moskau vor Angriffen. Berliner Zeitung, März 15, 1999.)

Вводки также оформляются большим шрифтом, жирным или курсивом (для привлечения внимания читателей, которые порой дальше заголовка и вводки не читают). Обычно статьи (за исключением коротких новостей и интервью) о Чеченской войне структурируются рядом подзаголовков (как, например, было показано в детальном анализе статьи «Если враг не сдается…»).

2.3.2.2. Темы сообщений

В заголовках статей о Кавказской войне, как правило, сформулированы макротемы дискурса прессы. Небезынтересно провести сравнительный анализ тем (сумма макропропозиций заголовка) сообщений русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной прессы. Хотя спектр описываемых событий достаточно широк, преподнесение новостей о войне всегда сводится к следующему:

Русскоязычная пресса:

- Новые нападения и зверства исламских боевиков;
- Подготовка, осуществление и последствия террористических актов;
- Предотвращение федеральными силами террористических актов;
- Террористы ведут войну против мирных жителей;
- Защита Таджикистана и Дагестана от террористов;
- Зверские убийства солдат и офицеров федеральных сил;
- Политика государства и ответ на действия боевиков;
- Угрозы обществу: насилие, преступность, наркотики, рабство;
- Убийства и похищение людей чеченскими бандитами;
- Хроника конфликта;
- Подготовка боевиков в США, Великобритании, Германии, Афганистане, Грузии.
- Дезертирства чеченских боевиков;
- Поиск виноватых во вторжении боевиков;
- Планы федерального центра восстановить Чечню;
- Поражение РФ в информационной войне;
- Предательство армии правительством;

Англоязычная пресса

- Зверские убийства мирного населения русскими солдатами;
- Страдания и лишения беженцев в палаточных городках;
- Чеченский народ — жертва российской армии;
- Захватническая война русских, агрессия РФ;
- Нарушение Россией международных законов в Чечне;

- Россия применяет запрещенное оружие;
- Угрозы мирового сообщества президенту России;
- Партизанская война чеченцев — война за независимость;
- Дезертирство русских солдат и их переход на сторону освободительного движения Чечни;
- Комитет солдатских матерей России протестует против войны в Чечне;
- Исламский террор в России, религиозные причины освободительной войны против РФ;
- Россия бомбит Чечню;
- Россия штурмует Грозный;
- Разрушение федеральными силами Чеченских сел и городов;
- Потери федеральных сил;
- Охота на кавказцев как потенциальных террористов в России;

Немецкоязычная пресса

- Российские войска оккупируют Чечню (вторжение);
- Военный парад русских в Грозном;
- Ежедневный рост насилия в Чечне;
- Россия изолирует Чечню;
- Гибель лидеров борцов за свободу;
- Россия прикрывает Чеченской войной допущенные президентом ошибки;
- Россия бомбит стариков, женщин и детей в Чечне;
- Русские преследуют повстанцев;
- Ненависть между русскими и чеченцами возрастает;
- Россия затягивает войну в Чечне;
- Политический статус Чеченской республики;
- Давление США на Россию;
- Война в Чечне обогащает Москву;
- Санкции ЕС против России;

Как видно из приведенных примеров, даже самые нейтральные темы в таком «окружении» со временем приобретают отрицательную окраску (т.е. в общем потоке пропаганды сообщения, не соответствующие ей, потопляются). Многие темы, которые являются частью военного дискурса, либо вообще избегаются любыми СМИ, либо отражены только в некоторых из них. Так, тема «*зверские убийства солдат и офицеров РФ»* практически отсутствует в англо- и немецкоязычной прессе. Что касается темы «*подготовка боевиков в США, Великобритании, Германии, Афганистане*», то она лишь эпизодически отрицалась в СМИ Великобритании. Тема немецкоязычных СМИ «*Россия бомбит стариков, женщин и детей в Чечне*» по-другому сформулирована в русскоязычной прессе: «*нанесение ответных ударов с воздуха по позициям боевиков*».

«Красная Звезда», «Правда» и «Российская газета» довольно часто обращались к теме: «Жестокость чеченцев», стремясь представить их серьезным и опасным противником для оправдания неудач армии.

«Известия» и «Правда» чаще других затрагивали тему «всевозможные жертвы и потери». «Российская газета» меньше всего поднимала тему «гибель мирного населения» — как официальная газета Правительства РФ, она стремилась представить это в качестве основной заслуги армии. Германоязычная пресса, напротив, при любом удобном случае обращалась к темам «жертвы среди мирного населения» и «зверства солдат РФ», создавая впечатление о гуманитарной катастрофе, возникшей вследствие действий Российской Армии. Чаще других об этом писали английские газеты «The Guardian Unlimited», «Independent», немецкие «Süddeutsche Zeitung» и «Hamburger Morgenpost».

Тема обычно выражает самую важную мысль, содержащуюся в информационном сообщении. В новостях прессы о войне тема сообщения маркируется соответствующими заголовками и наличием вводок, так как они лучше понимаются и воспринимаются читателями. Другими словами, «отрицательные темы отрицательно влияют на сознание реципиентов» (Dijk 1998: 4)*. Отметим, что макротема «война» задает ряд особенностей военного дискурса: бинарность, поляризованность, локальный дейксис, стратегические характеристики, аргументацию.

Прослеживается следующая закономерность: темы новостей прессы о Кавказской войне подчеркивают положительные качества МЫ-ГРУПП и отрицательные ОНИ-ГРУПП (различаясь «точкой отсчета» и ориентацией). Положительные качества ОНИ-ГРУПП и отрицательные МЫ-ГРУПП обычно не представлены в новостях прессы (не появляются в заголовках, на первых страницах, или вообще замалчиваются). Это — общая дискурсивная стратегия *положительной саморепрезентации* и *диффамации противника*. Она доминирует в дискурсе прессы о военных событиях не только на уровне тем, но и на более элементарных уровнях (как было показано на микроуровне анализа). На уровне тем реализуются заложенные на микроуровнях основы манипулятивности и формирования общественного мнения.

2.3.2.3. Стратегии в военном дискурсе

Некоторые макростратегии уже упоминались по ходу анализа: стратегии *положительной саморепрезентации* и *диффамации противника*. Хотя именно они ориентируют развитие дискурса, отличительной чертой военного дискурса они не являются (они также характерны для политического дискурса). Можно выделить ряд стратегий выражения этнических предубеждений, которые формируются военным дискурсом.

1. *Обобщение*. Этот ход используется, чтобы показать, что только что приведенная информация, как правило, негативная не просто «случайна» или «исключительна». Типичными примерами этого хода являются: «И так всегда!», «Это без конца повторяется…», «Всегда одно и тоже!».

> «Выродки существовали всегда. Наверно, даже во времена пещерных людей…»
> (Пятая национальная идея. Российская газета, 22.03.2000.)

2. *Приведение примера*. Конверсивный ход, показывающий, что общее мнение не просто «надумано», но основано на конкретных фактах или опыте. Такой ход нацелен на повышение эмоционального воздействия на реципиента, на усиление доказательности. Типичные примеры этого хода: «Вот, например...», «Например, на прошлой неделе...», «Возьмите … Он хотя и ..., но...».

> «А пока федералы будут гоняться по горам за хаттабовскими боевиками, они займутся привычным делом. Например, захватом заложников, торговлей украденной нефтью и бензином или набегами на соседний Дагестан.»
> (Дело об "отмывании" чеченских боевиков. 13.05.2000.)

3. *Поправка*. Эту стратегию можно отнести к риторическим ходам. Контролируя индивидуальную речью, говорящий обычно предполагает, что какая-либо из его формулировок либо относительно «ложная», либо может привести к нежелательной интерпретации и оценке глубинных импликаций или ассоциаций. В этом случае и используется поправка. Такой ход нацелен на защиту от ложных интерпретаций. Типичные примеры: «Поясню:…», «Точнее...».

> «Полная свобода: вот вам моя голова, можете кувыркаться в ней, как вам угодно. Но одна мысль или, точнее сказать, одна тема несколько раз возвращалась и норовила задержаться.»

(Технология безумия. Gazeta.Ru, 14.05.1999.)

4. *Контраст*. Ход, имеющий несколько функций: привлечение внимания к участникам, подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или свойств. Это часто реализуется путем противопоставления МЫ-ГРУПП и ОНИ-ГРУПП. Типичный пример: «Нам приходилось долгие годы трудиться, а они получают пособие и ничего не делают», «Нам пришлось многие годы ждать новой квартиры, а они получают квартиру сразу же, как только приедут» — ситуации, где прослеживается конфликт интересов:

Войны с Чечней не будет, но оружие уже раздают. 11.03.1999.

Приведенные выше стратегии характеризуют военный дискурс с точки зрения его сходства с другими типами дискурса. Они не являются отличительными признаками военного дискурса, так как не менее характерны для политического и расистского дискурсов. Далее приведем пары стратегий, усиливающих манипулятивное воздействие дискурса на аудиторию, которые характерны только для военного дискурса. Для этого воспользуемся терминологией, предложенной в исследовании «Журналистика и война» (Рихтер 1998):

1. *Натурализм* описания реалий войны (убитые, раненые, части тел и т.п.). Данный ход вызывает крайне негативное отношение общества к описываемой действительности. Напротив, *сухость* описания снижает негатив восприятия.

2. *Индивидуализация действующего лица* вызывает в массовом сознании симпатию к описываемой стороне (характерна для западной прессы). Указание в дискурсе имени борца за свободу (Иса, Муса, Шамиль, Аслан, Руслан), его гражданской специальности (обычно, сельский учитель или тракторист), половозрастной характеристики его и его детей просто вынуждает массовое сознание принять его сторону. Напротив, *деперсонализация действующего лица* ограничивает сочувствие к описываемой стороне (отсутствие личностных характеристик — и солдаты, и боевики, и террористы безымянны).

3. *Героизация стороны конфликта*. Например, в германоязычной прессе чеченские солдаты показаны бодрыми, улыбающимися, готовыми к сражению за Родину, подвигам и смерти (прирожденные воины). Такое описание невольно располагает массовое сознание к уважению их героизма и признанию их правоты. *Мизеризация стороны конфликта*, напротив, вызывает в массовом сознании больше стыд, чем жалость. Так, солдаты федеральных сил подчас показаны измученными, грязными, завшивленными, голодными и замерзшими, деморализованными и дезориентированными от ужаса.

4. *Инфантилизация* — манипулятивный ход, направленный в основном на женское сознание (вызывает протест против войны, развязанной правительством). Рядовые солдаты РФ предстают слишком инфантильными, по сравнению с чеченскими 15 летними мальчиками (*матуризация*), которые изображаются мужественными бойцами, воюющими наравне со взрослыми.

5. *Символизация* может служить показателем идеологической обоснованности ситуации стороны конфликта. Так, при описании чеченских бойцов часто приводятся «клятвы на Коране», «зеленое знамя» и т.п. *Профанация* действий стороны конфликта (описание неоднократных штурмов Грозного) располагают массовое сознание против нее.

6. *Психологизация действий стороны конфликта*. Мотивация действий происходит с психологической и эмоциональной точек зрения (стремление защитить близких, отомстить за гибель товарищей, родных, отказ смириться с несправедливостью и угнетением). Напротив, *рационализация* действий снижает их моральную ценность (приказ, сохранение власти, целостности РФ).

7. *Глобализация событий*. Постоянное упоминание об угрозе распространения конфликта за пределы Чечни, Кавказа пугает массовое сознание угрозой личного благополучия, повышая личную заинтересованность каждого читателя в скорейшем решении конфликта. *Локализация событий* в рамках Чечни или Грозного вырабатывает безразличность массового сознания к войне.

8. *Демонизация* (*инфернализация*, по Рихтеру) противника и его действий (зверства чеченских террористов, зверства солдат РФ) оправдывает применение против него любых средств. *Сакрализация действий* тоже оправдывает действия стороны конфликта в массовом сознании, но несколько иначе: антигуманные действия прячутся за высокими идеями, такими как защита законности, защита Отечества от агрессора.

9. *Расширение зоны и участников конфликта* (*экстраполяция*, по Рихтеру). Попытки обобщить конфликт и вовлечь в него новых участников (мусульманский мир, вооруженные исламисты, моджахеды, фундаменталисты, открытие нового фронта борьбы с радикальными исламскими организациями и т.п.). *Сужение*, напротив, направлено на минимизацию сочувствующих сторон (незаконные бандформирования, контртеррористическая операция, вооруженные фанатики, экстремисты и наркоманы).

10. *Солидаризация* — это принятие какой-либо стороны конфликта (прямое наименование «*свои*», «*наши*», «*они*», «*враги*»). Аудитории навязывается симпатия к описываемой социальной группе. *Отстранение* — дистанцирование от сторон конфликта — производит обратный эффект (*вагоны с трупами солдат, эта страна, эта армия*).

Вышеприведенные стратегии являются важными и неотемлемыми характеристиками военного дискурса СМИ. Необходимо отметить стратегию *табуизирования*, которая выявляется только при сравнительном анализе результатов настоящего исследования с результатами других работ. Так, в 1998 - 2000 гг. в исследованных русскоязычных газетах отсутствует цитация чеченской стороны конфликта (хотя в 1994-1996 она широко цитировалась), поэтому можно сделать вывод о *табуизировании* информации или введения цензуры в период с 1998 по 2000 гг.

Анализ исследуемого материала показал, что большинство проправительственных публикаций российской прессы подчинены стратегии *легитимизации применения военной силы* и *диффамации противника* (макростратегия, на поддержание которой направлены все вышеописанные

стратегии). Аудитории предлагается альтернативная версия событий в Чечне не только как регионального конфликта и криминального мятежа, но и как типового конфликта между христианской и мусульманской цивилизацией (стратегия расширения зоны и участников конфликта и геополитическая теория конфликтов (Дугин 2000), популярный подход в общемировой практике — опыт вооруженного подавления таких конфликтов имеется практически у большинства «демократических» стран мира).

Преимущества такой интерпретации конфликта заключаются в том, что события выводятся на уровень мировоззрения — конфликта между цивилизациями и создания «МЫ»- и «ОНИ»-ГРУПП по схеме «христианская цивилизация — мусульманская цивилизация» (что приобретает особую актуальность в свете событий в США 11 сентября 2001 г. и войны в Афганистане).

Функционирование российской версии событий в Чечне основано на продвижении СМИ в массовое сознание когнитивных структур, поддерживающих эту версию. При создании дискурсивной версии преследовались общие цели воздействия на общественное мнение и сознание — легитимизиция применения военной силы при разрешении конфликта (такой стратегии придерживается большинство стран в аналогичной ситуации). Проиллюстрируем данную стратегию следующей таблицей:

Таб. 6. Легитимизиция применения военной силы

Стратегия легитимизации применения военной силы	
Положительная репрезентация «МЫ»-групп, героизация своей стороны; солидаризация;	Отрицательная репрезентация «ОНИ»-групп, диффамация, демонизация чужой стороны;
Позитивный образ лидера и подчиненных (честный, инициативный, действующий в рамках закона);	Негативный образ лидера и подчиненных (фанатик, сумасшедший, бандит, террорист, наркоман и т.п.)
Стремление «МЫ»-группы ограничить конфликт во времени (предложения вести переговоры, заявления о нежелании кровопролития)	Затягивание конфликта (перевод военных действий в фазу партизанской войны, отказ от диалога, обвинения в религиозном экстремизме и т.п.)
Занижение данных о потерях «МЫ»-групп	Завышение данных о потерях «ОНИ»-групп
Демонстрация помощи и защиты мирного населения	Демонстрация зверств по отношению к мирному населению
Демонстрация героических действий своих солдат	Демонстрация разлада и дезертирства чужой армии

Данная стратегия ориентирует когнитивные структуры общественного сознания таким образом, что действия «МЫ»-групп со временем автоматически воспринимаются как естественные и законные, а действия «ОНИ»-групп — как чудовищные и недопустимые. Данная стратегия характерна для преподнесения событий на Северном Кавказе российскими СМИ (и для преподнесения «антитеррористической операции США в Афганистане» западными СМИ — с ее началом война в Чечне перестала быть «агрессией России» для западной прессы, а органично влилась в общую картину борьбы с «мировым терроризмом»). Элементы данной стратегии присутствуют как в российской, так и в западной прессе, что говорит о ее определенной универсальности.

2.3.3. Обобщающее описание военного дискурса

Проведенный анализ дискурса прессы о вооруженном конфликте в Чеченской республике 1998 — 2000 гг. позволяет говорить о понятии *военного дискурса* СМИ. Далее приводится обобщающее описание военного дискурса и его характеристик.

2.3.3.1. Война и военный дискурс

Современные формы войны отличаются от традиционных, исторических форм (наступлений, маневров, атак, штурмов и взятий). В наши дни наряду с традиционными формами войны существуют такие формы как психологические и информационные войны (Насиновский 1996). Концепт «война» можно определить следующим образом: действия различного рода, направленные на ослабление, деморализацию и уничтожение (или самоуничтожение) противника.

Военный дискурс трактуется как триединое явление, во-первых, раскрывающее предметную тему, связанную с концептом *война* («дискурс о войне»), во-вторых, опредмечивающее антагонизм субъектов дискурса («дискурс-война») и, в-третьих, конструирующее конкурирующие версии

социальной действительности («война дискурсов»), отличающиеся оценочностью и возложением ответственности.

Под ***военным дискурсом*** понимается языковое общение по теме «война», дискурс о войне как в традиционной, так и современной ее формах. К разряду военного дискурса можно отнести дискурс военных о войне (жанр доклада или сводки), политиков о войне (разновидность политического дискурса в жанре интервью) и т.п. Исходя из специфики работы, в определении военного дискурса необходимо учитывать и то, что исследуется преимущественно дискурс печатных и электронных СМИ (сетевых версий газет и журналов) о Кавказской войне 1998 — 2000 гг. Поскольку эта война происходит на территории одного государства, она также может подпадать под понятие гражданской войны.

Война в современном мире не называется своим именем открыто. Боевые действия характеризуются как демократические и респектабельные, а их отношение к войне, как правило, отрицается. Это характерно как для России, так для Европы, США и других стран. Например, бомбардировки Югославии в 2000 г. в дискурсе прессы назывались «предотвращением гуманитарной катастрофы», война в Чеченской республике 1994 г. — «антитеррористической операцией», «наведением конституционного порядка». В США во время войны во Вьетнаме были составлены специальные словари для обозначения тех или иных явлений действительности, производящих на читателя нужное впечатление. С 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались «программой умиротворения», а с февраля 1972 г. — «защитной реакцией» (Кара-Мурза 2000: 254-255).

Вследствие этого стало возможным говорить о такой технологии манипуляции сознанием как *изменение смысла слов и понятий*. Из дискурса прессы исключалась вся лексика с отрицательной коннотацией (война, наступление, оружие массового уничтожения), а вместо нее вводилась нейтральная (конфликт, операция, устройство, умиротворение, наведение порядка и т. п.). Так создавалась виртуальная дискурсивная реальность или

социальная версия действительности, в контексте которой описываемые события (война) воспринимались аудиторией иным образом, что было выгодно правящим элитам.

Рассмотрение лингвистических аспектов военного дискурса непосредственно связано с проблемами информационной безопасности, особенностями проведения информационных и психологических операций. Современные формы войны не столь явные как традиционные и без специальной подготовки дифференцировать их сложно. Но можно говорить об их дискурсивных характеристиках:

- Любая современная война имеет дискурсивное начало и развитие т.е. ее признаки (демонстрация враждебности, нетерпимости, агрессия, диффамация) как дискурсивно конституируются, так и отражаются в медиа дискурсах: политическом дискурсе, дискурсе прессы и во многих других военных дискурсах (дискурс-война).
- Дискурсивные основы любой современной войны представляют собой мощное и эффективное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического господства.
- Для любой современной войны характерен конфликт дискурсов (создание конфликтных дискурсивных версий действительности, различающихся оценочностью происходящего и возложением ответственности на определенную сторону конфликта);

Современная война может быть далека от открытого насилия и военных действий (FM 33.1.1). Местом ее проведения и одновременно целью является психика человека. Последствия таких дискурсивных войн гораздо более разрушительны. Учитывая скрытый характер войны (не объявляется открыто), она ведет к незаметному обретению господства одних социальных или этнических групп над другими, не имеющими доступа и контроля над информационными потоками.

2.3.3.2. Особенности исследования военного дискурса

Современный дискурсивно-аналитический подход позволяет системно изучить и описать различные структуры и стратегии, характерные для военного дискурса СМИ, и для ведения информационных и психологических войн, а также соотнести их с политическим, социальным и историческим контекстом. «Анализ дискурса должен быть основан на систематической реконструкции социально-исторического поля, в котором был создан объект анализа дискурса» (Barsky 1997: 4)*. При этом изучается как синтаксическая форма предложений, так и общая организация дискурса, общие темы и локальные значения. Подробно рассматривается стилистика и риторика дискурса (риторические приемы, стратегии), языковые основы войны (Плуцер-Сарно 1999; Lakoff 2000; Larkin 1999).

Война конституируется дискурсивно. Учитывая данное выше определение, можно сделать вывод о том, что дискурсивное измерение войны состоит из двух компонентов: *социального и когнитивного*. Социальный компонент включает ежедневный военный дискурс. Так как «дискурс — одна из социальных практик» (Dijk 1998: 2)*, то военный дискурс принадлежит в первую очередь к социальному измерению войны. Социальные практики характеризуются когнитивным измерением (знания, мнения, верования, нормы и ценности, убеждения и стереотипы, идеологии). Стереотипы и предрассудки могут пролить свет на некоторые причины конфликтов и особенности их протекания. В то же время, дискурс является основным источником, генерирующим и распространяющим убеждения, представления и предрассудки, занимающие важное место в военном дискурсе.

Войну можно изучать посредством анализа военного дискурса. Элиты, контролирующие основные информационные потоки, а соответственно и дискурсы СМИ, общественные, политические и образовательные дискурсы, играют важную роль в ориентации военного дискурса, влияют на общественное сознание, предопределяют этнические, групповые и другие

предрассудки. Таким образом, критический анализ открывает еще одно широкое исследовательское поле — анализ военного дискурса.

2.3.3.3. Роль прессы

Власть, предоставляемая средствами массовой информации, имеет дискурсивно-символическую основу. Дискурс СМИ — основной источник знаний людей о мире, отношений, идеологий. Медиамагнаты определяют направленность большинства тех СМИ, которые они контролируют. Это важно учитывать при исследовании роли прессы в преподнесении военных событий в силу следующих причин:

- *Большинство читателей не имеют военного опыта, не сталкивались лично с войной и поэтому не в состоянии оценить истинность (ложность) преподносимого материала. На этом основано самое общее правило манипуляции общественным сознанием: «Истинно любое утверждение, ложность которого не может быть доказана». Воздействие проходит особенно легко, если оно опирается на стереотипы или предубеждения, в том числе и этнические.*
- *Большинство читателей не имеет альтернативных источников информации о войне (без учета художественной литературы и общения с участниками войны).*
- *Немногие читатели имеют время и желание анализировать преподносимую версию действительности. Поэтому предложенная точка зрения и ориентация принимается на веру.*
- *Военный дискурс конституируется в прессе по принципу разграничения МЫ - ГРУПП и ОНИ - ГРУПП (СВОИ — ЧУЖИЕ; НАШИ — ВРАГИ; ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СИЛЫ — ПОВСТАНЦЫ, БОЕВИКИ). При этом создается и поддерживается негативный имидж ОНИ-ГРУПП и положительный имидж МЫ-ГРУПП.*
- *Военный дискурс выполняет две основные функции: ориентирующую и манипулятивную. СМИ используют военный дискурс как инструмент воздействия на массовое сознание.*

2.4. Языковые особенности результатов воздействия военного дискурса

В мировой лингвистической практрике исследуются не только манипулятивная функция языка и дискурса, но и особенности политического дискурса о войне (Chilton 1995), роль языка в военном противостоянии (Reiher 1995), риторические особенности новостей о военных действиях (Vaughan 1999), а также особенности дискурса о войне в Персидском заливе (Chomsky 1991; Rojo 1995; Musolff 1999; Dellinger 1995, 1995a) и в Югославии (Grewenig, Jäger M., 2000; Schwab-Trapp 2000; Jäger, S. 2000). Однако не стоит забывать и о том, что в обоих случаях речь идет о воздействии дискурса СМИ на коллективное (массовое) и индивидуальное сознание. Особенно важно учитывать воздействие военного дискурса СМИ (и результаты такого воздействия), поскольку первые оценки военных действий, межнациональных или межэтнических столкновений и прочих конфликтных ситуаций определяют дальнейшее отношение реципиента к сторонам, вовлеченным в вооруженный конфликт. Как представляется, недостаточная степень исследованности результатов дискурсивного воздействия СМИ на массовую аудиторию должна быть восполнена.

Рассмотрев особенности и общие характеристики войны и военного дискурса, необходимо сориентировать результаты исследования на практику и указать возможные направления их реализации. Представляется целесообразным воспользоваться рекомендацией Венской школы, то есть провести собственное исследование.

В ходе исследования дискурса прессы о северокавказском конфликте 1998-2000 гг. были сформулированы теоретические положения о военном дискурсе СМИ, которые предлагается принять в качестве рабочих предположений для проведения опроса.

2.4.1. Общая характеристика опроса

Для проверки данных теоретических положений был проведен социологический опрос. Была разработана анкета-опрос (приложение 3),

ответы на вопросы которой позволили бы не только выявить различные стереотипы мышления и проверить теоретически высказанные предположения о военном дискурсе СМИ, но получить новые знания о коммуникации по схеме «СМИ — реципиент» и о результатах воздействия военного дискурса СМИ на массовое сознание.

Опрос проводился с 01 по 27 сентября 2001 г. в г. Твери. При этом были использованы методики анкетирования и интервьюирования. Предложенная анкета-опрос либо заполнялась непосредственно информантом, либо ответы информантов фиксировались в их присутствии. Респондентами были в основном учащиеся средней школы и студенты высших учебных заведений.

2.4.2. Цели и задачи опроса

Для проводимого исследования были поставлены следующие цели и задачи:

- *проверка основных теоретических положений о военном дискурсе СМИ и его характеристиках;*
- *сопоставление теоретически предполагаемого идеологического, психологического, манипулятивного и информационного воздействия дискурса прессы на массовое сознание с положением дел на практике;*
- *выявление основных источников знаний людей о военных действиях, вооруженных конфликтах;*
- *выявление стереотипов мышления, предубежденных мнений, их языковых, социальных и других характеристик;*
- *определение характера коммуникации по схеме «СМИ — реципиент» в общем, и «пресса — читатель», в частности;*
- *выявление социальных групп, минимально подвергающихся влиянию военного дискурса (социальных групп «без предубеждений») и, следовательно, обладающих (возможно неосознанно) средствами защиты от подобных воздействий;*

2.4.3. Результаты анкетирования

Рассмотрим результаты проведенного исследования в порядке, предложенном непосредственно в анкете. Всего было опрошено 181 человек, из них: 70% женщин (127 чел.), 30% мужчин (54 чел.). Средний возраст опрошенных составил 39 лет (мужчины: от 13 до 64 лет; женщины: от 13 до 55 лет). 93,92% опрошенных (170 чел.) постоянно проживают в Твери и Тверской области (Конаково, Редкино, Кашин, Калязин, Зубцов, Вышний Волочек), 5,52% (10 чел.) — в Москве и Московской области; 0,56% (1 чел.) — Казахстан, Байконур.

Большинство опрошенных указали в графе «Национальность» «русский» (162 чел.). Оставшиеся 19 человек указали: украинец/украинка, белорусска, финка, армянин, еврей, ингуш, азербайджанец, татарин, не указали национальность. Ответы на вопрос об образовании распределились следующим образом: высшее образование указали 19,3% опрошенных; средне-специальное, техническое — 11%; незаконченное высшее — 17%; неполное среднее — 52,7%. Детальное описание параметра «Образование» приведено в таб. 7:

Таб. 7. Образование

Образование	Мужчины	Женщины	Всего	%
Высшее	16	19	35	19,3
Незаконченное высшее	4	27	31	17
Средне - специальное, техническое	3	17	20	11
Неполное среднее	31	64	95	52,7

Таким образом, основными информантами были студенты (28%) и учащиеся (52,7%) Твери и Тверской области. Также были указаны следующие сферы деятельности оставшихся 19,3% респондентов: врачи, учителя, преподаватели вузов, юристы, операторы котельной, инженеры, операторы ПЭВМ, менеджеры, бухгалтеры, госслужащие, менеджеры по маркетингу, программисты и безработные.

Данные о материальном положении опрошенных распределились следующим образом: достаточно обеспеченными посчитали себя 25% опрошенных; средне обеспеченными — 57%; недостаточно обеспеченными

— 18% (причем 88% достаточно обеспеченных — учащиеся средней школы; 100% недостаточно обеспеченных — учителя, работники бюджетной сферы и безработные).

Предубежденные мнения в различной форме по отношению к СМИ, кавказцам, мусульманам, Чеченцам и арабам высказали 87% опрошенных. Чтобы проиллюстрировать приведенные данные, рассмотрим подробнее ответы респондентов на восьмой вопрос: «С чем у Вас ассоциируются следующие понятия?» в том же порядке, в котором они были приведены в анкете.

А) Средства массовой информации

Полученные ответы можно разбить на следующие группы:

1) Телевидение — 22% опрошенных (39 чел.). Ответы: TV, телевидение, телевизор, телик.
2) Печатные СМИ — 10% опрошенных (18 чел.). Ответы: газета, пресса, газеты и журналы, журналы.
3) Телевидение, пресса, радио — 30% опрошенных (60 чел.).

Интересно проследить порядок, в котором приводились эти ответы:

1 место:

48% респондентов (29 чел.), давший такой ответ, поставили на первое место телевидение;
30% респондентов (18 чел.) — на первое место поставили прессу;
22% опрошенных (13 чел.) — радио;

2 место:

43% респондентов (26 чел.), давших такой ответ, поставили
на второе место телевидение;
35% опрошенных (21 чел.) — радио;
22% респондентов (13 чел.) — прессу;

Третье место не подсчитывалось, так как некоторые респонденты либо давали тот же самый ответ (например, «телевидение, пресса, телик»), либо не давали третьего ответа.

Таким образом, частично определились приоритеты источников информации (и воздействия на сознание) респондентов о военных действиях и сопутствующих событиях: телевидение, пресса и радио (приведены в порядке их значимости).

4) Радио — 2% опрошенных (3 чел.).

5) Новости, информация — 14% опрошенных (25 чел.). Ответы: свежие новости, новости, информация, события в мире.

6) Ложь, обман — 12% опрошенных (21 чел.). Ответы: липа, навязывают мнение, сплошной анекдот, чепуха, сплетни, бред, вранье.

Такой ответ дали: 67% женщин (14 чел.), 33% — мужчин (7 чел.). 76% ответивших таким образом (16 чел.) старше 20 лет, с высшим образованием, 4 чел. — достаточно обеспечены, 11 чел. оценили свое материальное положение как среднее, 6 чел. — недостаточно обеспечены.

7) Прочие ответы — 8% опрошенных (15 чел.). Ответы: реклама, PR, тенденциозность, с мамой, усталость, Интернет, корреспондент, репортер, свобода слова, демократия, Америка, ни с чем.

Б) Лицо кавказской национальности

Полученные ответы можно разбить на следующие пять групп:

1) Торговля на рынке — 12% опрошенных (22 чел.). Ответы: рынок, помидоры, шашлык на рынке, вкусная еда, торговец, продавец на базаре, арбузы, виноград, дыни и арбузы, торгаш, перекупщик, курага.

2) Национально-географическая группа — 33% опрошенных (60 чел.). Ответы: люди с Кавказа, чеченцы, азербайджанцы, грузины, армянин, г. Душанбе, г. Грозный, Кавказ, жители Кавказа, Юг страны, цыган.

40% из этой группы (24 чел.) дали ответ «грузин»; 29% (17 чел.) — «чеченцы».

3) **Предубежденные мнения** — 44% опрошенных (80 чел.). Поскольку данная группа ответов представляет для настоящего исследования несомненный интерес, остановимся на ее описании более подробно. Обнаруженные языковые предубеждения четко делятся на семь подгрупп:

- Неприязнь — 18% ответов данной группы (15 чел.). Ответы: нечистоплотность, довольно неприятные люди, «недоброжелательность, особенно в сексе», наглость, нахальство, нахалы, наглая личность, придурки базарные, приставучесть, неприязнь.
- Недоверие, опасность — 18% ответов данной группы (15 чел.). Ответы: ожидание неприятностей, опасность, недоверие, подозрительность, настороженность, крокодил, беда и опасность, страх, вызывают страх, опастный человек, держаться подальше, «приезжий, нестабильность, экспансия, опасность, брезгливость, грязь, проблемы».
- Отрицательные характеристики, ругательства — 16% ответов данной группы (13 чел.). Ответы: черные, чернота, черт, первобытно-общинный строй, дикари и нелюди*, страшный бородатый дядька, ублюдки, уроды, длинноносые гады, варвары.

---

* — данный ответ можно рассматривать и как аллюзию к общеизвестным словам Российского президента. Он также позволяет сделать вывод о том, насколько глубоко и на долго проникают в сознание неподготовленных реципиентов готовые суждения, мнения и оценки.

- Террор — 13% ответов данной группы (10 чел.). Ответы: терроризм, террорист, террор.
- «Чужой» — 13% ответов данной группы (10 чел.). Ответы: нерусский, чужой, враги, мои враги, мне враги, люди другой национальности, «мышление, не понятное русским».

Аналогичные ответы иллюстрируют общую схему построения военного дискурса СМИ (и дискурса прессы, в частности) — общую схему преподнесения новостей о войне по принципу бинарной оппозиции «МЫ-ОНИ», «НАШИ-ВРАГИ» и т.п.

- Криминал — 10% ответов данной группы (8 чел.). Ответы: рэкет на базаре, программа «Криминал», криминал, сводки «Патрульной службы», рэкет, наркотики, преступления, милиция.
- Пренебрежительное «чурка» — 12% ответов данной группы (9 чел.). Ответы: чурка, чура.

4) Такого не бывает — 3% опрошенных (7 чел.). Ответы: «это понятие — бред», бред, таких не бывает, такого понятия не существует, выдумка московского шовинизма;

Такой ответ дали: 100% мужчины с высшим образованием, достаточно обеспеченные, старше 31 года, сотрудники вузов.

---

5) Прочие ассоциации — 8% опрошенных (12 чел.). Ответы: муж, бывший муж, мечта подруги, очень темпераментный мужчина, с собой, я сам, человек, несчастные люди.

В) Ислам

Полученные ответы можно разбить на следующие четыре группы:

1) Религия, вера — 65% опрошенных (118 чел.). Ответы: религия, вера, вероисповедание, вера и образ жизни, мекка, Иерусалим, коран.
2) Не знаю — 7% опрошенных (14 чел.). Ответы: не знаю, я атеист.
3) Прочие — 1% опрошенных (3 чел.). Ответы: зеленое знамя, зеленый флаг, верующие этого направления кормили меня вкусными вещами.
4) Предубежденные мнения — 26% опрошенных (46 чел.). Поскольку данная группа ответов представляет для настоящего исследования несомненный интерес, опишем ее подробнее. Высказанные предубежденные мнения четко делятся на 4 подгруппы:

- Террор — 18% ответов данной группы (8 чел.). Ответы: терроризм, террористы, террор, вера побуждающая террор.
- Фанатизм, агрессия — 52% ответов данной группы (24 чел.). Ответы: зомби, камикадзе, Аллах-Акбар, месть, кровная месть, священная война, бей неверных, фанатизм, «религия, заставляющая

творить жуткие вещи», религиозный фанатизм, агрессия, экстремизм, джихад, маниакальность.

- Чужие — 8% ответов данной группы (4 чел.). Ответы: чужое вероисповедание, «противоречество Христианству», «религия, враждебная Христианству», «религия, враждебная мне».
- Прочие отрицательные характеристики — 26% ответов данной группы (11 чел.). Ответы: безбожие, заблуждение, тот же самый страшный бородатый дядька, гадость, фундаменталистское искажение благих идей, дикая вера, что жуткое и непонятное, что-то очень плохое, «фундаментализм, поверхностность, подделка, претензии, торговля в культовых местах, деньги, белые одежды, опасность, экспансия».

Г) Война

Полученные ответы можно разбить на следующие пять групп:

1) Ужас, кровь — 79% опрошенных (145 чел.). Ответы: ужас, кровь, разруха, смерть, бедствие, «современность, ракеты, локальный конфликт, насилие, соседствующее с сытой жизнью на расстоянии сотни миль, НАТО, контингент».
2) Чечня — 16% опрошенных (29 чел.). Ответы: Чечня, в Чечне.
3) «Дети» — 2% опрошенных (3 чел.). Ответы: смерть молодых мальчиков, гибель молодых солдатиков, наши дети.

Такой ответ дали: 100% женщины, старше 30 лет, госслужащие.

---

4) Террор — 2% опрошенных (3 чел.). Ответы: терроризм, террористы, террор.
5) Мусульмане — 1% опрошенных (1чел.). Ответ: мусульмане.

Д) Межнациональный конфликт

Полученые ответы можно разбить на следующие группы:

1) Чечня — 42% опрошенных (75 чел.). Ответы: Россия-Чечня, Чечня, война в Чечне.

2) Ислам — 22% опрошенных (40 чел.). Ответы: ислам, исламские фанатики, «Карабах, харизматические лидеры, фундаменталисты, ислам».

3) Террор — 12% опрошенных (21 чел.). Ответы: террор, террорист, терроризм.

4) США-Югославия — 8% опрошенных (15 чел.). Ответы: США-Югославия, НАТО-Югославия, Америка и Югославия, Милошевич.

5) 3-я мировая — 4% опрошенных (7 чел.). Ответы: начало третьей мировой войны, третья мировая, третья ядерная война.

6) Прочие — 12% опрошенных (23 чел.). Ответы: ничего хорошего, убийства людей, массовые убийства, мясорубка, стая львов, расизм, национализм.

Е) Терроризм

Полученные ответы можно разбить на следующие группы:

1) Гибель — 31% опрошенных (58 чел.). Ответы: смерть, гибель, гибель ни в чем неповинных людей, массовое убийство ни в чем неповинных людей, тысячи смертей.

2) Чечня — 22% опрошенных (39 чел.). Ответы: Чечня, чеченские боевики, чеченский след, чеченцы, вахабиты.

3) Лицо кавказской национальности — 18% опрошенных (33 чел.). Ответы: лицо кавказской национальности, чурки, чуры, чурки поганые, черные, кавказцы, приезжая чернота.

4) Америка — 17% опрошенных (30 чел.). Ответы: Америку бомбят, США, Нью-Йорк, Вашингтон, Пентагон, Торговый центр в Нью-Йорке, США-Арабы.

5) Ислам — 4% опрошенных (7 чел.). Ответы: арабы, мусульмане, ислам, с исламом, Усама бин Ладден, «фанатизм, насилие, современность, опасность, Ватикан, ислам, гексаген, Пушкинская площадь, угон самолетов».

6) Прочие — 8% опрошенных (14 чел.). Ответы: БОИНГ, самолет, протест, плохое дело, непредсказуемость, подлежит искоренению, разборка, угрозы, слезы, предательство, кто-то на этом хорошо зарабатывает, кто-то оплачивает, «война против личности, страны, культуры».

Ж) Мусульмане

Полученные ответы предлагается разбить на следующие группы:

1) Вера, религия — 21% опрошенных (38 чел.) Ответы: вера, религия, одна из древнейших религий, мечеть, коран, Аллах, «люди, исповедующие ислам», люди с верой в ислам.

2) Восток — 2% опрошенных (4 чел.). Ответы: Восток, жители Востока, восточные люди.

3) Они другие — 8% опрошенных (14 чел.). Ответы: другая вера, другая религия, чужая вера, люди другой веры, иноверцы, чужие, непонятные мне люди.

Ответы данной «группы» еще раз иллюстрируют основной принцип построения военного дискурса: МЫ-ОНИ группы. Этот принцип работает не только на локальном уровне (местные, региональные конфликты и новости о них), но и на глобальном (сообщения о конфликтах во всем мире, хотя 8% — достаточно небольшая величина).

---

4) Другие предубежденные мнения — 35% опрошенных (64 чел.). Поскольку предубежденные мнения по отношению к мусульманам довольно подробно исследовались в мировой практике (Хомский 1989; Dijk 1988; Кара-Мурза 2000) вряд ли стоит их подробно рассматривать и классифицировать. Поэтому ограничимся общим обзором ответов, полученных от информантов: враждебность, маниакальность, фанатизм «люди, которым нельзя употреблять в пищу свинину, пить водку и т.д., но они с удовольствием ни в чем себе не отказывают и при этом утверждают, что они соблюдают все законы своей религии», моджахеды, враги, террористы, террористы в чалмах, нелюди, что-то

очень плохое, жуткие люди, «азиаты хреновы», наглость, жестокость, кровожадность, враги, агрессия на почве религии, дураки, камикадзе, фанатики, «свиньи (во всех смыслах)», экстремисты, безбожники, зомби, лицо кавказской национальности.

Примечательно, что ответ «террористы» дали только 9 человек (всего 5% опрошенных). Это свидетельствует о том, что в сознании респондентов (и вероятно, в российском сознании) стереотип «террористы — арабы, мусульмане» и наоборот, не преобладает на столько, на сколько, например, в сознании обыденного американца (Dijk 1988).

---

5) Люди — 23% опрошенных (41 чел.). Ответы: люди, такие же люди, люди как люди, люди в черном, люди в халатах, люди в чалмах, наши братья, мои друзья, все люди одинаковы, бедные люди.

6) Прочие ответы — 13% опрошенных (23 чел.). Ответы: водка, «хадж, новруз-байрам, сладости, обычаи, полные женщины в цветной одежде», плов и другая вкусная еда, татары, евреи, паранджа, ортодоксальность, необычная одежда, игла, ишак, «они всякие: и хорошие и плохие».

3) Чечня

Полученные ответы можно разбить на следующие группы:

1) Война — 34% опрошенных (61 чел.). Ответ: война.

2) Предубеждения — 43% опрошенных (77 чел.). Поскольку высказанные предубежденные мнения (ассоциации) представляют для настоящего исследования несомненный практический интерес, остановимся подробнее на их описании. Данные ответы четко делятся на следующие подгруппы:

- Враг — 35% ответов данной группы (27 чел.). Ответы: враги, враг, враг России, «враги, угроза, мочить их в сортире»;

Данный тезис президента РФ В.В. Путина получил распространение и приобрел популярность не только в отечественных и зарубежных СМИ, но и в научной литературе (см.: Вепрева 2000: 43-45).

- Терроризм — 52% ответов данной группы (40 чел.). Ответы: один терроризм, террористы, «бандиты, террористы, нелюди», бандиты, «уничтожить террористов», «бандиты, террористы, Дудаев», «террористы, Басаев», убийцы и террористы, сборище вахабитов, теракты, «разбой+терроризм», «лучше Лермонтова не скажешь, но они войны».

Отметим, что последний ответ также можно рассматривать как аллюзию к фразе из произведения В.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин!» или к фразе, которая может быть известна широким общественным массам из выступлений лидера ЛДПР В.В. Жириновского (которую он в последнее время пытался популяризировать) «Хороший чеченец — мертвый чеченец!»

- Проблема — 13% ответов данной группы (10 чел.). Ответы: основная проблема России, пороховая бочка, запутанный клубок споров и противоречий, наше проклятие, тяжелый случай, многолетний конфликт, горячая точка, «болото, в которое мы влезли», проблема.

Попытаемся приблизительно охарактеризовать социальную группу, члены которой высказали описанные выше предубежденные мнения: средний возраст — 25-27 лет, 45% женщин и 55% мужчин, 87% достаточно и средне обеспечены (67 чел.), высшее образование только у трех респондентов (хотя данный показатель имеет принципиальную важность, необходимо учитывать и тот факт, что опрос проводился в основном среди студентов и школьников), для 80% данной социальной группы (62 чел.) основным источником информации о вооруженных конфликтах является телевидение и пресса, для 18% (13 чел.) — радио и телевидение.

---

3) Республика — 9% опрошенных (17 чел.). Ответы: страна, республика, входит в состав РФ, входит в состав России, республика в составе РФ, независимое государство, Россия, часть России, несчастная республика,

4) Территория — 1% опрошенных (3 чел.). Ответы: территория, место на карте, «кусок земли, который не могут или не хотят поделить».

5) Молодые русские солдаты — 3% опрошенных (5 чел.). Ответы: гибель наших ребят, погибают наши дети, смерть наших ребят, страх за детей, молодые русские солдаты.

Такой ответ дали: 80% женщины (4 чел.), все респонденты — за 30 лет, все с высшим образованием, 100% — средне или достаточно обеспечены.

---

6) Они воины — 1% опрошенных (3 чел.). Ответы: воинственный народ, они воины, «они будут тупо бороться до последнего неизвестно зачем».

7) Прочие ответы — 9% опрошенных (15 чел.). Ответы: голод, разруха, танки, «уже ни с чем — привыкла», нефть, массовое убийство людей с обоих сторон за деньги, боль, ужас, мусульмане, место жительства друзей.

И) Россия

Полученные ответы можно разбить на следующие группы:

1) Родина — 67% опрошенных (120 чел.). Ответы: Родина моя, моя любимая Родина, Родина, «наш дом — Родина», «Пусть кричат: «Уродина!», но она нам нравится!». В основном были даны ответы: Родина или Родина моя.

Отметим, что ответ: «Пусть кричат: «Уродина!», но она нам нравится!» можно рассматривать и как аллюзию к известному произведению Ю. Шевчука «Родина». В общем, высокий процент ответов данной группы свидетельствует о государственном, даже национальном патриотизме среди учеников средней школы.Такой ответ дали: 100% школьники.

---

2) Кризис — 19% опрошенных (35 чел.). Ответы: экономический кризис, экономический упадок, с экономикой плохо, не платят, не топят, «холодно, так как нет отопления», «во всем виноват Чубайс», бардак, упадок, заслуживает лучшей участи.

3) Президент — 8% опрошенных (14 чел.). Ответы: Путин, наш президент Путин, Владимир Путин, президент.

4) Природа — 2% опрошенных (3 чел.). Ответы: леса и поля, «березы, летние вечера», поля и березы.

5) Прочие — 4% опрошенных (9 чел.). Ответы: «возродимся ли?», «страна, которой слишком много для самой себя», терпеливый народ, страна глупого терпения, «жалко: убивает массовое желание списывать все проблемы на царя, жидов и национальный характер», «спокойных времен у нас не было никогда», водка, попойка, белые медведи.

Основные источники информации о межнациональных конфликтах и военных действиях в мире, по данным проеденного исследования, следующие (таким образом они были распределены респондентами):

А) 1 место по значимости:

70% опрошенных указали основным источником подобной информации телевидение и телепрограммы (ОРТ, РТР, НТВ);
17% опрошенных — прессу (в основном газеты, журналы — редко);
для 13% респондентов основным источником информации о войне является радио;
1% — Интернет (2 чел.);

б) 2 место по значимости

76% опрошенных поставили на второе место прессу, газеты;
13% — радио;
11 % — телевидение;

в) 3 место по значимости

82% — радио;
11% — пресса;
6% — телевидение;

Учитывая данные, полученные из ответов на вопрос 8а, и 9, можно с уверенностью утверждать, что основными источниками информации о войне и военных действиях являются: телевидение, пресса и радио. Источники указаны в порядке их значимости для опрошенной группы: по значимости печатные СМИ (в основном, пресса) уступают лишь телевидению, которое занимает лидирующие позиции по всем статьям опроса. Нельзя списывать со счетов радио, так как согласно полученным результатам, радио и пресса уверенно занимают второе место среди источников информации о войне.

Интересно, что 40% опрошенных (72 чел.) не доверяет или доверяет частично указанным источникам информации. Аргументация недоверия

приводилась самая разнообразная: начиная от «врут много» до «я вообще никому не доверяю». 56% опрошенных (101 чел.) доверяют указанным источникам информации. Аргументация доверия следующая: «могу достроить картину происходящего самостоятельно, поэтому доверяю», «поток информации считаю когерентным и непротиворечивым», «раз пользуюсь — значит доверяю» и т.п. 4% опрошенных (8 чел.) либо не указали, доверяют ли они указанным источникам информации, либо сомневаются, либо «иногда доверяю, иногда — нет», «когда как».

Информацию о вооруженных конфликтах в современном мире часто обсуждают со своими друзьями и знакомыми 11% опрошенных (22 чел.) в силу следующей аргументации: «волнует», «интересует», «касается» и «беспокоит». 17% опрошенных (31 чел.) редко обсуждают военные действия, межнациональные конфликты в силу следующей аргументации: «нет времени», «не имеет отношения к каждодневным проблемам». 72% опрошенных не обсуждают такие события с друзьями, коллегами и знакомыми так как: «и так все ясно», «не интересует», «не интересно», «много других проблем» или «об этом и так много передают».

Описанные выше результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

(1) Можно с уверенностью констатировать факт воздействия военного дискурса СМИ на сознание реципиентов. Следовательно, представляется не только корректным, но и целесообразным выделение и описание *манипулятивной функции* военного дискурса СМИ в рамках лингвистической прагматики и критического анализа. Так, всего 12% опрошенных осознают несоответствие преподносимой им версии действительности своей собственной версии (картину которой они самостоятельно достраивают в силу своих рефлективных возможностей). Оставшиеся 88% опрошенных не замечают воздействия военного дискурса. Это подтверждается тем, что большинство опрошенных (56%) доверяют указанным источникам информации. Аргументация доверия (например: «раз

пользуюсь, значит, доверяю») свидетельствует о том, что большинство реципиентов даже не задумывается над этим. Следовательно, воздействие военного дискурса СМИ — это не только идеологическое воздействие, а скрытое воздействие на сознание (что называется манипуляцией).

(2) Основными источниками знаний опрошенных о вооруженных конфликтах и военных действиях являются телевидение, пресса и радио. Лишь 1% (2 чел.) указали Интернет в качестве альтернативного источника информации. Примечательно также то, что никто не указал общение с друзьями, знакомыми и коллегами в качестве альтернативного источника информации о войне. Следовательно, основными инструментами воздействия на массовое сознание являются телевидение, пресса и радио.

(3) Большинство опрошенных (72%) не обсуждают вооруженные конфликты и военные действия с родными, друзьями, знакомыми и коллегами. Следовательно, коммуникация по схеме «СМИ — реципиент» и «пресса — читатель» носит односторонний характер. Другими словами, из процесса получения информации исключается диалог, что значительно ослабляет защиту от манипулятивного воздействия.

(4) Большинство опрошенных сами не имели военного опыта (учитывается, что большинство опрошенных составили студенты и школьники). Это свидетельствует о том, что предложенная точка зрения, версия действительности и ее оценка пресуппозитивно принимается на веру.

(5) В основе манипулятивного воздействия военного дискурса СМИ лежит использование различных стереотипов и предубеждений. Контроль и власть над общественным мнением и массовым сознанием достигается посредством постоянного использования существующих и создания новых стереотипов и предубежденных мнении. Результаты, полученные в ходе настоящего опроса (как показатель результативности воздействия военного дискурса СМИ), свидетельствуют о том, что стереотипы и предубеждения — одна из важнейших составляющих воздействия военного дискурса СМИ на сознание опрошенных. Это подтверждается тем, что 81% опрошенных

высказали предубежденные мнения по отношению к СМИ, кавказцам, мусульманам, Чеченцам и арабам, что может служить не только показателем успешности общей манипулятивной программы (в частности, стратегии легитимизации применения военной силы в Чечне), но и динамики развития стереотипов в российском сознании.

(6) Традиционный стереотип «человек с Кавказа — торговля на рынке и вкусная еда» (12% опрошенных), постепенно вытесняется новым предубежденным мнением (44% опрошенных), свидетельствующим о неприязни и недоверии. Отмечено появление нового предубеждения «лицо кавказской национальности — терроризм (13%)» (по сравнению с традиционным «криминал (10%)»). Так 43% (77 чел.) опрошенных высказали предубежденные мнения о Чечне, половина из которых (40 чел.) — результат распространения СМИ этноконфликтного образа данного региона: «Чечня — терроризм». Немного меньше половины предубежденных мнений (27 чел.) более радикальны: «Чечня — враг России», что доказывает оправданность опасений ученых об опасности распространения этноконфликтных образов при помощи СМИ. Терроризм ассоциируется у 22% опрошенных с Чечней, у 18% опрошенных с «лицом кавказской национальности», и всего лишь у 4% опрошенных — с исламом и мусульманами. В российском сознании стереотип «терроризм — Чечня, чеченцы, кавказцы» преобладает над стереотипом «терроризм — мусульмане, арабы», столь характерным для американского массового сознания. Это подтверждается тем, что предубежденные мнения по отношению к Чечне, чеченцам и кавказцам высказало в два раза больше опрошенных (77%), чем по отношению к мусульманам (39%). Несовпадение с общей суммой 81% вызвано тем, что большинством респондентов высказывались предубежденные мнения одновременно по отношению к обеим этническим группам.

(7) Военный дискурс СМИ конституируется по принципу противопоставления «МЫ-ГРУПП» и «ОНИ-ГРУПП». Это накладывает отпечаток на сознание читательской аудитории, о чем свидетельствуют

результаты опроса: 13% опрошенных высказали по отношению к «лицу кавказской национальности» предубежденное мнение «чужой»; 8% опрошенных: «ислам» — «чужие» (разграничение по общей схеме: СВОИ-ЧУЖИЕ). 35% опрошенных: «Чечня» — «враг», 67% опрошенных: «Россия» — «моя Родина, наша Родина и т.п.» (разграничение по более конкретизированной схеме: НАШИ-ВРАГИ).

(8) 81% предубежденных мнений — достаточно высокий показатель эффективности воздействия СМИ на массовое сознание. Высокий процент предубежденных мнений по отношению к мусульманам (39%, хотя перед началом исследования предполагалось, что этот показатель будет в два-три раза ниже) свидетельствует о наличии общей стратегии воздействия на массовое сознание — легитимизации применения военной силы на Северном Кавказе.

(9) Воздействие военного дискурса СМИ было замечено 12% опрошенных. Эти данные практически совпадают с количеством респондентов, в ответах которых не было обнаружено предубежденных мнений — 13%. Следовательно, данная социальная группа обладает (возможно, неосознанно) средствами защиты от манипулятивного воздействия военного дискурса СМИ.

Охарактеризуем данную социальную группу: 60% женщины и 40% мужчины; средний возраст: старше 20 лет; все с высшим образованием; сотрудники бюджетной сферы; в основном средне и недостаточно обеспеченные.

Общим показателем для этой социальной группы можно считать наличие высшего образования как свидетельства о более высокой рефлективной готовности (и способности) реципиентов. Таким образом, защита от манипулятивного воздействия военного дискурса СМИ зависит от уровня рефлективной готовности аудитории.

2.5. Выводы

Проведенное исследование позволило определить военный дискурс как триединство (дискурс о конфликте, дискурс-конфликт и конфликт дискурсов) и выделить основные лингвистические особенности военного дискурса прессы о северокавказском конфликте 1998-2000 гг.:

1) Особое функционировании ЛСП «война» (функционирует независимо от состава МЫ- и ОНИ-ГРУПП, подчиняясь стратегии легитимизации применения военной силы и диффамации противника);

2) Использование лексических ограничителей и эвфемизмов, выполняющих функции минимизации ответственности, сокрытия отношения к информации, защиты от ложных интерпретаций и др. (нетипично для коммерциализованного дискурса СМИ, может служить показателем общей манипулятивности);

3) Преобладание лексических стилистических средств (идеологически оценочные эпитет, метонимия, метафора);

4) Харктер темпорального дейксиса (указание на предшествование агрессивных действий ОНИ-ГРУПП и, как следствие, вторичность ответной реакции МЫ-ГРУПП) и дейксиса дискурса (ссылки на неясный источник информации, двойные ссылки, характеризующие степень интерпретации преподносимых данных);

5) Структура и приемы аргументации и контраргументации дискурсивных версий конфликта (три позиции: сторонники войны, ее противники и Чеченцы; использование языка цифр и чисел: данные о потерях, участниках конфликта; стратегическое цитирование).

В качестве отличительной особенности исследованного военного дискурса выступает введение в российских СМИ 1999-2000 гг. единой точки зрения на происходящие события (по сравнению с 1994-1996 гг.). Речь не идет о введении цензуры, напротив, о доминировании единой идеологически ориентированной точки отсчета, определяющей способы номинации сторон конфликта и их действий, особенности поляризации действительности.

Отмечается использование стратегии *табуизирования* информации: в русскоязычной прессе начала 2000 г. отсутствует аргументация чеченской стороны (чеченцы практически не цитируются), хотя германоязычная пресса по-прежнему широко использует чеченскую аргументацию.

Особенностью дискурса о северокавказском конфликте 1998-2000 гг. можно также считать обращение в 2000 г. к прилагательному «российский» для номинации федеральных сил (перевод конфликта из «государственной» в «национальную» плоскость: «российский» vs «чеченский») как разновидность стратегий глобализации/локализации событий.

Исследованные дискурсивные версии действительности содержат стереотипы и предубеждения. Под воздействием военного дискурса в массовом сознании россиян сформированы предубежденные мнения: «человек с Кавказа — терроризм», «Чечня, чеченцы — терроризм», а также ряд более радикальных предубежденных мнений. К особенностям освещения северокавказского конфликта 1998-2000 гг. относится распространение средствами массовой коммуникации этноконфликтного образа региона «Чечня».

Предлагаемая методика исследования военного дискурса прессы позволяет проводить адекватные исследования в рамках современной социолингвистики, используя достижения когнитивной и социальной психологии, социологии, критического анализа и анализа дискурса. Также необходимо подчеркнуть ее теоретическую и практическую значимость, так как, наряду с введением понятия *военного дискурса*, предложен инструмент его теоретического и прикладного познания.

Заключение

В связи с тем, что в языке действуют и психические, и общественные факторы, мы должны считать вспомогательными для языкознания науками главным образом психологию, а затем социологию как науку об общении людей в обществе, науку об общественной жизни.

И.А. Бодуэн де Куртене (1963: 217).

Подводя итоги диссертационного исследования, прежде всего необходимо отметить его междисциплинарный характер. Для полного и всестороннего анализа отобранного материала сопоставлялись релевантные подходы к критическому анализу дискурса и проблеме ориентации сознания читательской аудитории. Под введенное понятие военного дискурса адаптировалась методика критического дискурс-анализа. Военный дискурс рассматривался с точки зрения соотнесения его языковых и структурных особенностей с социальными, когнитивными и историческими характеристиками.

В качестве основных лингвистических особенностей военного дискурса прессы о северокавказском конфликте 1998 – 2000 гг. рассматриваются: 1) особое функционирование ЛСП «война» в рамках стратегии легитимизации применения военной силы и диффамации противника; 2) использование лексических ограничителей и эвфемизмов, что не типично для коммерциализованного медиа-текста; 3) стратегии табуизирования информации (отсутствие аргументации чеченской стороны в дискурсе российской прессы) и локализации конфликта (перевод конфликта с «государственного» на «национальный» уровень).

Военный дискурс является основным источником знаний аудитории о военных действиях. Суть его ориентирующей и манипулятивной функций сводится к тому, что сформированные социально-когнитивные версии действительности пресуппозитивно принимается на веру. При этом

используются уже существующие и создаются новые предубежденные мнения, что позволяет говорить о динамике их развития: от «*человек с Кавказа — гостеприимство*» к «*терроризму*». Для проверки основных положений о военном дискурсе был проведен социологический опрос, подтвердивший теоретически высказанные предположения о наличии предубежденных мнений у читательской аудитории. Учитывая сдерживающий фактор анкетирования, отметим, что 43% предубежденных мнений по отношению к Чечне и чеченцам (на фоне общего показателя предубеждений 81%) — достаточно высокий показатель языкового выражения этнических предубеждений. Предполагается, что реальная предубежденность общества по отношению к кавказцам значительно выше.

Полученные результаты можно рассматривать основой развития *критического анализа военного дискурса*, широта и перспективность которого в социальных и лингвистических науках определяется вынесенным в эпиграф тезисом И.А. Бодуэна де Куртене о междисциплинарности любой лингвистической работы. Это поможет углубить и расширить знания о воздействии языкового общения на сознание, о месте и роли речевой коммуникации в дискурсивном (вос)производстве идеологии.

В заключение отметим, что проведенное исследование может служить отправным пунктом для научных изысканий в области когнитивной психологии и лингвистики (анализ современного состояния массового сознания, мышления, стереотипов, предубеждений и их языковых выражений в связи с военными действиями). Материалы исследования могут быть также использованы другими дисциплинами, такими как этническая психология и социология, конфликтология и политология. Небезынтересно рассмотреть и проблему военного дискурса с точки зрения лингвистической философии (разработка теории манипуляции сознанием (модели и схемы), поиск средств защиты от манипулятивного воздействия и т.п.).

Список основной использованной литературы

Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дис. …к.ф.н. – Волгоград, 2000. – 22 с.

Амелин В.В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности. // Теоретический журнал CREDO. – 1998. – N 1 // http//credo.osu.ru/001/008.shtml

Ахмедов М.Л. Средства массовой информации как фактор стабилизации межнациональных и федеративных отношений. На материалах России 1990-1998 гг. Дис. ...к.п.н. – М., 1999. – 151 с.

Бабаян В.Н. Критический анализ теории дискурса в плане учёта молчащего наблюдателя // Педагогический вестник. – Ярославль, 1997. – № 2 // http://yas.pl.ru/repoz-babayan.html

Батурина Е.С. Лингво-текстовые особенности речевого жанра «газетная информационная заметка» на материале газет прессы ФРГ. Дис. ....д.ф.н. – М., 1994. – 168 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – 446 с.

Блохин И.Н. Изучение роли телевидения в формировании этнических стереотипов // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. – Спб, 2001. – Ч. 2. – С.65-66.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – 233 с.

Борботько В.Г Общая теория дискурса: принципы формирования и смыслопорождения. Дис. …д.ф.н. – Краснодар, 1998. – 250 с.

Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. – Грозный, 1989. – 219 с.

Булатова А.П. Лингво-когнитивный анализ искусствоведческого дискурса: тематические разновидности — музыка, архитектура. Дис. …к.ф.н. – М., 1999. – 276 с.

Бушев А.Б. Языковые особенности текстов, используемых в психотерапевтической коммуникации: Автореф. дис. …к.ф.н. – Тверь, 1999. – 20 с.

Вепрева И.Т. «Мы их в сортире замочим», или штрихи к риторическому портрету В.В. Путина // Политический дискурс в России. – М., 2000. – № 4. – С.43-45.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1997. – 139 с.

Голубев В.Ю. Аргументативный диалог в американской газете: взаимовлияние логического и языкового аспектов дискурса //

Argumentation. Interpretation. Rhetoric. – Спб, 2000. – В. 1. // www.argumentation.spb.ru/2000_1/papers/1_2000p5.htm.

Греймас А. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Греймас, Ж. Курте // Семиотика / Ред. Ю.С. Степанова. - М., 1983. – С.321-347.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994. – С.127 – 174.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 312 с.

Дейк, Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, Д. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – В. 22. – С.153-211.

Дерябин А.А. Телевизионные новости как коммуникативное событие // Дискурс. – Новосибирск, 1998. – №7. – с.60-63 // www.nsu.ru/psych/internet/bits/tvnews.htm.

Дугин А. Основы геополитики. – М., 2000 // www.geopolitika.ru.

Елисеева Т.А. Комплексный социально-психологический анализ коммуникативного воздействия СМИ на целевую аудиторию: на примере рекламного воздействия. Дис. …к.п.н. – М., 1999. – 134 с.

Жуков И.В. Война в дискурсе современной прессы // Лингвистические исследования 2001 года: Сб. науч. тр. / Ред. А.П. Сытова. – СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 2001. – С.53-65.

Завадский И.И. Информационная война — что это такое? // Конфидент. – 1996. – № 4. – С.14-28.

Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001. – 177 с.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М., 1995. – 317 с.

Зернецкий П.В. Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С.75-81.

Зернецкий П.В. Критический анализ некоторых текстлингвистических концепций: К построению коммуникативно-функциональной теории дискурса // Философия и язык. – Киев, 1987. – С.74-79.

Зернецкий П.В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С.60-68.

Информационная война в Чечне. Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 – сентябрь 1996 / Сост. Панфилов О., Ред. Симонов А. // www.internews.ru/books/infowar/

Каптерев А.И. Виртуальность культуры: прошлое, настоящее, будущее. 1997 // www.gpntb.ru/win/kvk/doclad_1.htm

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000. – 736 с.

Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1999. – С.5-19.

Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. – Спб., 1997. – 507с.

Карпенко О. «Эти гости, похоже, контролируют сегодня всю рыночную торговлю» : концепция "этнической экономики" через призму российской прессы // Этничность и экономика / Ред. Бредниковой О., Воронкова В., Чикадзе Е. – СПб, 2000. – В. 8. – С.59-65.

Комина Н.А. Анализ дискурса в интеракциональной социолингвистике // Лингвистический вестник. – Тверь. – 1999. – № 1 // www.teneta.ru/rus/ke/komina_na_analiz_diskursa.htm

Комов С.А. Информационная борьба в политических конфликтах: вопросы теории // Информатика и вычислительная техника. – 1996. – № 1. – С.5-34.

Кон И. Психология предрассудка // Новый мир. – 1996. – № 9. – С.187-205.

Коньков В.И. Речевая структура газетного текста. – Спб., 1995. – 159 с.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М., 1971. – 268с.

Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса. Автореф. дис. …к.ф.н. – Волгоград, 1999. – 19 с.

Курченкова Е.А. Культурно-языковые характеристики газетных текстов: на материале английской и русской прессы. Дис. …к.ф.н. – Волгоград, 2000. – 188 с.

Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. – М., 1997. – 272 с.

Лещев С.В. Идеология и текст. Социально-герменевтический аспект. Дис. …к.ф.н. – М., 1999. – 160 с.

Лимнатис Н.Г. Манипулирование сознанием как этико-философская проблема. Дис. …к.ф.н. – М., 1995. – 223 с.

Лингвистика и семиотика / Англо-русский словарь / Ред. Баранова, Добровольского. – М., 1996. – С.265.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. – 200 с.

Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе (опыт интерпретативного анализа дискурса). Дис. …д.ф.н. – Тверь, 1997. – 443 с.

Макаров М.Л. Языковой дискурс и психология // Язык и дискурс: когнитивные и коммуникативные аспекты: Сб. науч. тр. / Отв. редактор Сусов И.П. – Тверь, 1997а. – С.34 - 45.

Малькова В.К. Образы этносов в современных российских СМИ // Средства массовой информации в современном мире // Тезисы научно-практической конференции. – СПб., – 2001. – С.79.

Михайлов В.Я. Язык и идеология / В.Я. Михайлов, Э.М. Сировский. – Магнитогорск, 1986. – 113 с.

Мытарева Н.В. Лингвистический аспект репрезентации межличностных отношений в дискурсе массовой коммуникации. Дис. …к.ф.н. – М., 1995. – 176 с.

Набиева В.М. Прагматический аспект дискурса современной литургической проповеди. Дис. …к.ф.н. – М., 1996. – 200 с.

Насиновский В.Е. Вооруженные конфликты. – М., 1996. – 126 с.

Никитина С.В. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русско-англоязычных периодических изданий по вычислительной технике). Дис. …к.ф.н. – Воронеж, 1998. – 231 с.

Номинация и дискурс: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 1999. – 133 с.

Орлов Г.А. Современная английская речь. – М., 1991. – 258 с.

Плешакова А.В. Исследование фреймов «происшествие» (на материале русских и английских газетных текстов жанра «информационное сообщение»). Дис. …к.ф.н. – Саратов, 1998. – 219 с.

Плотников Н. Власть аргумента и public relations: 70 лет Хабермасу // Логос. – М., 1999. – № 8. С.119-123.

Плуцер-Сарно А. Языковые основы информационной войны на Кавказе // Логос. – М., 1999. – № 8. – С.5-8.

Погорелова И.В. Функционально-семантические свойства адверзивных реплик в диалоге (на материале русского и английского языков). Дис. …к.ф.н. – Тверь, 1998. – 191 с.

Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса: На материале газетных интервью. Дис. …к.ф.н. – Волгоград, 1995. – 201 с.

Поттер Д. Дискурс и социальная психология / Д. Поттер, М. Уезерел. - Новосибирск, 1998. – 13 с. // www.nsu.ru/psych/internet/bits/potter.htm

Почепцов Г.Г. Информационные войны. – Москва-Киев, 2000. – 576 с.

Пушкин А.А. Способ организации дискурса и психология языковых личностей // Язык, дискурс и личность / Сб. научн. тр. – Тверь, 1990. – С.50-60.

Рао С. Прагматический аспект газетного текста. Дис. …к.ф.н. – М., 1996. - 174с.

Рачук Н.В. Функционирование вводных элементов в современном газетном тексте. Дис. …к.ф.н. – Спб., 1999. – 202 с.

Рихтер А.Г. Журналистика и война (освещение российскими СМИ военных действий в Чечне) / Ред. А.Г. Рихтер. – 1998 // www.medialaw.ru/publications/books/war

Руднев В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса. Дис. …д.ф.н. – М., 1996. – 210 с.

Рыбакова О.Н. Дискурсивные, коммуникативно-прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы. Автореф. дис. …к.ф.н. – Иваново, 1999. – 22 с.

Рыжова Л.П. «Французская школа» анализа дискурса // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь, 1998. – В. 1. – С.84-91.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / Ред. О.Б. Сиротининой. - Саратов, 1999. – 179 с.

Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности. Автореф. дис. …д.ф.н. – Саратов, 1999а. – 48 с.

Семенов И. Введение / Язык и этнический конфликт / Ред. М.Б. Олкотт, И. Семенов. – М., 2001. – с.6-15.

Скипин Д. Структурный анализ дискурса газетных новостей. Композиционные и когнитивные модели. – 1999 // http://ayasofya.narod.ru/

Смирнова Н.И. Академический язык как разновидность научного дискурса: Социопсихолингвистическая модель. Дис. …к.ф.н. – Ульяновск, 1999. – 105 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М., 1977. – С.46-172.

Стилистика газетных жанров / Ред Д.Э. Розенталя. – М., 1981. – 227 с.

Сусов И.П. История языкознания. – Тверь, 1999. – 193 с.

Сусов И.П. Формальный vs. функциональный подходы к языку. – Тверь, 2000 // http://homepages.tversu.ru/~ips/

Тамарченко С.А. Функционально-смысловые трансформации библиотерапевтического дискурса. Дис. …к.ф.н. – Тверь, 1999. – 169с.

Тишков В. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий. – 1999 // www.impulse.kz/mif/Obch/teor.html

Тищенко П.Д. Аналитика научного дискурса. – 2000 // http://ns.iph.ras.ru/~mifs/rus/Tisch1.htm

Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. – Спб., 2000. – 153 с.

Томашевская К.В. Лексическое представление языковой личности в современном экономическом дискурсе. – Спб., 1998. – 134 с.

Флоря А.В. Лирический дискурс как объект лингвоэстетической интерпретации. Дис. …д.ф.н. – Орск, 1995. – 391 с.

Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – 208 с.

Ханский А.О. Вербальное утешение. – Тверь, 2001. – 80 с.

Ханский А.О. Коммуникативные стратегии вербального утешения. Автореф. Дис. …к.ф.н. – Тверь, 2002. – 18 с.

Хилханова Э.В. Дискурс газеты BILD как объект лингвистического исследования. Дис. …к.ф.н. – М., 1997. – 205 с.

Христофорова О. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия // Язык и этнический конфликт / (Ред. М. Брилл Олкотт и И. Семенова). — М.: Гендальф, 2001. – 150 с. – С.99-115.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000. – 368 с.

Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России: Материалы раб. совещ. – М., 1999. – В. 3. – С.114-123.

Якобсон Р.О. К языковой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное: природа, функции и методы исследования. – Тбилиси, 1978. – С.16-29.

Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985. – С.72-121.

Altheide D. Identity and the Definition of the Situation in a Mass-Mediated Context // Symbolic Interaction. – 2000. – Vol. 23. – Issue 1. – p.5 – 27.

Althusser L. Ideology and ideological state apparatus // Lenin and philosophy and other essays. – London, 1971. – p.127-186.

Althusser L. Lenin and philosophy and other essays. – New-York, 1971a. – 410 p.

Barsky R.F. Discourse analysis // The organisation of discourse: theory and application. – 1997 // www.unbc.ca/discrsch/welcome/46-28.html

Beaugrande R. de. Discourse analysis. – 1998 //www.univie.ac.at/beaugr/

Beaugrande R. de. Text linguistics, discourse analysis and the discourse of dictionaries // Les dictionnaires specialises et l’analyse de la valeur / A. Hermans (Ed.). – Louvain-la-Neuve: Peeters, – 1997. – p.57-74.

Beaugrande R. de. The story of discourse analysis // Introduction to Discourse Analysis / T.A. van Dijk (Ed.). – London: Sage, – 1996. – p.35-62.

Blumer H. Social psychology // Man and Society / Ed. by E.P. Schmidt. – New-York, 1937. – p.36-81.

Blumer H. Symbolic interactionism // Three Sociological Traditions: Selected Readings / Ed. R. Collins. – New York: Prentice Hall, 1969. – p.282-299.

Brown C. Discourse analysis / C. Brown, G. Yule. – Cambridge, 1983. – 288 p.

Buyssens E. Les langages et le discours. – Bruxelles, 1943. – 615 p.

Cattell R.B. Handbook for the sixteen personality-factor-questionnaire / R.B. Cattell, H.W. Eber, M.M. Tatsuoka. - Champaign: Institute for Personality and Testing, 1970. – 199 p.

Chilton P.A. Language and the nuclear arms debate: nucespeake today. – London-Dover, 1985. – 244 p.

Chilton P.A. Nuclear language, culture and propaganda // Nukespeak: The Media and the Bomb. – London, – 1982. – p.94-112.

Chilton P.A. Politics and language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. R.E. Asher. – Oxford, New York: Pergamon Press, – 1994. – p.3214-3221.

Chilton P.A. Metaphor in political discourse: the case of the "common European house" / P.A. Chilton, M. Ilyin // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4, – Issue 1. – p.7-31.

Chilton P.A. Discourse and politics / P.A. Chilton, C. Schaeffner // T.A. van Dijk (Ed.). Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. – London, 1997. – Vol. 2: Discourse as Social Interaction. – p.206-230.

Chilton P.A. Security metaphors: cold war discourse from containment to Common House. – New York, 1995. – 450p.

Chomsky N. Force and Opinion // Z Magazine. – 1991. – p. 23-47.

Chomsky N. Necessary illusions: thought control in democratic societies. – Boston, 1989. – 171 p.

Chouliaraki L. Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis / L. Chouliaraki, N. Fairclough. – Cambridge, 1999. – 168 p.

Cook G. The Birmingham school of discourse analysis // Cook G. Discourse. - Oxford University Press, 1989. – p.46-49.

Coulthard M. An Introduction to discourse analysis. - London: Longman, 1977. – 211 p.

Coulthard M. Studies in Discourse Analysis / M. Coulthard, M. Montgomery (Eds.). – London, Routledge and Kegan Paul, 1981. – 501 p.

Dahrendorf R. Homo sociologicus. – Wiesbaden, 1959. – 312 p.

Dellinger B. "Europe and Broadcasting's Commercial Discourse Style" in the future of public service broadcasting // Papers from the seminar in Turku / I. Ahonen, H. Nieminen (Eds.). – University of Turku, – 1997. // http://users.utu.fi/bredelli/

Dellinger B. Concision: the constraints of the commercial discourse style // Fachsprachen und Uebersetzungstheorie / D. Wilske (Ed.). Vaasa, Finland. - 1995 // http://users.utu.fi/bredelli/

Dellinger B. Controlling the Internet: cyberdemocracy or commercial television? // Uusi media ja arkielama / P. Saarikoski, J. Suominen, H. Nieminen (Eds.). – Turku: Finland. – 1998. // http://users.utu.fi/bredelli/

Dellinger B. Critical discourse analysis. 1995a // http://users.utu.fi/bredelli/

Dellinger B. Europe and broadcasting's commercial discourse style // The Future of Public Service Broadcasting: Papers from the seminar in Turku / I. Ahonen, H. Nieminen (Eds.). – Turku, - 1998a. // http://users.utu.fi/bredelli/

Dellinger B. Finnish views of CNN television news: a critical cross-cultural analysis of the American commercial discourse style. - Vaasa: Finland, 1999. - 337 p.

Dellinger B. Who manipulates the Media, 'Us' or 'Them' and how do we find out? // Interdependence and Interaction / J. Schuchalter (Ed.). – Vaasa: Finland. 1995b. // http://users.utu.fi/bredelli/

Dieckmann W. Politische Sprache. Politische Kommunikation. - Heidelberg, 1981. - 280 S.

Dijk T.A. van. Categories for critical analysis of parliamentary discourse about immigration. - Amsterdam, 1998. - 35 p.

Dijk T.A. van. Cognitive discourse analysis. – Barcelona, 2000 // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Communicating racism: ethnic prejudice in thought and talk. – London: Sage Publ., - 1987. - 435 p.

Dijk T.A. van. Critical discourse analysis // Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (Eds.). - London. 1998a // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Discourse analysis in communication research. - Berlin, New-York, 1985. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Discourse and racism // The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies / D. Goldberg, J. Solomos (Eds.). - Oxford: Blackwell, 1999. -16 p.

Dijk T.A. van. Discourse as social interaction. – London, 1997. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Discourse, ideology and context // Folia Linguistica. – Barcelona, 2000a. - 10 p.

Dijk T.A. van. Elite discourse and racism. – London, 1993. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Ideologies in political discourse on immigration. 1998b, // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction. – Catalunya, 2001. - 64 p.

Dijk T.A. van. Knowledge and news. – Valencia, 2001a, - 25 p. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction and cognition. – Hillsdale, 1980. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Multidisciplinary CDA: a plea for diversity. – 2000b. - 31 p. www.let.uva.nl/~teun.

Dijk T.A. van. New (s) racism: a discourse analytical approach // 'Race', Racism and the Mass Media / S. Cottle (Ed.). - Open University Press. – 1998c. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. On the analysis of parliamentary debates on immigration // Working papers for the Project: Racism at the Top. - Amsterdam, 1998d. - 18 p. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Parliamentary debates. – Amsterdam, 1999a, - 32 p. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Political discourse and political cognition // Congress Political Discourse. - Aston University, - 1997. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Prejudice in discourse. - Amsterdam. 1985. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Racism and the press. – London: Routledge, 1991. // www.let.uva.nl/~teun

Dijk T.A. van. Strategies in text comprehension / Dijk T.A. van., Kintsch W. - New York, - 1983. // www.let.uva.nl/~teun

Eysenck H. J. The Structure of Human Personality. – New-York, 1953. – 411 p.

Fairclough N. Critical and descriptive goals in discourse analysis // Journal of Pragmatics. – 1985. - № 9. p.119-137.

Fairclough N. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse studies: a multidisciplinary introduction. – London: Sage, - 1997. - Vol. 2: Discourse as social interaction, - p.258-285.

Fairclough N. Critical language awareness. 1992. // www.uoc.es/humfil/nlc/LNC-ENG/lnc-eng.html

Fairclough N. Discourse and social change. – Cambridge: Polity Press, 1993. - 250p.

Fairclough N. Language in the New Capitalism. - Lancaster, 1999. - 26 p.

Fairclough N. Media discourse. - London, 1995. - 224 p.

Fairclough N. New labour, new language. - Lancaster, 2000. - 27 p.

Fairclough N. Representations of change in neo-liberal discourse. – Lancaster, 2000a. // www.uoc.es/humfil/nlc/LNC-ENG/lnc-eng.html

Flick U. Social representations // Rethinking psychology. – London, 1995. – p.70-96.

FM 100-6. Field manual: information operations / Department of the US Army. - Washington, 1996. - 92 p. // www.fas.org/irp/doddir/army/fm100-6/index.html.

FM 33-1-1. Field manual: psychological operations, techniques and procedures / Department of the US Army. - Washington, 1994. - 304 p.

Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics / P. Cole, J.L. Morgan (Eds.). - Vol. 3. New York: Academic Press, 1975. – p.187-210.

Foucault M. The birth of the clinic: an archeology of medical perception. / A.M. Sheridan-Smith trans. – London, 1973. – 306 p.

Foucault M. Botschaften der Macht: der Foucault-Reader, Diskurse und Medien. - Stutgart, 1999, - 227 s.

Fowler R. Language and control / R. Fowler, G. Kress, R. Hodge. - London. 1979. – 178 p.

Frohmann B. Discourse analysis as a research method in library and information science // Library and Information Science Research. - 1994, # 16, p.119-138.

Frohmann B. The power of images: a discourse analysis of the cognitive viewpoint // Journal of Documentation. – 1992, # 48, - Issue 4, - p.365-386.

Gebbels J. The radio as the great eighth power. 1997 // www.calvin.edu/academic/cas/gpa/goeb56.htm

Gerhard U. „Nomaden“ — zur Geschichte eines rassistischen Stereotyps und seiner Applikation // Medien in Konflikten / A. Grewenig, M. Jäger (Hgs.). - Duisburg, - 2000, - S.223-239.

Giddens A. Modernity and self-identity. – Cambridge, 1991. – 336 p.

Grewenig A. Die Wehrmachtsausstellung als “Tatort” — Hybride Formen der Vermittlung zeitgeschichtlicher Diskurse. // Medien in Konflikten / A. Grewenig, M. Jäger (Hgs.). - Duisburg, 2000. - S.69-97.

Grewenig A Inszenierte Information. Politik und strategische Kommunikation in den Medien. - Opladen, 1993. – 256 S.

Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. - Frankfurt/M., 1985. - 607 S.

Habler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam: 1983. – 203 p.

Halliday M.A.K. Introduction to functional grammar. - London. 1985. – 307 p.

Halliday M.A.K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. – London, 1978. – 169 p.

Hodge R. Social Semiotics / R. Hodge, G. Kress. – Cambridge, 1988. – 218 p.

Jäger S. Aus der Mitte der Gesellschaft / M. Jager, S. Jager. – Duisburg, 1993. – 365 S.

Jäger S. Kritische Diskursanalyse: eine Einfuhrung. - Duisburg, 1999, - 404 s.

Jäger S. Text- und Diskursanalyse: eine Einleitung zur Analyse politischer Texte. - Duisburg, 1994, - 95 s.

Knoblauch C.H. Rhetorical traditions and the teaching of writing / C.H. Knoblauch, L. Brannon. - New-York, 1984. – 198p., - p.3-85.

Kreft U. Sociale Ordnung und sociale Krise in deutschen Printmedien. // Medien in Konflikten. / Grewenig A., Jäger M., (Hgs.). - Duisburg, 2000, S. 177-201.

Kress G. Ideological structures in discourse // Handbook of discourse analysis. - 1985. -Vol. 4: Discourse in society, - p. 27-42.

Kress G. Language as ideology / G. Kress, R. Hodge. – London, 1979. – 161 p.

Kress G. Linguistic process in sociocultural practice. - Oxford. 1985a. – 178 p.

Kress G. Reading images / G. Kress, T. van Leeuwen. – Greelong, 1990. – 298 p.

Kress G. Text and Grammar as Explanation // Text, Discourse and Context: Representations of poverty in Britain. / Meinhof, U.H., Richardson, K. (Eds.). - London and New-York: Longman, 1994. - 150 p., p. 24-47.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, - 1972, p.183 - 228.

Lakoff R. Language war. - Chicago University Press, 2000. - 332 p.

Larkin B. Choosing war, averting war. 1999. // http://www.learnworld.com/drafts

Leeuwen T. van. Genre and field in critical discourse analysis // Discourse and society. 1993, # 4(2). p. 193-223.

Leeuwen T. van. The representation of social discourse // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. / C. R.Caldas – Coulthard and M Coulthard (Eds.). – London, 1996. p. 32-70.

Link J. „Diese Bilder!“ — über einige Aspekte des Verhältnisses von dokumentarischen Bildmedien und Diskurs. // Medien in Konflikten / Grewenig A., Jäger M., (Hgs.). Duisburg, 2000. S. 239-253.

Link J. Elementare narrative Schemata in der Boulevard-Presse // Narrativität in den Medien. / Klöpfer R., Möller U. (Hgs.). - Münster, 1986. – S. 209-230.

Link J. Versuch über den Normalismus. Wie Normalität produziert wird. - Opladen, 1996. – 244 S.

Linton R. The Study of Man. - New-York-London, 1936. – 151 p.

Lye J. Ideology: a brief guide. - Brock University, 1997. // www.brocku.ca/english/jlye/ideology.html

Maas U. "Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand". Sprache im Nationalsozialismus. – Opladen, 1984. – 163 S.

Maas U. Probleme und Traditionen der Diskursanalyse // Zeitschrift fur Phonetik und sprachwissenschaftliche Kommunikation. – 1988, - # 41. – S.17-31.

Markkanen R. Hedging: A Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis / R. Markkanen, H. Schroder. - Berlin & New-York, 1996. – 211 p.

Markkanen R. Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon / R. Markkanen, H. Schroder. - Berlin & New-York, 1997. - 162p.

Matouschek B. Rassistische Diskurse in Osterreich seit 1989. Der okonomische Begrundungsdiskurs als Sonderfall fremdenfeindlicher und rassistischer Rechtvertigungsdiskurse / B. Matouschek, R. Wodak // Die vierte Gewalt. – Duisburg, 1993. - # 2, – S. 78-113.

Menz F. Leistungen der Linguistik für die Sprache in Institutionen: ‚Diagnistische' oder ‚therapeutische' Wissenschaft? // Aufrisse. - Vienna, 1985. - # 4. – p.11-25.

Menz F. Manipulation strategies in newspapers: a program for critical linguistics // Language, Power and Ideology / Wodak R. (Ed.). - London – New-York, 1989, – p.227-251.

Moser H. Sprachliche Folgen der politischen Teilung Deutschlands // Beihefte zum "Wirkendes Wort". - Düsseldorf, 1962. - # 3, – p.34-67.

Musolff A. Promising to end a war = language of peace ? The rhetoric of allied news management in the Gulf War 1991 // Language and Peace. / Schäffner, C., Wenden, A (Eds.). - Amsterdam, 1999, – p. 92.

Neubert A. Zu Gegenstand and Grundbegriffen einer marksistisch-leninistischen Sociolinguistic. - Halle, 1974. – 123 S.

Olson H. Quantitative "versus" qualitative research: the wrong question. 1995, - 11 p., // www.slis.ualberta.ca/holson.htm.

Opitz K. Formelcharakter als Indiz für Fachsprachlichkeit: ein definitorischer Ansatz. // Sprache: Lehren & Lernen // Kühlwein W., Raasch A. - Tübingen, 1981. - Band 1, // www.sw2.euv-frankfurt-o.de/Publikationen/Diskurs/hedge6.html

Parr R. „Gürtel einiger schnallen" — ein Kollektivsymbol der neuen deutschen Narmalität. // Medien in Konflikten / Grewenig A., Jäger M. (Hgs.). - Duisburg, 2000, – S. 201-223.

Parret H. Prolegomines a la theorie de l'enonciation: de Husserl a la pragmatique. – Bern, 1987. – 169 p.

Pêcheux M. L'inquiétude du discours. Textes choisis et présentés par Denise Maldidier. - Paris: Editions des Cendres, 1990. - 332 p.

Pêcheux M. Language, semantics and ideology. – Macmillan, 1992. – 254 p.

Perels J. Vergessen — Gedenken — Erinnern. Konfliktlinien im Umgang mit dem NS-Regime. // Medien in Konflikten. / Grewenig A., Jäger M. (Hg.). - Duisburg, 2000. – S.17-29.

Potter J. Discourse: Noun, verb or social practice? / J. Potter, M. Wetherel // Philosophical Psychology. – 1990. - Vol. 3, - Issue 2-3, - p.205-219.

Quasthoff U.M. Linguistic prejudice / stereotype. // Handbuch der Sociolinguistik — Handbook of Sociolinguistics / Ammon U., Dittmar N., Mitheier K. (Eds.). - Berlin-New-York, 1987. - S.785-799.

Quasthoff U.M. Social prejudice as a resource of power: towards the functional ambivalence of stereotypes. // Language, Power and Ideology / Wodak R. (Ed.). - London – New-York, 1989. - p.181-197.

Quasthoff U.M. Sociales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. – Frankfurt/Mein, 1973. – 213 S.

Quasthoff U.M. The uses of stereotype in everyday argument // Journal of Pragmatics. - 1978, - # 2, - p.3-48.

Reiher R. Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen. - Berlin/New York, 1995. – 332 S.

Rojo M.L. Division and rejection: from the personification of the Gulf conflict to the demonisation of Saddam Hussein // Discourse & Society. – Vol. 6(1), - 1995, - p.49-79.

Schiffrin D. Approaches to Discourse. - Oxford, Cambridge, 1994, - 470 p.

Schmidt W. Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwisssenschaft und Kommunikationsforschung. - Berlin, 1969, - Bd. 22. // www.uni-landau.de/~germld/pohl.htm

Schröder, H. Der Stil wissenschaftlichen Schreibens zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma — Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung // Stilfragen. – 1995, S.150-180.

Schulte-Holtey E. Das Ereigniss dieses Krieges. Orientierungsversuche im Frühjahr 1999. // Medien in Konflikten / Grewenig A., Jäger M. (Hgs.). - Duisburg, 2000. - S.133-149.

Schulte-Holtey E., Kurven-Intensitäten — Zur “Erfahrbarkeit” statistischer Daten in den Massenmedien. // Medien in Konflikten. / Grewenig A., Jäger M. (Hgs.). - Duisburg, 2000a. - S.253-275.

Schwab-Trapp M. Der deutsche Diskurs über den Jugoslawienkrieg // Medien in Konflikten. Grewenig A., Jäger M. (Hgs.). Duisburg, 2000, – S.97-111.

Seidel G. Political discourse analysis // Handbook of discourse analysis. – 1985. - Vol. 4: Discourse in society, - p.43-60.

Shotter J. Social construction: Knowledge, self, others, and continuing the conversation / Shotter J., Gerden K.J. // Communication yearbook. - 1994. – Vol. 17. – p.3-33.

Sinclair J. Priorities in discourse analysis // Advances in Spoken Discourse Analysis / Ed. M. Coulthard. – London, New York: Routledge, 1992. - p. 79-88.

Sinclair J. Towards an analysis of discourse / Sinclair J., Coulthard M. // Advances in Spoken Discourse Analysis / Ed. M. Coulthard. – London-New York, - 1992. - p. 3-34.

Steele M. Critical confrontations: literary theories in dialogue. - University of South Carolina Press, 1997. – 78 p.

Strassner E. Fernsehnnachrichten. – Tübingen, 1982. – 215 S.

Tannen D. Discourse analysis. 1999. // www.georgetown.edu/faculty/tannend/

Tilden F. Interpreting our herritage. - Chappel Hill, 1957. – 338 p.

Tschetschenien: Russland begeht Kriegsverbrechen und Volksmord; ein Memorandum der Gesellschaft fur Bedrote Volker International. - Gotingen, 1999. - 22 S.

Vaughan C. A comparative discourse analysis of editorials on the Lebanon 1982 crisis // Language and Peace / Schäffner C., Wenden A (Eds.). - Amsterdam, 1999. - p.74.

Wagensohn T. Krieg in Tschetschenien. - München, 2000. - 155 S.

Wal, J. ter. Discourse and (racial) discrimination // Perspektiven der Diskursanalyse. - University of Vienna, 1999. // www.lrz-muenchen.de/~Diskursanalyse/terwal.html

Wodak R. ‘We demand that the foreigners adapt to our life-style’: political discourse on immigration laws in Austria and the United Kingdom / R. Wodak, M. Sedlak // Combating racial discrimination. Affirmative action as a model for Europe. - Oxford, New-York, 2000. - p.217-238.

Wodak R. “Others in discourse”: racism and anti-Semitism in present-day Austria // Research on democracy and society. – 1996. - Vol. 3, - p.275-296.

Wodak R. Austria and its new east central European minorities: the discourses of racism // Beyond borders. Remaking cultural identities in the new East and Central Europe – Westview Press, 1997, - p.132-151.

Wodak R. Critical discourse analysis at the end of the 20th century // Research on language and social interaction. – 1999. - Vol. 32, # 1, - p.185 - 194.

Wodak R. Das Ausland and anti-Semitic discourse: the discursive construction of the other // The language and politics of exclusion others in discourse. – London: SAGE Publications, 1997a, - p.65-87.

Wodak R. Discourse and racism: the discursive legitimisation of the "Other" // Counter Racism: Constructions, Interactions, Interventions. – Vienna, 1999a. - p.223-241.

Wodak R. Discourse, politics, identity: discourses on unemployment / Wodak R., Weiss G. - Vienna, 1999b. – 144 p.

Wodak R. Disorders of discourse. - London - New York, 1996a. - 200 p.

Wodak R. Language, Power and Ideology. - London, 1989. – 289 p.

Wodak R. The development and forms of racist discourse in Austria since 1989 // Language in a changing Europe: Papers from the Annual Meeting of the British Association of Applied Linguistics held at the University of Salford. — Philadelphia, 1994. - p.1-15.

Wodak R. The genesis of racist discourse in Austria since 1989 // Texts and practices. Readings in critical discourse analysis. / Ed. Carmen R., Caldas-Coulthard M., Coulthard M. - London and New-York, 1995, - p.107-128.

Wodak R. The rise of racism — an Austrian or a European phenomenon? // Discourse and Society. - London, 2000a, - p.5-6.

Wodak R. Discourse and racism: European perspectives / Wodak R., Reisigl, M. // Annual Review: Antropology. - Vienna, 1999. - p.175-199.

Wodak R., The discursive construction of national identity / R. de Cillia, M. Resigl. - Edinburgh University Press, 1999d. - 224 p.

Приложение 1. База данных исследования

Аргументы и факты. (http://www.aif.ru)

(всего 63 статьи, из них 10 за 1998, 32 за 1999 год (март - ноябрь), 21 за 2000 год (февраль - август)).

1998

Террор без границ. N 5, 01.1998.
Прощай, Чечня? N 9, 02.98.
Как мы летели в Чечню. N 13, 25.03.98.
Равиль Гайнутдин: "Ждите в Дагестане продолжения Чечни". N 15, 09.04.1998.
Офицеры ФСБ вернулись из плена. N 17, 23.04.1998.
В чеченском плену. N 20, 14.05.1998.
Похитители-интернационалисты. N 21, 21.05.1998.
Опасность грозит с Юга. N 23, 04.06.1998.
Иван - кавказский пленник. N 34, 20.08.1998.
Терроризм как профессия. N 48, 25.11.1998.

1999

Эпидемия взрывов: Владикавказ, Грозный... Москва? N 12, 24.03.1999.
Для Америки Югославия, что для России – Чечня. N 17, 28.04.99.
Новая кавказская кровь. N 32, 11.08.1999.
Российский Кавказ поднимает зеленое знамя. N 33, 18.08.1999.
Дагестан может стать вторым Ливаном. N 34, 25.08.1999.
Анпиловцы и ваххабиты - "близнецы-братья"? N 34, 25.08.1999.
Войну в Дагестане "заказал" Березовский? N 35, 01.09.1999.
Кавказские бои местного значения. N 36, 08.09.1999.
Военные боятся измены. N 37, 15.09.1999.
На террористов сбросят атомную бомбу? N 37, 15.09.1999.
Что России делать с Чечней. (Интервью с А. Солженицыным) N 37, 15.09.1999.
Как рождаются террористы. N 37, 15.09.1999.
Ужасная гибель армавирского спецназа. N 38, 22.09.1999.
В Москву — тротил, в Чечню - наши деньги. N 38, 22.09.1999.
Герои-омоновцы под прицелом равнодушия. N 39, 29.09.1999.
Спецназ отказался от даров. N 39, 29.09.1999.
Чеченофобия. N 39, 29.09.1999.
Как устранить Хаттаба. N 39, 29.09.1999.
Руслан Хасбулатов: "Конфликт в Чечне выгоден США". N 40, 07.10.1999.
Чечня должна голосовать. N 41, 13.10.1999.

Чем "мочить" чеченских террористов. N 41, 13.10.1999.
Почему бегут из Ичкерии? N 41, 13.10.1999.
Цена войны. N 42, 20.10.1999.
Проигрываем информационную войну. Что дальше? N 43, 27.10.1999.
Кто и куда бежит из Чечни? N 43, 27.10.99.
Мертвый Басаев важнее флага над Грозным. N 43, 27.10.99.
Тайны из компьютера Хаттаба. N 44, 03.11.1999.
Остановят ли войска в Чечне? N 45, 10.11.1999.
Югославия и Чечня: двойные стандарты западной пропаганды. N 45, 10.11.1999.
Война: герои и негодяи. N 46, 17.11.1999.
"Акциз" на голову Басаева. N 47, 24.11.1999.
Раненым бойцам - подарки от "АиФ". N 47, 24.11.1999.

2000

С кем воюют наши солдаты? N 5, 02.02.2000.
Муфтий Чечни: "Российские войска должны остаться". N 6, 09.02.2000.
Суета вокруг войны. N 6, 09.02.2000.
Нога террориста в имперском капкане. N 6, 09.02.2000.
Дудаев, Закаев, Басаев - ко мне! N 6, 09.02.2000.
Чечня накануне 23 февраля. N 8, 23.02.2000.
Задушим Чечню... в объятиях? N 9, 01.03.2000.
"Комбат, батяня, проси огонь на себя!" N 11, 15.03.2000.
Как брали Радуева. N 11, 15.03.2000.
В Чечне решается судьба России. N 12, 22.03.2000.
Оводы войны. N 12, 22.03.2000.
Как обустроить Чечню. N 15, 12.04.2000.
220 человек умирают в развалинах Грозного. N 15, 12.04.2000.
Кого могут "забрить" в Чечню? N 15, 12.04.2000.
Горячая точка – Чечня. Кто ответит за расстрелы колонн? N 22, 31.05.2000.
«Царёв» наместник в Чечне. N 24, 14.06.2000.
ЧЕЧНЯ. Жертвы войны. N 30, 26.07.2000.
ГОРЯЧАЯ ТОЧКА: Граница на щеколде! N 32, 09.08.2000.
За переговоры с Чечней. N 33, 16.08.2000.
Грозненский список взывает к совести. N 35, 30.08.2000.
Страшные будни войны. N 35, 30.08.2000.

Известия, Интернет-служба газеты Известия (http://www.izvestia.ru/)

*(всего **363** статьи, из 149 за 1999 год (январь - декабрь), 214 за 2000 год (январь - декабрь)).*

1999

Заложников вернули на Родину. № 5, 16.01.1999.

В Чечне начинается политический аукцион. № 13, 28.01.1999.

Россия на пороге второй чеченской войны. № 41, 10.03.1999.

Похитители Шпигуна названы. № 42, 11.03.1999.

Возобновление боевых действий в Чечне было бы безумием. Интервью с Е. Строевым. № 42, 11.03.1999.

У силовиков есть план действий в Чечне. № 43, 12.03.1999.

Граница с Чечней на замке. Но замок старый и ржавый. № 43, 12.03.1999.

Живой щит. № 44, 13.03.1999.

Суд над террористами в Душанбе. № 47, 18.03.1999.

Аслана Масхадова ждут в Москве. № 48, 19.03.1999.

Цена свободы. № 49, 20.03.1999.

Чечня "глушит" Российскую нефть. № 56, 31.03.1999.

В Таджикистане опознаны тела пограничников. № 60, 06.04.1999.

Масхадов совершил хадж и теперь готов искать похитителей Шпигуна. № 61, 07.04.1999.

Граница с Чечней закрыта, но торговать надо. № 64, 10.04.1999.

В ожидании воздушной тревоги. № 66, 14.04.1999.

Масхадов отделился от России. № 69, 17.04.1999.

Большой Кавказский провал. № 80, 06.05.1999.

В Чечне тысячи рабов. № 80, 06.05.1999.

Чечне нужен свой Дейтон. № 83, 12.05.1999.

Во всем виноват Хаттаб. № 91, 22.05.1999.

Охотники за депутатами. № 93, 26.05.1999.

Надиршах Хачилаев. № 93, 26.05.1999.

Узники совести. № 96, 29.05.1999.

Дело пахнет бензином. № 100, 04.06.1999.

Встреча без результата. № 106, 12.06.1999.

"Бензиновые бароны" прорываются с боями. № 110, 18.06.1999.

Найти человеческое лицо в волчьей стае. № 113, 23.06.1999.

Реклама превентивных ударов. № 121, 06.07.1999.

Конец амнезии. № 121, 06.07.1999.

Ответный удар: Россия и Чечня снова на грани войны. № 123, 08.07.1999.

Кризис по чеченски. № 126, 13.07.1999.

Милиция не будет охранять границу с Чечней. Этим займутся внутренние войска. № 132, 21.07.1999.

Кровавый гидроузел. № 139, 30.07.1999.

Война на Северном Кавказе уже идет. № 142, 04.08.1999.

Конфликт в родном Дагестане стал войной. № 143, 05.08.1999.

Дагестанский десант. № 144, 06.08.1999.

Заслон для террористов Хаттаба. № 144, 06.08.1999.

Вдоль Чеченской границе создаются полевые отделы милиции. № 144, 06.08.1999.

Вахабиты ушли на базу. № 145, 07.08.1999.

Над нашей Родиною дым. № 147, 11.08.1999.

За державу обидно. № 148, 12.08.1999.

"Горное мясо" для чеченских боевиков. № 149, 13.08.1999.

Армия в ловушке. № 149, 13.08.1999.

"Гусята" ринулись в бой. № 150, 14.08.1999.

Национальная идея для Чечни. № 150, 14.08.1999.

Кавказ без границ. № 151, 17.08.1999.

Война на голубом кране. № 152, 18.08.1999.

Население Дагестана поддерживает федеральные войска. № 152, 18.08.1999.

Ваххабиты биты. № 153, 19.08.1999.

Тени Буденовска. № 154, 20.08.1999.

Покой нам только снится. № 155, 21.08.1999.

Амнистия Кавказскому пленнику. № 155, 21.08.1999.

За горами осень. № 156, 24.08.1999.

Аслан и Шамиль. № 156, 24.08.1999.

Операция "Гамзат-бек". № 157, 25.08.1999.

Свежая кровь. № 158, 26.08.1999.

Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты! № 159, 27.08.1999.

Чечню бомбили НЛО. № 159, 27.08.1999.

Москва хоронит погибших в Дагестане. № 160, 28.08.1999.

В Дагестане воевали иностранные наемники. № 160, 28.08.1999.

Битва за Карамахи. № 161, 31.08.1999.

Надир Хачалаев скорее жив, чем мертв. № 162, 01.09.1999.

Зараза. № 165, 04.09.1999.

Великолепный миф. № 165, 04.09.1999.

Вторая Чеченская война. № 166, 07.09.1999.

Огонь по штабам. № 167, 08.09.1999.

Пир во время войны. № 168, 09.09.1999.

Взрыв. № 169, 10.09.1999.

Волчий след. № 170, 11.09.1999.

В Дагестане идет бой с тенью. № 170, 11.09.1999.

Хотят ли русские войны. № 172, 15.09.1999.

Чечня после взрыва. № 172, 15.09.1999.

Литва одевает Чеченских боевиков. № 172, 15.09.1999.

От беды до победы. И обратно. № 172, 15.09.1999.

Ставрополье занимает круговую оборону. № 172, 15.09.1999.

Чечня теряет покровителей. № 174, 17.09.1999.

Но взрывы не кончаются. № 174, 17.09.1999.

Депутат Госдумы воевал на стороне бандитов. № 174, 17.09.1999.

Специальный репортаж: "Ах, война, что ты сделала, подлая...". № 174, 17.09.1999.

Спасти рядового Иванова. № 175, 18.09.1999.

Санитарный порядок для Чечни. № 175, 18.09.1999.

Боевики запросили помощь у террористов Бен Ладана. № 175, 18.09.1999.

"Закрома Родины" для Кавказской войны. № 176, 21.09.1999.

Требуются снайперы. № 177, 22.09.1999.

Раненые боевики покидают Чечню. № 177, 22.09.1999.

Назад, в 1994 год. № 178, 23.09.1999.

Оружие для диктатуры шариата. № 179, 24.09.1999.

Боевики готовят глубокий рейд в Ставрополье. № 180, 25.09.1999.

Чеченские грабли. № 181, 28.09.1999.

Кавказ не должен быть российскими Балканами. Интервью с В. Черномырдиным. № 181, 28.09.1999.

Алхимики. № 183, 30.09.1999.

Чечня в изоляции. № 183, 30.09.1999.

Ночные дьяволы. № 183, 30.09.1999.

Подземная операция. № 184, 01.10.1999.

Апостолы террора. № 185, 02.10.1999.

Санитары чеченских степей. № 185, 02.10.1999.

Территория. № 187, 06.10.1999.

Военное положение против санитарного кордона. № 188, 07.10.1999.

Дорогая война. № 189, 08.10.1999.

Муфтий в изгнании. № 189, 08.10.1999.

Федеральные войска готовы войти в Грозный. № 191, 12.10.1999.

Штурм Первомайского. Дубль два. № 192, 13.10.1999.

Войска готовятся к прыжку через Терек. № 192, 13.10.1999.

Дорога ценою в жизнь. № 194, 15.10.1999.

Не помнящие долгов. № 195, 16.10.1999.

Гладко было на бумаге. № 196, 19.10.1999.

Дети войны. № 196, 19.10.1999.

Войска без тыла. № 198, 21.10.1999.

Сходка у Грозного. № 199, 22.10.1999.

Взрывная волна. № 200, 23.10.1999.

Преданы и проданы. № 200, 23.10.1999.

Наш чеченский друг. № 201,26.10.1999.

У войск в Чечне две головные боли: тыловики и беженцы. № 202, 27.10.1999.

На восточном фронте перемены. № 203, 28.10.1999.

Чеченский синдром. № 203, 28.10.1999.
Бен Ладен финансирует и готовит чеченских боевиков. № 204, 29.10.1999.
Родина послала. № 205, 30.10.1999.
Спрятанная война. № 206, 02.11.1999.
Есть, мой генерал. № 208, 04.11.1999.
Офицеры уходят из Чечни. № 210, 06.11.1999.
Вторая война. № 213, 13.11.1999.
Спецпоезд № 2. № 213, 13.11.1999.
“Голуби” помогают “ястребам”. № 214, 16.11.1999.
Одинокий волк. № 214, 16.11.1999.
Не ждали... № 217, 18.11.1999.
Направление главного удара. № 217, 18.11.1999.
Литовские маскхалаты для чеченских боевиков. № 217, 18.11.1999.
Турецкий марш. № 218, 19.11.1999.
Похищение Европы. № 220, 23.11.1999.
Генерал чеченской войны. № 221, 24.11.1999.
Чеченский футбол жив деньгами Басаева. № 221, 24.11.1999.
Уходит с Запада душа. № 223, 26.11.1999.
Аргумент крупного калибра. № 224, 27.11.1999.
ЗАПАДня. № 225, 30.11.1999.
Хаттаб: человек ни от куда. № 228, 03.12.1999.
Специальный репортаж: “Это мы, Господи!” № 229, 04.12.1999.
Кто не спрятался, Минобороны не виновато. № 230, 07.12.1999.
Кто помогает чеченским боевикам. № 231, 08.12.1999.
Семья Масхадова перебралась в Северную Осетию. № 232, 09.12.1999.
Облако хлора и переговорный процесс. № 234, 11.12.1999.
Переговоры вместо штурма. № 236, 15.12.1999.
Игра на поражение. № 237, 16.12.1999.
Чечня должна выздороветь. № 240, 21.12.1999.
Инкубатор Наполеонов. № 243, 25.12.1999.
Переговорный процесс начался. № 244, 28.12.1999.
Чечни пока нет. № 244, 28.12.1999.
Закрытый перелом. № 245, 29.12.1999.
Новый чеченский фронт. № 246, 30.12.1999.

2000

Такая странная война. № 1, 05.01.2000.
В ожидании Буденовска. № 2, 06.01.2000.
Россия может опять проиграть Чеченскую компанию. № 3, 11.01.2000.
Контрудар. № 3, 11.01.2000.
Война и правда. № 3, 11.01.2000.

Тезисы доклада проф. Тишкова В.А. “Пути мира на Северном Кавказе”. № 3, 11.01.2000.

Застава, которой нет. № 3, 11.01.2000.

Без перемен. № 4, 12.01.2000.

Военно-полевая Лолита. № 5, 13.01.2000.

Пограничники расширяют зону контроля в Чечне. № 5, 13.01.2000.

Без начала и конца. № 5, 13.01.2000.

“Тигрята” спешат на помощь. № 6, 14.01.2000.

В Чечне задержаны похитители людей. № 7, 15.01.2000.

Без саперов не пойдем. № 7, 15.01.2000.

Узники осажденного госпиталя. № 7, 15.01.2000.

“Зачистка, сэр.” № 8, 18.01.2000.

Союз изгоев. № 8, 18.01.2000.

Штурм Грозного начался. № 9, 19.01.2000.

Антитеррористическая операция закончится через месяц. № 9, 19.01.2000.

Выявлены группы похитителей военнослужащих. № 9, 19.01.2000.

Неизвестный Ф-636606. № 11, 21.01.2000.

Направление главного удара. № 11, 21.01.2000.

Боевики захватили в плен российского генерала. № 11, 21.01.2000.

“Я поддерживаю контакты с Асланом Масхадовым.” Интервью с президентом Сев. Осетии А. Дзасоховым. № 13, 25.01.2000.

Поправляйся, Андрей Писарев. № 13, 25.01.2000.

Чеченские боевики обзавелись посольством в Кабуле. № 13, 25.01.2000.

Граница с Чечней пройдет по Пянджу. № 14, 26.01.2000.

Безумное эхо войны. № 14, 26.01.2000.

Помощник специального назначения. № 15, 27.01.2000.

Слепая правда. № 16, 28.01.2000.

Отсрочка. № 16, 28.01.2000.

Милиционеры отказываются ехать в Чечню. № 16, 28.01.2000.

Вчера в Санкт-Петербурге похоронили генерала Малофеева. № 17, 29.01.2000.

Школа сибирской джигитовки. № 17, 29.01.2000.

Если бандит сдается — его амнистируют. № 18, 01.02.2000.

Дальний прицел. № 19, 02.02.2000.

Санкт-Петербург хоронил спасателя летчиков. № 19, 02.02.2000.

Простой прифронтовой городок. № 19, 02.02.2000.

Война кормящая. № 19, 02.02.2000.

В Грозном остались только снайперы. № 20, 03.02.2000.

Салим Хан, он же Зелимхан. № 21, 04.02.2000.

Грозный: первый хлеб. № 21, 04.02.2000.

Свой среди чужих. № 22, 05.02.2000.

Чужой среди своих. № 22,05.02.2000.

Терактов не будет . № 22, 05.02.2000.

Повестка через боевиков. № 23, 08.02.2000.

Мертвый город взят. Война продолжается. № 23, 08.02.2000.
Как бы на войне. № 23, 08.02.2000.
Друзья-предатели. № 25, 10.02.2000.
Чеченский эмиссар в роли дервиша. № 26, 11.02.2000.
Боевики уходят в партизаны. № 26, 11.02.2000.
Тамбовский волчонок. № 26, 11.02.2000.
Свобода пахнет деньгами. № 28, 15.02.2000.
Кавказская система связи. № 28, 15.02.2000.
В Чечню! В Чечню! В Чечню! № 29, 16.02.2000.
Билет взят. Бабицкий - нет. № 29, 16.02.2000.
Самолет для моджахеда. № 30, 17.02.2000.
Проверка на дорогах. № 30, 17.02.2000.
Цена победы. № 31, 18.02.2000.
Герои нашего времени. № 34, 23.02.2000.
После войны приходит чума. № 34, 23.02.2000.
Готовность номер один. № 34, 23.02.2000.
Добро по приказу. № 36, 25.02.2000.
245-й гвардейский. № 36, 25.02.2000.
Герр Хэфлинг, вы соврамши. № 37, 26.02.2000.
Жестокая правда Чеченской войны. № 38, 29.02.2000.
Бабицкий Иса-Оглы. № 38, 29.02.2000.
На взятие Шатоя. № 39, 01.03.2000.
Так работать неприлично. № 40, 02.03.2000.
Зачистка. № 40, 02.03.2000.
Дело Хэфлинга живет и побеждает. № 41, 03.03.2000.
А. Бабицкий лег на обследование. № 41, 03.03.2000.
Победа заминирована. № 42, 04.03.2000.
Взять живым или мертвым. № 42, 04.03.2000.
Погибшие десантники официально признаны героями. № 45, 09.03.2000.
Захвачен Салман Радуев. № 46, 10.03.2000.
Лицо кавказской сборки. № 46, 10.03.2000.
Псков простился с героями России. № 46, 10.03.2000.
С войной покончили мы счеты? № 49, 17.03.2000.
Навоевались. № 49, 17.03.2000.
Генерал черных беретов. № 50, 18.03.2000.
Дядя Степа - боевик. № 51, 21.03.2000.
Можно ли садится за стол переговоров с бандитами. № 51, 21.03.2000.
Банкоформирование. № 53, 23.03.2000.
Евросоюз начал раздавать Чеченцам тушенку. № 58, 30.03.2000.
Неизвестное увольнение. № 58, 30.03.2000.
Убиты и прокляты. № 61, 04.04.2000.
Кто спасет “эшелон смерти”. № 61, 04.04.2000.
Туман под Ведено. № 62, 05.04.2000.

Убитые без вести. № 63, 06.04.2000.
Дан приказ ему. № 63, 06.04.2000.
Меж двух ненавистей. № 63, 06.04.2000.
Чеченские сталкеры. № 63, 06.04.2000.
Президентское правление откладывается. № 65, 08.04.2000.
Враг моего врага. № 66, 11.04.2000.
Солдаты возвращаются домой. № 66, 11.04.2000.
Песни локальных войн. № 67, 12.04.2000.
Есть такая сила. № 67, 12.04.2000.
Черная метка. № 68, 13.04.2000.
Шаймиев с Удуговым не встречался. № 68, 13.04.2000.
Чеченцы хотят на Запад. № 68, 13.04.2000.
Кремлевские флюиды. № 69, 14.04.2000.
Чеченский разлом. № 70, 15.04.2000.
Гражданин наемник. № 71, 18.04.2000.
Ты как хочешь это назови. № 73, 20.04.2000.
Судите и судимы будете. № 75, 22.04.2000.
Складка местности. № 76, 25.04.2000.
“Я уверен в нашей правоте!” Интервью с В. Каламановым. № 76, 25.04.2000.
Убивать — так вопрос никто не ставил. № 77, 26.04.2000.
Крыша мира поехала. № 78, 27.04.2000.
В Чечне — новая жизнь. № 79, 28.04.2000.
Чужие здесь не ходят. № 81, 05.05.2000.
Учиться, учиться и еще раз учиться. № 82, 06.05.2000.
Чечня — не Гренада. № 88, 18.05.2000.
А был ли Масхадов? № 90, 20.05.2000.
Здесь вам не равнина. № 91, 23.05.2000.
Воскресная трагедия. № 92, 24.05.2000.
Он больше не будет расстреливать. № 93, 25.05.2000.
Разведка доложила точно. № 97, 30.05.2000.
Охота на федералов. № 99, 01.06.2000.
Чеченцы берут на себя взрыв в Волгограде. № 100, 02.06.2000.
Владимир Путин ввел в Чечне прямое президентское правление. № 105, 09.06.2000.
Кадыров решает все. № 107, 13.06.2000.
Новая тактика. № 107, 13.06.2000.
Глава без администрации. № 111, 17.06.2000.
Сплошной Кошман. № 112, 20.06.2000.
От Чеченского информбюро. № 114, 23.06.2000.
Поездом в Чечню. № 115, 24.06.2000.
Незапланированное. № 118, 29.06.2000.
Георгий Шпак: Десантники России еще послужат. № 120, 01.07.2000.
Война учебе не помеха. № 121, 04.07.2000.

Смертников стало больше. № 121, 04.07.2000.

Роберт Нигматулин: Сделайте что угодно, только прекратите войну. № 125, 08.07.2000.

"Странная война" в головах. № 125, 08.07.2000.

Исхода нет. Командование отвергает возможность атаки чеченских городов боевиками. № 127, 12.07.2000.

Безымянная сенсация. Офицеров НАТО обвинили в пособничестве чеченским боевикам. № 127, 12.07.2000.

Гантемиров снова в обойме. № 128, 13.07.2000.

Секретная операция. № 129, 14.07.2000.

Ошибочный прицел. В Ханкале минометчики обстреляли своих. № 131, 18.07.2000.

Акция устрашения. Террористы охотятся за чеченцами, не желающими продолжения войны. № 131, 18.07.2000.

Окружают! Чтобы обезопаситься от боевиков, в Ставропольском крае перекапывают дороги. № 132, 19.07.2000.

Бал Беса. № 132, 19.07.2000.

Чеченский след в бакинском эфире. № 133, 20.07.2000.

Полицай Дудаев. В Ростове-на-Дону состоялся суд над военнослужащим, перешедшим на сторону боевиков. № 134, 21.07.2000.

Кавказский британец. № 136, 25.07.2000.

Так победим. № 137, 26.07.2000.

Я рад, что враги меня помнят. № 137, 26.07.2000.

Не приходя в сознание. № 139, 28.07.2000.

Верьте разведке. Чеченские боевики могут напасть с тыла. № 139, 28.07.2000.

Казанцев объявил Масхадову бойкот. № 141, 01.08.2000.

Война по расписанию. N 143, 03.08.2000.

Чеченская мозаика. N 144, 04.08.2000.

На малых высотах. № 145, 09.08.2000.

Волчий билет. N 146, 10.08.2000.

Страна не перекрестится. N 146, 10.08.2000.

Пока погром не грянет. N 146, 10.08.2000.

Взяли Красный Крест. N 146, 10.08.2000.

Сложная стабильность. № 149, 15.08.2000.

Война по площадям. № 150, 16.08.2000.

Бой на перевале. № 151, 17.08.2000.

Чечня готовиться к выборам. № 151, 17.08.2000.

Проверка на прочность. № 152, 18.08.2000.

Информация не в пользу Кремля. № 153, 19.08.2000.

Под грохот канонады. № 155, 23.08.2000.

Явка обязательна. № 156, 24.08.2000.

Эффект домино. № 159, 29.08.2000.

У Чечни появился депутат, ... но половина россиян за продолжение контртеррористической операции. № 162, 30.08.2000.

Первым не выдержит Ташкент. № 162, 30.08.2000.

В Чечне “зачистили” подрывников. № 162, 30.08.2000.

Исламский интернационал. № 162, 30.08.2000.

Здесь климат иной. № 162, 30.08.2000.

Невменяемый. № 167, 06.09.2000.

Прошел еще один год. № 167, 06.09.2000.

Деньги наши наверное крутят. № 168, 07.09.2000.

Ваххабитов везде хватает. № 171, 12.09.2000.

Началась охота на генералов. № 172, 13.09.2000.

Территория судебных недоучек. № 172, 13.09.2000.

Имена террористов известны. № 174, 15.09.2000.

Войска — вывести, милицию — вооружить. № 175, 16.09.2000.

Лорд Джад Чеченский. № 176, 19.09.2000.

Знал бы прикуп — жил бы в Грозном. № 177, 20.09.2000.

Известный солдат. № 183, 28.09.2000.

Наручники для генерала. № 184, 29.09.2000.

Операция в Джейрахском ущелье. № 193, 12.10.2000.

Басаев к походу на Иерусалим готов. № 195, 14.10.2000.

Банда особого назначения. № 195, 14.10.2000.

Законное оформление. № 197, 18.10.2000.

Кадыров и Гантемиров осознали. № 198, 19.10.2000.

Дерево войны. № 198, 19.10.2000.

Святость солдата Родионова. № 200, 21.10.2000.

Дерево войны. Ч. 2, № 200, 21.10.2000.

Боевики ниоткуда. № 201, 24.10.2000.

Шариат и право комбатов отменяются. № 213, 11.11.2000.

Опять ушли. № 217, 17.11.2000.

Возвращение Чечни. Малик Сайдуллаев предлагает новый план восстановления экономики республики. № 227, 01.12.2000.

“Мишки” на Северном Кавказе. Подрастает новое поколение агитаторов, горланов, главарей. № 227, 01.12.2000.

В Грозном начала заседать городская дума. № 228, 02.12.2000.

Том Триер: В Чечне сейчас мальчиков рождается больше, чем девочек. № 228, 02.12.2000.

Деньги мертвым душам. Куда уходят федеральные деньги на Чечню. № 228, 02.12.2000.

Правая рука Масхадова сидит в “Лефортово”. № 228, 02.12.2000.

Обнаружены похищенные испанцы. № 229, 05.12.2000.

Вторая столица. Боевики готовятся напасть на Гудермес. № 235, 15.12.2000.

Виктор Казанцев: Главное - собирание страны. № 236, 16.12.2000.

Продлено следствие по делу полковника Буданова. № 237, 19.12.2000.

Хаттаб хочет создать исламский анклав в Грузии. В Тбилиси утверждают, что баз чеченских боевиков в республике нет. № 237, 19.12.2000.

Внезапная симпатия. Кадыров и Сайдуллаев хотят дружить. № 238, 20.12.2000.

Расстрел у блокпоста. Ингушетию втягивают в войну. № 238, 20.12.2000.

Вице-адмирал Герман Угрюмов: Все теракты будут раскрыты. № 239, 21.12.2000.

В Чечне усилят охрану глав администраций. № 239, 21.12.2000.

Опасный Новый год. Боевики угрожают захватить Грозный и Гудермес к 1 января. № 240, 22.12.2000.

Магасский десант. Масхадовцы договорились с российскими депутатами "о политическом урегулирование ситуации в Чечне". № 242, 26.12.2000.

Миномет к Новому году. В Чечне признают ошибки и готовят переговоры. № 242, 26.12.2000.

Борис Немцов: Нынешняя политика в Чечне генерирует сопротивление. № 242, 26.12.2000.

Место Гантемирова занял Дудаев. № 246, 30.12.2000.

Красная звезда

*(всего **30** статей, из них 30 за 2000 год (июль, декабрь)).*

2000

Тульская 106-я: жизнь - Родине, честь - никому. 01.07.2000.

Бандиты просят помочь. Материально. 01.07.2000.

Задача войск - обеспечить мир и стабильность. 04.07.2000.

Бандиты агонизируют. Их участь предрешена. 13.07.2000.

К прошлому возврата нет. Этому во многом способствует работа военных комендатур в Чечне. 13.07.2000.

Нелюдям пощады не будет. 13.07.2000.

“Гуманист” от Хаттаба. 13.07.2000.

Подвиг разведчика. 19.07.2000.

Задержан наемник. 19.07.2000.

Многие из них живут разбоем. 21.07.2000.

Диалог с Масхадовым невозможен. 26.07.2000.

Боевики на “мели”. 28.07.2000.

Найти и уничтожить. 28.07.2000.

Раздоры в лагере бандитов. 29.07.2000.

Все - мои сыновья. 02.12.2000.

Россия - Грузия: визовый отсчет. Итервью начальника Главного штаба ФПС РФ Н.Резниченко. 02.12.2000.

Эхо первой чеченской. 06.12.2000.

Зимой все решится. 07.12.2000.

Как преодолеть синдром недоверия? На вопросы "Красной звезды" отвечает Чрезвычайный и Полномочный Посол Грузии в Российской Федерации Зураб Абашидзе. 07.12.2000.

Последняя опора государства. 09.12.2000.

Сторожевой полк Куликова поля. [История 51-ого гвардейского парашютно-десантного полка]. 09.12.2000.

Научены под огнем. 14.12.2000.

Начинается новый этап контртеррористической операции в Чечне. 15.12.2000.

Держат порох сухим. 15.12.2000.

Боевики не унимаются. 19.12.2000.

Бумеранг Панкисского ущелья. 20.12.2000.

Огонь, батарея! 20.12.2000.

И все же мир в Чечню придет. На вопросы "Красной звезды" отвечает помощник Президента РФ Сергей Ястржембский. 21.12.2000.

Обелиск. 23.12.2000.

Заставы под Аргуном. 29.12.2000.

The Guardian Unlimited (http://www.guardian.co.uk)

*(всего **279** статей, из них 145 за 1999 год (август-декабрь), 134 за 2000 год (январь-ноябрь)).*

1999

Political foes brand Yeltsin a traitor. May 14, 1999.

Where the hunters have become the hunted. June 01, 2000.

Russia sends troops to border with Chechnya. August 05, 1999.

Russia on brink of new Caucasus war. August 09, 1999.

Russia rallies as Islamists claim Dagestan. August 11, 1999.

Chechens arm against Russia. August 16, 1999.

Russia suffers worst losses in Dagestan. August 19, 1999.

Russian army claims victory in Dagestan. August 26, 1999.

Rebels pour into Dagestan. September 06, 1999.

Chechen men in war crisis call-up. September 12, 1999.

Chechen extremists blamed for bomb plots. September 14, 1999.

Islamist terror in Russia. September 16, 1999.

They need rules in Russia about who can be killed. September 17, 1999.

Russia names Chechen as bomb plotter. Yeltsin's Russia: special report. September 19, 1999.

Russian warplanes strike near Grozny. September 23, 1999.

Delaying the biological clock. September 23, 1999.

Russia bombs Chechen capital as Dagestan conflict spreads. September 24, 1999.

Moscow and Grozny edge closer to war. Yeltsin's Russia: special report. September 25, 1999.

Russian forces encircle Chechnya. Yeltsin's Russia: special report. September 27, 1999.

Three years after a bungled war that killed 80,000. Yeltsin plans another invasion of Chechnya Yeltsin's Russia: special report. September 27, 1999.

Russia pounds Chechnya. September 28, 1999.

Yeltsin plans another war. September 29, 1999.

Russians corral fleeing Chechens. September 29, 1999.

Russian army in Chechen hills. Inside Russia: special report. October 01, 1999.

Russia backs puppet regime in Chechnya. October 02, 1999.

Clashes mark new Chechen war. Yeltsin's Russia: special report. October 04, 1999.

Clashes mark new Chechen war. October 04, 1999.

Russia bites off a vital chunk of Chechnya. October 06, 1999.

Martial law is declared. Yeltsin's Russia: special report. October 07, 1999.

In ruins of one war, Grozny prepares for the second. Yeltsin's Russia: special report. October 07, 1999.

Russia's gamble. October 07, 1999.

Russia blamed for attack on refugee bus. October 08, 1999.

Russian mothers go into battle. October 10, 1999.

Russia rebuffs Chechen peace overture. October 12, 1999.

Russian troops tighten the noose on Chechnya. October 16, 1999.

Russia's war aim is 'legal government in Grozny'. October 19, 1999.

Putin displays confidence in Chechnya push. October 21, 1999.

Russian rockets hit Grozny market. October 22, 1999.

Grozny blast backfires on Russians. October 24, 1999.

Russia blocks Chechen refugees. October 25, 1999.

Chechen refugees face dire winter. October 27, 1999.

Russian guns pound Grozny. October 28, 1999.

Chechnya under siege. November 01, 1999.

Chechen children shelled as they played. November 03, 1999.

The Chechen refugees consigned to the squalor of sealed railway carriages. November 04, 1999.

Executed hostages: families to sue. November 04, 1999.

Refugees escape Chechnya. November 05, 1999.

Careless talk on the Caucasus. November 05, 1999.

Pressure mounts on Russia to pull back from rebel city. November 05, 1999.

Powerless to act? Not so. The West cannot ignore its duty to Chechnya. November 06, 1999.

Russian generals' war of vengeance. November 06, 1999.

Russian PM: 'I'll destroy Grozny rebels'. November 07, 1999.

Chechen leader appeals to UN. November 08, 1999.

Cut Moscow's cash till it stops killing. November 09, 1999.

Russia told toll too high in Chechnya. November 09, 1999.

Russian prime minister puts faith in iron fist. November 10, 1999.

Moscow's media war flags on home front. November 11, 1999.

Russia's mistake is to think Chechnya can be conquered. November 12, 1999.

Russia set to destroy Grozny. November 13, 1999.

Russia's cold warriors ride again. November 13, 1999.

Fear and madness on invisible killing fields. November 14, 1999.

Truth becomes first victim in Russia's blitz against Grozny. November 14, 1999.

Russia will pursue Chechnya campaign says Yeltsin. November 15, 1999.

Yeltsin heads for collision with west. November 16, 1999.
Caspian oil plan stirs political cauldron. November 16, 1999.
Block on aid is breeding catastrophe. November 18, 1999.
Russia braced for hostile summit. November 18, 1999.
Yeltsin agrees to foreign investigation in Chechnya. November 18, 1999.
Angry Yeltsin berates West. November 19, 1999.
Leaders agree to halve conventional forces in Europe. November 19, 1999.
Russia and west agree on new security charter. November 20, 1999.
Kremlin wins war of words. November 20, 1999.
Cold War is back again as Yeltsin blasts West. November 21, 1999.
Anger at West grows as jets launch new attacks. November 21, 1999.
Defiant Russia seals off Chechen capital. November 22, 1999.
Russia's new model army in Chechnya. November 23, 1999.
Russians predict Grozny will give in quietly. November 23, 1999.
Russian troops tell of invisible enemy. November 24, 1999.
Chechens rule out retreat from Grozny. November 24, 1999.
Russia tightens noose around Grozny. November 24, 1999.
Chechen rebels losing support. November 25, 1999.
A few dare to challenge Russia's generals. November 26, 1999.
Control of Chechnya in sight, says Russia. November 26, 1999.
Martyrs of a vengeful war. November 28, 1999.
Russia rains bombs on Chechen capital. November 29, 1999.
Cries from the rubble. November 30, 1999.
Russia claims key victory in Chechnya. December 04, 1999.
We're coming with guns to create a bit of order. December 05, 1999.
Blair warns Russia after Grozny ultimatum. December 06, 1999.
Chechens defiant despite their terror. December 06, 1999.
Russia's ultimatum. December 07, 1999.
Flee or die, Chechens warned. December 07, 1999.
West may block Russian financial aid. December 07, 1999.
West threatens sanctions against Russia. December 08, 1999.
Why Chechnya suffers. December 08, 1999.
Russian roulette. December 08, 1999.
Watching the fall of Grozny. December 08, 1999.
Russia takes key Chechen town. December 08, 1999.
Russia tightens the noose. December 09, 1999.
The west does what it can. Not much. December 09, 1999.
The Russians can take the Chechen capital, but can they keep it? December 09, 1999.
Yeltsin brushes aside Western criticism. December 09, 1999.
The beam in Putin's eye. December 09, 1999.
Consistency is overrated, especially in leaders. December 09, 1999.
Welcome to Chechnya. Welcome to hell. December 10, 1999.
Yeltsin gives US nuclear warning. December 10, 1999.

Moscow's army closes in on base of rebel chief. December 10, 1999.

Fighting phantoms: the toll mounts. December 11, 1999.

A policy for Chechnya. December 11, 1999.

The century that murdered peace. December 12, 1999.

Made in China: Boris's fragile new world order. December 12, 1999.

Trapped on the road to death. December 12, 1999.

Moscow draws back from Chechen deadline. December 13, 1999.

Permanent role for Russian army in Chechnya. December 14, 1999.

Inside Chechnya: the army pledged to fight to the end. December 14, 1999.

Russians await order to make final assault. December 15, 1999.

Moscow prepares for final blow. December 15, 1999.

Russians launch the final push. December 15, 1999.

Clinton and Yeltsin duet on elections. December 15, 1999.

Russian tanks storm Grozny. December 16, 1999.

They bombed my hospital to pieces. December 16, 1999.

Russia pounds Grozny after denying death of 100 soldiers. December 16, 1999.

Once again, the mobile coffins roll in to Grozny. Crisis in Chechnya: special report. December 17, 1999.

Russia defiant in face of G8 warnings. December 17, 1999.

Chechens upbeat after Grozny 'ambush'. December 17, 1999.

No news is good news for Russian military. December 17, 1999.

The new nationalists. December 17, 1999.

Refugees of Chechen war find no sanctuary in camps. December 18, 1999.

Russia ignores blood bath warning. December 18, 1999.

Death on icy killing fields. Crisis in Chechnya: special report. December 19, 1999.

No red carpet for Chechen leader's envoy in Britain. December 20, 1999.

Russia heads for centrism. December 20, 1999.

War works wonders for unity. December 21, 1999.

Chechen rebels claim heavy Russian losses in mountain battle. December 22, 1999.

Russians move into mountains Russia to flush out rebels. Crisis in Chechnya: special report. December 22, 1999.

Putin emerges as poll winner. December 22, 1999.

End of Chechen war in sight, insists Putin. December 23, 1999.

Boxing clever. December 23, 1999.

US accuses Russia of flouting international law in Chechnya. December 24, 1999.

MP calls for inquiry into Chechnya deaths. December 24, 1999.

Russians push into Grozny. December 26, 1999.

Russians storm Chechen capital. Crisis in Chechnya: special report. December 27, 1999.

Russian drop 'vacuum' bombs. Crisis in Chechnya: special report. December 28, 1999.

Russians acknowledge fierce resistance in Grozny. December 29, 1999.

Moscow makes heroes of its war generals. December 29, 1999.

2000

Leaders pay their tributes to key figure in the demolition of communism. January 01, 2000.

President begs forgiveness and bows out. January 01, 2000.

A man whose greatest love was power. January 01, 2000.

Putin bandwagon looks unstoppable now. January 01, 2000.

Who is Vladimir Putin? January 01, 2000.

Tsar Boris's many faces: the fool, the patriot, the crook. January 02, 2000.

Kremlin's new master awaits his coronation. January 02, 2000.

Victory in Grozny set to cost Putin dearly. January 02, 2000.

Russia's bombardment of Chechnya goes on. Numerous casualties reported today. January 03, 2000.

'Barbaric' war grinds on in Chechnya. January 03, 2000.

Russia's bombardment of Chechnya goes on. January 03, 2000.

Yeltsin's resignation caught opposition flat-footed. January 03, 2000.

Sniper dies in embassy shoot out. January 04, 2000.

Business as usual for Kremlin cronies as Putin era begins. January 05, 2000.

Humble Yeltsin gives up power. January 05, 2000.

Yeltsin's going puts Clinton on the spot. January 05, 2000.

Russian offensive grinds to halt in Grozny. Crisis in Chechnya: special report. January 05, 2000.

Putin admits Yeltsin quit to give him a head start. January 06, 2000.

Rebels thwart Russian advance. January 06, 2000.

Yeltsin enjoys life in the slow lane. January 07, 2000.

Why I believe in a conspiracy. January 07, 2000.

Russia forced to halt battle of Grozny. January 08, 2000.

Putin cuts his losses in Grozny climbdown. January 09, 2000.

Rebel attacks take toll on Russia. January 10, 2000.

Chechens launch counter-attack. Crisis in Chechnya: special report. January 10, 2000.

No more 'tenderness' from stung Russian forces. January 11, 2000.

Russians suffer worst losses yet. January 11, 2000.

Moscow media turning against Putin's war. January 11, 2000.

Russians to hold Chechen boys over 10 for 'thorough' checks. January 12, 2000.

Russian media turn against Putin's war. January 12, 2000.

Bogged down in Chechnya, Russia returns to cold war rhetoric and the nuclear option. January 14, 2000.

Outcry as Russia's new rules trap children in war zone. Crisis in Chechnya: special report. January 14, 2000.

Russia faces slow march to victory. January 16, 2000.

Chechen war enters guerilla phase. January 17, 2000.

Council of Europe threatens Russia over Chechnya. January 18, 2000.

Rumours of talks as Russians continue Chechen assault. January 19, 2000.

Troops clash in central Grozny. January 20, 2000.

Russian general falls into Chechen hands. January 21, 2000.
Chechen millionaire sets up peace moves. January 22, 2000.
'529 Russians' die in January as efforts to take Grozny escalate. January 25, 2000.
Chechnya's tales of the underground. January 26, 2000.
Putin to double Russian arms spending. January 28, 2000.
Moscow cracks down on media. January 29, 2000.
Flu and snow add to misery in tent cities. January 29, 2000.
Chechens announce Grozny pull-out. February 01, 2000.
Chechen village lives and dies with the enemy. February 01, 2000.
Rebels leave Grozny to Russians. February 02, 2000.
Turkey treads gently around Chechen crisis. February 03, 2000.
Albright warms to Putin despite war. February 03, 2000.
Russian mothers mobilise against Chechnya campaign. February 03, 2000.
Alarm as Moscow swaps journalist for soldiers. February 04, 2000.
Carnage on the road out of Grozny. February 05, 2000.
Fleeing rebels bring war back to the villages. February 07, 2000.
Russians push into the hills. February 08, 2000.
Deserter is adopted by the enemy. February 08, 2000.
Chechen villages take war underground. February 10, 2000.
Foreign news in brief. February 11, 2000.
Where the dust from pulverised buildings hangs heavy in the air. February 12, 2000.
Chechens trapped in the factory of death. February 13, 2000.
I've lived here all my life, but nothing is familiar. February 17, 2000.
Nato and Russia re-establish ties as tensions ease. February 17, 2000.
Forgiven, but not forgotten. February 17, 2000.
Russian forces seal off Grozny. February 18, 2000.
Tales of torture leak from Russian camps. February 19, 2000.
82 civilians feared dead in Chechen massacre. February 23, 2000.
Russia investigates alleged Chechnya atrocities. February 25, 2000.
Western visitors a PR dream for Putin. February 26, 2000.
Missing Russian reporter resurfaces. February 26, 2000.
Generals accused of war crimes. February 26, 2000.
Neighbours fear that, after Chechnya, they are next. February 28, 2000.
Crime and punishment. February 29, 2000.
Missing Russian reporter heard 'screams of torture'. March 01, 2000.
Whitewash fails to hide the horror. March 01, 2000.
Chechen rebels warn 'vodka army' of revenge. March 03, 2000.
Revealed: Russia's worst war crime in Chechnya. March 05, 2000.
Russians admit big losses in Chechen gorge. March 07, 2000.
Mystery death of Kremlin critic. March 10, 2000.
Blair courts outrage with Putin visit. March 11, 2000.
No way back. March 11, 2000.
Putin plays hardball in summit with Blair. March 12, 2000.

Death of a dream. March 14, 2000.
Moscow hails capture of Chechen warlord. March 14, 2000.
Chechnya whitewash. March 14, 2000.
New story, old excuses. March 15, 2000.
Russia backs 'nurse killer' in Chechnya. March 19, 2000.
The spy who would be king. March 25, 2000.
Putin puts his trust in KGB honesty. March 25, 2000.
Chechens give Moscow a reminder. March 27, 2000.
Chechen ambush. March 31, 2000.
Chechnya still awaits human rights monitors. April 01, 2000.
UN chief ends futile Chechnya trip. April 04, 2000.
In the dark without a torch. April 05, 2000.
Vote for suspension. April 06, 2000.
Putin visit to London claimed as No 10 coup. April 11, 2000.
Tears and joy. April 12, 2000.
Stay at home, Mr Putin. April 12, 2000.
Russia talks to rebels in Chechnya. April 14, 2000.
Putin aims to bridge the gap. April 16, 2000.
Blair defends 'reformer' Putin's visit to No 10. April 17, 2000.
To London without love. April 17, 2000.
Defiant Putin flies in. April 17, 2000 .
Russia evades human rights issue. April 18, 2000.
A welcome for Putin, the butcher of Chechnya. April 18, 2000.
Putin defends Chechen war. April 20, 2000.
Chechen president calls cease-fire. April 21, 2000.
No softening as Putin plans direct rule for Chechnya. May 06, 2000.
Chechens cross border to kill troops. May 12, 2000.
Putin redraws the map of Russia. May 15, 2000.
Call to arms. May 16, 2000.
Putin redraws map of Russia. May 18, 2000.
Russia's draft dodgers prefer suicide to Chechnya. May 21, 2000.
Hunters have become the hunted. May 24, 2000
News from the edge. May 29, 2000.
Top Russian official killed by Chechens. June 01, 2000.
Chechen rebels up ante on eve of Clinton visit. June 03, 2000.
Chechen suicide bomb kills Russians. June 08, 2000.
Putin signals Chechen long haul. June 09, 2000.
Russian war dead lost to bureaucracy. June 14, 2000.
Yeltsin blamed for Russia's ills. July 09, 2000.
Chechen rebels launch suicide attacks. July 03, 2000.
'Victorious' Russians wait in fear for next suicide bomber. June 18, 2000.
Hollywood looks to Chechnya for new bad guys. July 24, 2000.
Troops storm hijacked Russian bus. July 31, 2001.

Sure-footed Putin firms up his quiet revolution. August 09, 2000.
UK charity accused of spying. Special report: Russia. August 11, 2000.
Landmine charity that won royal recognition. August 11, 2000.
Charity denies spying. August 12, 2000.
Battered Putin turns on his media tormentors. August 27, 2000.
Russian general wounded by Chechen rebels. September 12, 2000.
The only show in town. October 30, 2000.
Cries from Putin's torture pit. October 15, 2000.
Was reporter killed by Putin's secret service? November 12, 2000.
Moscow blocks OSCE's Chechen 'lecture' on rights. November 29, 2000.
Blasts leave 4 Russians feared dead. December 09, 2000.

The Times (http:// www.thetimes.co.uk)

*(Архив платный. Всего **130** статей, из них 10 за 1998, 63 за 1999 год, 47 за 2000 год).*

1998

Chechnya threat. World in brief. 09 January, 1998.
Chechnya hostages 'safe'. News in brief. 30 January, 1998.
Wife says she killed Chechnya war hero. Murder. 04 July, 1998.
Grozny leader survives car bomb attack. 24 July, 1998.
Chechnya hostage couple to wed. 28 September, 1998.
Armed rebels seize Britons in Chechnya. Kidnap. 05 October, 1998.
Death in Chechnya. 09 December, 1998.
Chechnya declares state of emergency. 16 December, 1998.
Search goes on for Chechnya bodies. Murder. 23 December, 1998.
Bodies of Chechnya Britons identified. Murder & Kidnap. 28 December, 1998.

1999

Warning for Chechnya. World in brief. 09 March, 1999.
Russian threat to bomb Chechnya. 14 August, 1999.
Russia threat to Chechnya. 14 August, 1999.
Kremlin denies Chechnya bombing. 27 August, 1999.
Mistrust of Russia sparks Chechnya call to arms. 13 September, 1999.
Russia poised for invasion of Chechnya. 22 September, 1999.
Russia prepares for ground war in Chechnya. 27 September, 1999.
War clouds over Chechnya — Moscow prepares a new offensive against the Islamists. Leading Article. 30 September, 1999.
Russia ready for Chechnya assault. 30 September, 1999.
Chechnya threat. 30 September, 1999.

Troop advance into Chechnya alarms Russians. 01 October, 1999.

Russian troops killed in Chechnya. 02 October, 1999.

Russian troops advance further into Chechnya. 04 October, 1999.

Chechnya leader pleads with factions to form united front. 04 October, 1999.

President Maskhadov of Chechnya. 06 October, 1999.

Russians step up war in Chechnya. 09 October, 1999.

Russians reach Grozny suburbs. 19 October, 1999.

Rumour fuels Chechnya's fighting spirit. 19 October, 1999.

A Chechnya crackdown has been good for the Russian PM. Leading Article. 20 October, 1999.

Villagers of Chechnya in Russian sights. 20 October, 1999.

A war beyond fear for Chechnya's warriors. 21 October, 1999.

Chechen wolf at bay as missiles strike Grozny. Interview with President of Chechnya Maskhadov. 22 October, 1999.

Grozny attack leaves 137 dead. 23 October, 1999.

How I bought peace of mind in Chechnya. 23 October, 1999.

War in Chechnya. Letter (From Mr. Robert MacAlastair). 27 October, 1999.

War in Chechnya. Letter (From Dr Iftikhar H. Malik). 27 October, 1999.

Refugees bear the brunt of Chechnya war. 27 October, 1999.

The dangers of overkill. Russia should not repeat past excesses in Chechnya. Leading Article. 29 October, 1999.

Bomb raid 1kills 50 Chechnya refugees'. 30 October, 1999.

The West must not ignore Chechnya. Letter (From the Director of The HALO Trust). 01 November, 1999.

Chechnya war is just, Russia tells the West. 03 November, 1999.

Moscow military signals Grozny onslaught. 04 November, 1999.

UN accuses Russia of failing on rules of war. Chechnya crisis. 09 November, 1999.

The Russian theatre. Twisted plots on the Moscow and Chechnya stages. Leading Article. 10 November, 1999.

Chechnya flight ban aimed at news blackout. 10 November, 1999.

Chechnya's second city falls to the Russians. 13 November, 1999.

Russian airpower paralyses Chechnya. 15 November, 1999.

Civilians in Grozny warned. 16 November, 1999.

Rules of the game. There are real levers to make Russia see sense in Chechnya. Leading Article. 18 November, 1999

Cook will demand action on Chechnya. 18 November, 1999.

Chechnya 'model' villages on show. 19 November, 1999.

Russians accept Chechnya team. 20 November, 1999.

Russian retreat. The West forces Moscow to allow a mission to Chechnya. Lea ding Article. 22 November, 1999.

Grozny in ruins as rebels stall Russian advance. 29 November, 1999.

Russia faces long war in Chechnya. 30 November, 1999.

Why we are fighting in Chechnya. Comment. Opinion. 03 December, 1999.

The civilian victims of Chechnya. Letter (From the Acting Director of Amnesty International). 07 December, 1999.

Chechens told to abandon Grozny or die. 07 December, 1999.

Message to Moscow. The threat to Grozny risks real Russian interests. Leading Article. 08 December, 1999.

Russia told it faces aid cuts over Grozny. 08 December, 1999.

Citizens flee from Grozny if they can. 08 December, 1999.

High-tech vacuum bombs may be used against Grozny. 10 December, 1999.

EU tries war of words to help Chechnya. 11 December, 1999.

Old Etonian with a mission is the voice of Chechnya in Britain. 11 December, 1999.

Grozny trembles as deadline looms. 11 December, 1999.

Grozny respite triggers exodus. 13 December, 1999.

War in Chechnya. Letter (From Mr. R. W. Leon). 13 December, 1999.

War in Chechnya. Letter (From Mr A. G. Luscombe). 13 December, 1999.

Russian troops enter Grozny. 15 December, 1999.

Russians killed as they enter Grozny. 16 December, 1999.

'The conflict in Chechnya is full of paradoxes and distorted parallels with Stalingrad. Comment. Opinion. 18 December, 1999.

Chechnya war. 21 December, 1999.

Russia claims rebels are quitting Grozny. 29 December, 1999.

2000

Chechnya oil riches fuel war. January 05, 2000.

Russians close in but admit to losses. January 07, 2000.

Generals 'replaced' after Grozny setback. January 08, 2000.

Russians 'hiding massive losses' in Chechnya. January 10, 2000.

Rebels force Moscow to change tactics. January 12, 2000.

Russian media turns against the war in Chechnya. January 13, 2000.

Russian press deaf to their master's voice. January 14, 2000.

Troops reveal rising toll of Chechnya war. January 15, 2000.

Russian troops reach centre of Grozny under cover of jet onslaught. January 19, 2000.

Moscow 'loses' top general in Grozny assault. January 21, 2000.

Chechnya spin-doctor. January 25, 2000.

Status: non-person. January 27, 2000.

How to kill time in Chechnya. January 29, 2000.

Battered rebels flee ruined Grozny. February 01, 2000.

Putin's critics silenced by fall of Grozny. February 02, 2000.

Battered rebel army flees fallen Grozny. February 02, 2000.

I walked into Grozny and met the man who sacked it. February 03, 2000.

Russians 'massacre retreating Chechens'. February 03, 2000.

Chechen warlords in bitter battle for power. February 08, 2000.

Final humiliation for blitzed Grozny. February 08, 2000.

Russia grasps its big prize of Chechen oil. February 10, 2000.

Russians to seal off ruins of Grozny. February 15, 2000.

Russians thaw the big freeze with Nato. February 17, 2000.

Cook backs Georgia over border fears. February 25, 2000.

Stop at the border. Leading article. February 28, 2000.

Camp is closed to Russian monitor. February 28, 2000.

How I fled the crossfire in Chechnya. March 07, 2000.

Putin and Chechnya. Letter (From Dr Bulent Gokay). March 10, 2000.

Blair to give Putin lesson in reform. March 13, 2000.

Government 'weak' over Chechnya. March 15, 2000.

Chechnya: I am right. Interview with Vladimir Putin. March 21, 2000.

West hopes for a softening on arms and Chechnya. March 28, 2000.

Russian torture in Chechnya 'common'. March 30, 2000.

Chechnya donation. March 30, 2000.

Rights and responsibilities. It is time for a real human rights clean up in Chechnya. Leading article. March 31, 2000.

Moscow hints at dialogue with Chechnya. March 31, 2000.

Russia fury at Council of Europe call for expulsion over Chechnya. April 08, 2000.

Russians capture Chechen general. April 15, 2000.

Wake up to Islamic threat, warns Putin. April 18, 2000.

UN reprimands Russia over Chechen abuses. April 26, 2000.

Grozny is mined to stop troops looting. May 13, 2000.

Chechen rebels pick off elite troops. June 19, 2000.

54 killed in Chechnya suicide blast. World in brief. July 04, 2000.

Explosion challenges Putin's authority. August 09, 2000.

Bombing forces Putin to defend Chechen policy. August 10, 2000.

Russia accuses Diana's charity of aiding rebels. August 11, 2000.

Putin condemns 'inept' Army for Chechnya losses. November 21, 2000.

Washington Post (http://www.washingtonpost.com)

*(Архив платный. Всего **144** статей, из них 16 за 1998, 54 за 1999 год (ноябрь — декабрь), 74 за 2000 год (январь — сентябрь)).*

1998

Seven Chechen journalists freed unharmed. January 01, 1998.

Chechen president dismisses cabinet. January 02, 1998.

Delegation seeks to keep Chechnya in Russia. January 11, 1998.

Soldiers' parents wage new Chechen battle. Russians sue, saying sons were forced to fight. January 18, 1998.

Russian diplomat abducted from car in Chechnya. Yeltsin envoy is latest victim in rash of kidnappings in separatist republic. May 02, 1998.

Kidnapped Russian envoy still missing. May 03, 1998.

Russian, Chechen forces look for envoy. May 04, 1998.

For the record. May 16, 1998.

Armed protesters seize Russian building. May 22, 1998.

Not another Bosnia. June 18, 1998.

Breaking with Moscow. June 21, 1998.

Russian crash shows risks of globalization. November 08, 1998.

Russians bury hope with reformer. November 25, 1998.

Two men with their eyes on the Kremlin. December 06, 1998.

4 hostages' heads found in Chechnya. December 09, 1998.

Russian conscripts fear enemy in own ranks. December 29, 1998.

1999

Russia's steely premier ruling to popular beat. Putin's star rising in presidential race. November 22, 1999.

Europe: Russia attempts to circle Chechen capital. WORLD IN BRIEF. November 23, 1999.

Russian forces mount attack on Grozny. WORLD IN BRIEF. November 24, 1999.

Europe: Russian forces assault key Chechen town Grozny. WORLD IN BRIEF. November 25, 1999.

A kidnapping that was not a steal. In the lawless Caucasus, one family turns tables on the abductors. November 27, 1999.

Russians bombard Chechen capital. Grozny is blitzed. November 27, 1999.

Grozny casualty rate rises after Russian bombardment. Head of the IMF says Russian loans could be threatened. November 28, 1999.

Russia's strategy. November 28, 1999.

Russia's ailing Yeltsin hospitalised with pneumonia. November 30, 1999.

A leading dove turns hawk on Chechnya. Reformer Gaidar says Russia's first war was mistake, but this one is necessary. November 30, 1999.

The Russians in Chechnya. November 30, 1999.

Europe. Russian military bombs rebellious region. World in brief. December 01, 1999.

Russia alters its timetable for Chechnya. December 02, 1999.

Chechen capital is in Russian sights. Troops surround nearby city, but Moscow reports heavier casualties. December 04, 1999.

Delay seen as reaction to Chechen war. December 04, 1999.

War gives new clout to Russian military. Chechen conflict emboldens generals. December 05, 1999.

Masked troops kill 40 Chechens, witness says. Russians fired point-blank, woman tells media. Moscow blames guerrillas. December 05, 1999;

Genocide in Chechnya. December 06, 1999.

Russia tells Chechens: leave Grozny or die. Ultimatums set Saturday deadline. December 07, 1999.

Russian dismisses U.S. Warning. Putin challenges west to press Chechens to release hostages. December 08, 1999.

War crimes in Grozny. December 08, 1999.

In anti-Russia chorus, Europe's voice resounds. Neighbours threaten sanctions over war. December 09, 1999.

Russians capture rebel stronghold in Chechen war. December 09, 1999.

Few Chechens travel promised safe route. Shelling, terrain limit flight from Grozny. December 11, 1999.

Russian: talks with Chechens fruitless. December 11, 1999.

Russians back off from raid on Grozny. Military restates intent to take Chechen capital. December 12, 1999.

How it has come to this in Chechnya. December 12, 1999.

What Russia is. December 13, 1999.

Chechens start to return. Many refugees heading to Russian-occupied zones. December 14, 1999.

Russians cross into capital of Chechnya. Troops arrive in Grozny. December 15, 1999.

Russians stymied in Grozny. Army unit attacked in Chechen capital. December 16, 1999.

Chechens who remained report killings, looting. One village regrets trusting the Russians' promises. December 16, 1999.

The reckoning after Chechnya. December 16, 1999.

Russia's assault on Chechnya continues. December 16, 1999.

Russians rallying behind 'tough guy' Putin. Chechen war, economic upturn boost mood--and premier's political fortunes. December 17, 1999.

Russian jets, artillery blast Chechen capital. News service accounts rebut denial by Moscow that Grozny battle took place. December 17, 1999.

Big powers criticise Russia. Talk of sanctions over Chechen offensive is blocked by U.S. December 18, 1999.

Europe: fighting rages around Grozny. World in brief. December 19, 1999.

Victims known and unknown. December 19, 1999.

Russian voters remember no. 6 Kashirskoye road. December 20, 1999.

Russian alternative in Chechnya. December 21, 1999.

In the war zone. Moscow pressures Chechens to return. December 22, 1999.

Grozny endures a violent waiting game. December 23, 1999.

Russian pins election defeat on war hysteria. December 25, 1999.

Europe: Russian troops push south in Chechnya. World in brief. December 25, 1999.

Russians attack Chechen capital. Battles rage on 3 sides of Grozny. December 26, 1999.

Russian military disputes atrocity reports. TV videos and refugees tell of looting and killing near capital of Chechnya. December 26, 1999.

Russians inch ahead in assault on Grozny. Chechen guerrillas still occupy city. December 27, 1999.

Assault on Grozny stalled. Unexpected resistance slows Russian offensive. December 28, 1999.

Georgia walks tightrope in tense Caucasus. Former soviet state trying to avoid angering Moscow over Chechen war. December 28, 1999.

Face to face in Grozny. Russians and rebels trade taunts as well as bullets. December 29, 1999.

Western journalists detained in Chechnya. December 30, 1999.

Chechen rebels retreat from key hill positions. December 30, 1999.

Russians fight, inch by inch, for Chechen capital. December 31, 1999.

2000

Russians advance gingerly toward centre of Grozny. January 01, 2000.

Putin cites Chechnya as political priority. New Russian leader visits combat zone. January 02, 2000.

Russians make inroads in southern Chechnya. January 03, 2000.

Chechens attack west of Grozny. Russian losses mount in assault on capital. January 04, 2000.

Chechen rebels counterattack. Guerrilla raids recapture towns near Grozny. Russian losses mount. January 06, 2000.

A tug of war for their villages puts Chechen refugees in middle. January 08, 2000.

Russia suspends its air strikes on Chechen capital. Two senior generals removed from combat. January 08, 2000.

Chechen war rages despite halt to bombing. Fighting in Grozny, mountains persists. January 09, 2000.

Chechens reported to breach Russian lines. January 10, 2000.

Chechen rebels hit Russians in 3 towns. 26 soldiers killed in surprise attacks. January 11, 2000.

Russians to detain males in Chechnya. General criticises troops for trusting civilians. January 12, 2000.

Russians seek new momentum in Chechnya. January 13, 2000.

Haunted by 'spirits' in Chechnya. Rebels' mercurial methods keep Russians on their heels. January 14, 2000.

Desperate Chechen teens joining rebels. For many, guerrillas are only alternative to bleak life in a war-torn town. January 15, 2000.

Russian bombs hit oil refinery in Grozny. January 16, 2000.

Europe: Russians step up Chechnya air strikes. WORLD IN BRIEF. January 17, 2000.

Russian units blast way into Grozny. Fierce battle underway for Chechen capital. January 19, 2000.

Chechen rebels keep Russians at bay in Grozny. January 20, 2000.

Russian general is missing in Chechnya. January 21, 2000.

Putin sacks third general in Chechnya. Russian president blames officer for rebel ambushes. January 23, 2000.

In Chechnya, Russia is also fighting a propaganda war. January 25, 2000.

Russian losses climb in battle for Grozny. January 26, 2000.

Russia admits to detaining journalist. January 29, 2000.

Russian assault stalls at key Grozny square. January 31, 2000.

After attacks, Chechen town still suffers. January 31, 2000.

Albright assails Russia for 'misery' inflicted on Chechens. February 01, 2000.

Rebels flee Grozny as Russians push in. Troops poised to overrun devastated Chechen capital. February 02, 2000.

Russians try to block fleeing rebels. February 03, 2000.

Russia says it traded reporter for POWs. Radio liberty sceptical about alleged swap with Chechens for correspondent. February 04, 2000.

Grozny nearly in Russian forces' grasp. Chechen rebels head south after taking heavy losses in escape from capital. February 04, 2000.

A 'massacre . . . Beyond comparison'. February 05, 2000.

Refugees say Russians killed Grozny civilians. February 06, 2000.

Russian army's many unknown soldiers. Errors in identifying Chechen war dead torment families. February 07, 2000.

Russians capture Grozny. Chechen rebels vow to fight on. Combat shifts to south. February 07, 2000.

Russians in pursuit of fleeing Chechen rebels. February 08, 2000.

Mystery shrouds missing Russian reporter. Moscow, Chechen leader dispute whereabouts of radio liberty journalist. February 08, 2000.

Brutal retreat from Grozny led to a killing field. February 12, 2000.

Caught in a Chechen cross-fire. Doctor who helped Russians and rebels now hunted by both. February 14, 2000.

Russia blocks civilians from returning home to Grozny. February 15, 2000.

Russians go after rebel remnants. Chechens infiltrate occupied region, plan to harass Moscow's forces. February 16, 2000.

A cruel picture of Russian camps. Chechen detainees report beatings. February 18, 2000.

Chechen nightmare, Russian amnesia. Memories of a day no one should forget. February 20, 2000.

Russia celebrates conquest of Chechnya. February 22, 2000.

Rights group reports massacre in Chechnya. February 23, 2000.

Russia won't give lawyers files on missing reporter. February 24, 2000.

New evidence of Russian atrocities. Videotape shows mass grave in Chechnya. February 26, 2000.

Detained reporter flown to Moscow as Putin intercedes. February 29, 2000.

Russia in denial. February 29, 2000.

Russians declare Chechens defeated. March 01, 2000.

Released reporter describes beatings. Babitsky claims Russians abused Chechen captives. March 01, 2000.

Little life left amid Grozny's hollow ruins. Families search for the missing, scrape for basic needs in shattered city. March 01, 2000.

Chechen rebels kill 20 soldiers in ambush. Putin rebukes commanders of attacked convoy. March 04, 2000.

With Chechnya in ruins, refugees are not rushing home. March 07, 2000.

Russia admits to heavy casualties in Chechnya. March 11, 2000.

Chechens at cross-roads. Rebels wait for spring, hope to reverse losses. March 14, 2000.

Actions, not words. March 18, 2000.

Miscalculations paved path to Chechen war. Conflict hastened by Russians' neglect. March 20, 2000.

UN Rights chief blocked from Chechen sites. Russians prevent inspection of areas of suspected atrocities. April 04, 2000.

Russians to allow monitors in Chechnya. April 06, 2000.

Mood darkens over Chechen war. April 15, 2000.

Chechen leader makes peace moves. Maskhadov says his troops stopped attacks as part of offer to negotiate with Russia. April 22, 2000.

Russia confirms Chechen strike. Moscow acknowledges ambush losses, rejects negotiations. April 28, 2000.

'Grozny is fallen to the ground'. Chechens returning home find rubble, red tape--and little relief in sight. April 30, 2000.

Harm's way. May 07, 2000.

Putin vows to build democratic society. Inaugural marks historic power transfer. May 08, 2000.

Russia as the bad guy again. May 30, 2000.

Key Russian in Chechnya slain by rebels. June 01, 2000.

Chechnya's bloodiest massacre. On a quiet day in February, Russian troops killed at least 45 civilians. June 02, 2000.

Suicide bomb kills 2 soldiers in Chechnya. June 08, 2000.

Putin picks Muslim to lead Chechnya. June 13, 2000.

Truck bomb kills scores in Chechnya. Five suicide missions attack Russian targets. July 04, 2000.

Chechens describe a house of horrors. Witnesses say Russians killed, tortured, raped. July 09, 2000.

Russian troops face 'Chechnya syndrome'. Many return dysfunctional from war. August 06, 2000.

For Russians, Chechnya is out of control. September 21, 2000.

The Chechen Times (http:// www.chechentimes.com)

*(Существовала да начала 2001 г. Всего **46** статей, из них **6** за 1999 год, **40** за 2000 год).*

1999

The West should stand up for Chechnya. December 09, 1999.

Welcome to Chechnya. Welcome to hell. December 10, 1999.

Chechens see danger for their history made of stone. December 12, 1999.

Dagestan: the gathering storm. December, 1999.

A war of disinformation and war crimes. December 20, 1999.

War in Chechnya is about the people in Dagestan. December 23, 1999.

2000

Witness to madness. Photo-essay. January, 2000.

Bold Chechen rebels fight the Russian army on two fronts. January 03, 2000.

Ending 'the break-up of Russia'. January 03, 2000.

A genocide, a political coup; some democracy. January 05, 2000.

An internal wall holds the Chechens united. January 05, 2000.

Suspension of Chechnya offensive a face-saving operation: analysts. January 08, 2000.

There's a war on. January 17, 2000.

CIA report aimed at Moscow, not Washington. January 19, 2000.

Putin risks career with tactical change. January 19, 2000.

As in its earlier war, Moscow turns to pro-Russia Chechens with little clout at home. January 22, 2000.

The sooner the West acts the better for Russians, Chechens and countries supplying Russia with aid. January 28, 2000.

Chechen horror. February 29, 2000.

Little life left amid Grozny's hollow ruins. March 01, 2000.

Analysis: echoes of stalinism? March 09, 2000.

The most dangerous place on Earth. March 10, 2000.

Actions, Not Words. March 18, 2000.

Is genocide in Chechnya easier to endure than in Kosovo, Mr Fischer? Letter to German FM Joschka Fischer. March 19, 2000.

A chronicle of death (Hronika smierti). March 23, 2000.

With whom the Russian army is fighting: Peaceful inhabitants are the victims of the "counter-terrorist operation". April 08, 2000.

The doomed city. April 09, 2000.

Istanbul: gateway to a holy war. April 17, 2000.

A gateway to Chechnya, Georgia risks wider war. April 24, 2000.

Can we believe the government on Chechnya? Russia Today. May 05, 2000.

Season of discontent: the first day of the second president. May 05, 2000.

Russia: analysis from Washington. May 16, 2000.

American Muslim Assistance. Letter to Clinton June 01, 2000.

End the war. June 03, 2000.

We will not allow ourselves to be murdered. Interview with the president of Chechnya Aslan Maskhadov. June 19, 2000.

Chechen Foreign Minister Confirms Readiness for Peace Talks. July 12, 2000.

Chechens set to spend second winter in Ingushetia. September 05, 2000.

Nineteen Russian Troops Killed in Week in Chechnya. September 08, 2000.

Mr. Putin's War. September 08, 2000.

Two Russian policemen dead, five wounded in Chechnya overnight. 09 September, 2000.

Pro-Moscow Chechen shot dead. September 11, 2000.

Three Chechen Civilians Killed by Russian Soldiers. September 15, 2000.

Rights Group Slams Russian Failure Over UN Demands on Chechnya. September 15, 2000.

Council of Europe chief to probe Chechnya abuses in Moscow visit. September 20, 2000.

Gunmen Seize Hostages in S. Russia. September 21, 2000.

Fighting Erupts in Chechen Town of Argun, Says Maskhadov Spokesman. September 26, 2000.

Our Ruskies, our Chechens. September 27, 2000.

Hamburger Morgenpost (http://archiv.mopo.de/scripts/search.phtml)

*(всего **259** статей, из них 1 за 1998, 239 за 1999 год (февраль — декабрь), 19 за 2000 г. (январь — август)).*

1998

Lebed will's machen! 10.09.1998.

1999

Man rede Klartext. 17.02.1999.
Moskau droht mit harten Massnahmen gegen Tschetschenien. 08.03.1999.
Tschetschenien-Krise spitzt sich zu. 10.03.1999.
Primakow erteilt «grossem Krieg» gegen Tschetschenien Absage. 10.03.1999.
Mindestens 60 Tote bei Bombenanschlag im Nordkaukasus. 19.03.1999.
58 Tote bei Bombenanschlag im Nordkaukasus. 20.03.1999.
Tschetscheniens Präsident entging nur knapp einem Bombenanschlag. 21.03.1999.
Bedingt kampfbereit. 25.03.1999.
Ein Toter und sechs Verletzte bei Explosion in Dagestan. 05.04.1999.
Amtsenthebungs-Verfahren auf russisch. 14.05.1999.
Präsident Jelzin bleibt im Amt. 15.05.1999.
Jelzin nach Sieg über Parlament vor weiterer Machtprobe. 16.05.1999.
Punktsieger Jelzin. 17.05.1999.
Sieben Tote bei Schiessereien nahe Tschetschenien. 18.06.1999.
Moskau ordnet «Präventivschläge» in Tschetschenien. 04.07.1999.
Russland greift Ziele in Tschetschenien an. 05.07.1999.
Russland bombardiert Ziele in Tschetschenien. 05.07.1999.
Russland beschiesst wieder tschetschenische Rebellen. 06.07.1999.
Sechs Tote bei Schiesserei an tschetschenischer Grenze. 18.07.1999.
Wieder Tote bei Gefechten im Grenzgebiet zu Tschetschenien. 19.07.1999.
Russen schiessen 40 Raketen auf tschetschenisches Gebiet ab. 19.07.1999.
Russland greift in Krisenrepublik Dagestan ein. 07.08.1999.
Russen fliegen Luftangriffe gegen Moslemextremisten in Dagestan. 07.08.1999.
Stepaschin fliegt nach Dagestan. 08.08.1999.
Russen fliegen Luftangriffe in Dagestan. 08.08.1999
Russische Militärspitze in Dagestan. 08.08.1999.
Lage in Dagestan spitzt sich zu. 08.08.1999.
Stepaschin in Krisenrepubik Dagestan eingetroffen. 08.08.1999.
Lage in Dagestan nach Einmarsch von Moslem-Rebellen gespannt. 08.08.1999.
Russische Truppen beginnen Offensive gegen Rebellen in Dagestan. 08.08.1999.
Russische Offensive gegen Rebellen in Dagestan. 08.08.1999.

Kaukasus ausser Kontrolle. 09.08.1999.
Anschlag auf russischen Generalstabschef in Dagestan. 09.08.1999.
Ein neuer Krieg im Kaukasus. 10.08.1999.
Antiterroreinheiten gehen gegen Moslemrebellen in Dagestan vor. 11.08.1999.
Russische Truppen setzen Offensive gegen Rebellen in Dagestan fort. 11.08.1999.
Dagestan: Putins erster Job. 11.08.1999.
Schwere Kämpfe in Dagestan. 11.08.1999.
Weiter Kämpfe in Dagestan. 12.08.1999.
Krieg im Kaukasus – Terrorist. 12.08.1999.
Russland ruft Tschetschenien um Hilfe im Kampf gegen Rebellen auf. 12.08.1999.
Tschetschenien lehnt Unterstützung russischer Truppen ab. 12.08.1999.
Moskau verstärkt Truppen in umkämpfter Provinz Dagestan. 13.08.1999.
Russische Truppen starten Grossoffensive in Dagestan. 13.08.1999.
Offensive russischer Truppen auch gegen Tschetschenien. 13.08.1999.
Moslemrebellen in Dagestan nach russischen Angaben eingekesselt. 14.08.1999.
Putin will Dagestan - Offensive ausweiten. 14.08.1999.
Russland meldet hohe Verluste der Aufständischen in Dagestan. 14.08.1999.
Russen melden Fortschritte gegen Rebellen in Dagestan. 15.08.1999.
Moskau warnt islamische Staaten vor Eingreifen in Dagestan. 15.08.1999.
Zahlreiche Tote bei Kämpfen in Dagestan. 15.08.1999.
Maschadow verhängt Ausnahmezustand in Tschetschenien. 15.08.1999.
Ausnahmezustand in Tschetschenen. 15.08.1999.
Schwere Kämpfe in Dagestan. 15.08.1999.
Russisches Parlament entscheidet über Putin als Regierungschef. 16.08.1999.
Jelzin will keinen Ausnahmezustand in Russland. 16.08.1999.
Russland rüstet sich zur Entscheidungs-Schlacht. 16.08.1999.
Putin als Regierungschef bestätigt - «Als Erstes Ordnung schaffen». 16.08.1999.
Russische Truppen in Tschetschenien einmarschiert. 17.08.1999.
Tschetschenisches Militär dementiert Einmarsch russischer Truppen. 17.08.1999.
Russland will den Kaukasus nicht aufgeben. 17.08.1999.
Russen verstärken Truppen in Dagestan. 18.08.1999.
Russen melden militärische Erfolge in Dagestan. 18.08.1999.
Russen melden Erfolge in Dagestan - Aber Verluste. 18.08.1999.
Russen melden Erfolge und Verluste in Dagestan. 19.08.1999.
Russische Artillerie- und Luftangriffe auf Rebellen in Dagestan. 19.08.1999.
Russische Truppen setzen Angriffe gegen Rebellen in Dagestan fort. 20.08.1999.
Russen greifen tschetschenisches Territorium nahe Dagestan an. 20.08.1999.
Russen melden Erfolge im Kampf gegen Moslem-Rebellen in Dagestan. 21.08.1999.
Russland kämpft weiter gegen Moslemrebellen in Dagestan. 22.08.1999.
Russische Truppen dringen weiter gegen Moslem-Rebellen vor. 22.08.1999.
Kein Durchbruch in Dagestan. 22.08.1999.
Angeblich schwere Verluste für Rebellen in Dagestan. 23.08.1999.
Moskaus Blitz-Krieg fiel aus. 23.08.1999.

Moslem-Rebellen ziehen angeblich aus Dagestan ab. 23.08.1999.
Russische Truppen dementieren Abzug der Rebellen aus Dagestan. 23.08.1999.
Russen dementieren Berichte über Abzug der Rebellen aus Dagestan. 23.08.1999.
Russen melden Vertreibung der Rebellen aus Dagestan. 24.08.1999.
Russen befürchten Partisanen-Krieg in Dagestan. 25.08.1999.
Russen verkünden Sieg über Rebellen in Dagestan. 25.08.1999.
Russische Kampfjets bombardieren Stellungen in Tschetschenien. 26.08.1999.
Moskau vertreibt Rebellen. 26.08.1999.
Putin überraschend nach Dagestan gereist. 27.08.1999.
Putin droht Rebellen im Kaukasus. 27.08.1999.
Russen treffen in Dagestan weiter auf Widerstand von Rebellen. 03.09.1999.
Russland will weitere Einheiten nach Dagestan verlegen. 04.09.1999.
Rebellen in Dagestan rücken vor. 05.09.1999.
Viele Tote und Verletzte bei Bombenanschlag in Dagestan. 05.09.1999.
Tote bei Anschlag in Dagestan. 05.09.1999.
Jelzin empört über Bombenanschlag in Dagestan. 05.09.1999.
30 Tote bei Anschlag in Dagestan. 05.09.1999.
Russen gelang Flucht durch Belagerungsring in Dagestan. 06.09.1999.
Dagestan: 20 Tote bei Anschlag gegen Armee. 06.09.1999.
Jelzin kritisiert Armee wegen Dagestan. 07.09.1999.
Jelzin will «schnelle und harte» Massahmen gegen Moslemrebellen. 07.09.1999.
Russen melden Eroberung strategischer Höhe in Dagestan. 08.09.1999.
Bekenneranruf bei Interfax zu Explosion in Wohnkomplex. 09.09.1999, (Buinaksk).
Neue Opfer bei Kämpfen in Dagestan. 09.09.1999.
Russen verlieren Kampfflugzeug in Dagestan. 09.09.1999.
100 Tote bei mutmasslichem Anschlag in Moskau befürchtet. 10.09.1999.
Bereits 74 Tote bei Moskauer Explosion. 10.09.1999.
Erste Festnahmen nach Bombenanschlag in Moskau. 10.09.1999.
Moskauer Bombenanschlag mit terroristischem Hintergrund. 11.09.1999.
Zahl der Toten nach Bombenanschlag in Moskau steigt auf 94. 11.09.1999.
Polizei verfolgt «tschetschenische Spur». 11.09.1999.
Moskauer Polizei verfolgt «tschetschenische Spur». 11.09.1999.
Tote bei erneuter Explosion in Moskauer Wohnhaus. 13.09.1999.
Bisher 15 Tote nach Explosion in Moskauer Haus. 13.09.1999.
100 Tote nach Moskauer Anschlag befürchtet. 13.09.1999.
Bereits 95 Tote nach Bombenanschlag in Moskau. 14.09.1999.
Bereits über 100 Tote nach Bombenanschlag in Moskau. 14.09.1999.
Mindestens 116 Tote nach Bombenanschlag in Moskau. 14.09.1999.
Mehr als 100 Tote nach Bombenanschlag in Moskau. 14.09.1999.
Moskau: Die Angst vor dem nächsten Anschlag. 14.09.1999.
Blutige Bilanz nach Bombenanschlag in Moskau steigt weiter. 14.09.1999.
Moskauer Polizei sucht 1,8 Tonnen Sprengstoff. 15.09.1999.
Moskau ist Russlands dritter Kriegsschauplatz. 15.09.1999.

Putin fordert von Tschetschenien Auslieferung der Bombenleger. 15.09.1999.
«Befreiungs-Armee Dagestans» bekennt sich zu Moskauer Anschlägen. 15.09.1999.
Terrorwelle in Russland schürt Angst vor Krieg mit Tschetschenien. 15.09.1999.
Verteidigungsminister erklärt Dagestan für befreit. 15.09.1999.
Explosion in Wohnhaus in Südrussland. 16.09.1999.
Mindestens sechs Tote durch Autobombe in Russland. 16.09.1999.
Elf Tote durch Autobombe neben Wohnhaus in Südrussland. 16.09.1999.
Neuer Bombenanschlag in Russland mit 13 Toten. 16.09.1999.
Brennpunkt Kaukasus. 17.09.1999.
Ganz Russland in Angst: Der Terror geht weiter. 17.09.1999.
Moskau will Tschetschenien unter «Quarantöne» stellen. 17.09.1999.
Russland verstärkt Truppen in Dagestan. 18.09.1999.
Russland schliesst sich ein. 18.09.1999.
Russland setzt Tschetschenien mit Truppenaufmarsch unter Druck. 18.09.1999.
Russland schickt weitere Truppen an Grenze zu Tschetschenien. 18.09.1999.
Russische Armee meldet neue Erfolge im Kampf gegen Kaukasus-Rebellen. 19.09.1999.
Russische Armee geht rund um Tschetschenien in Stellung. 19.09.1999.
Russische Truppen greifen Rebellen in Tschetschenien an. 20.09.1999.
Bin Laden will Kämpfer nach Tschetschenien entsenden. 20.09.1999.
Tschetschenien-Rebellen kündigen Widerstand gegen Russen an. 20.09.1999.
Russlands Armee schliesst Bodentruppen im Kaukasus nicht aus. 20.09.1999.
Rebellen in Tschetschenien unbeeindruckt von Moskaus Drohungen. 20.09.1999.
Kaukasus-Präsidenten erörtern Lage. 21.09.1999.
Russland kontrolliert Luftraum über Tschetschenien. 21.09.1999.
Kaukasus-Präsidenten erörtern Sicherheitslage. 21.09.1999.
Russische Luftwaffe setzt Angriffe gegen Tschetschenien fort. 22.09.1999.
Neue russische Luftangriffe auf Tschetschenien. 23.09.1999.
Russische Luftangriffe gegen Flughafen von Grosny. 23.09.1999.
Russische Kampfjets bombardieren Vororte und Flughafen Grosnys. 23.09.1999.
Putin: Terrorismus hat Russland den Krieg erklärt. 24.09.1999.
Neue russische Luftangriffe auf Grosny. 24.09.1999.
Russland setzt Angriffe im Kaukasus fort. 24.09.1999.
Russische Luftwaffe setzt Angriffe gegen Tschetschenien fort. 24.09.1999.
Tschetscheniens Präsident ruft Moskau zu Verhandlungen auf. 24.09.1999.
Russen fliegen zweite Angriffswelle gegen Grosny. 24.09.1999.
Russen bombardieren weiter Grosny. 24.09.1999.
Russische Luftangriffe gegen Grosny dauern an. 25.09.1999.
Russen bombardieren erneut Grosny. 25.09.1999.
Russische Kampfjets bombardieren wieder Grosny. 26.09.1999.
Russische Kampfflugzeuge bombardieren wieder Grosny. 26.09.1999.
Sergejew schliesst Bodenoperation nicht mehr aus. 26.09.1999.
Befürchtungen vor russischer Bodenoperation in Tschetschenien. 26.09.1999.
Russische Luftwaffe bombardiert Raffinerieanlagen in Grosny. 27.09.1999.

Im Kaukasus-Konflikt ist keine politische Lösung in Sicht. 27.09.1999.
Moskau setzt im Kaukasus auf Konfrontation. 27.09.1999.
Weiter russische Luftangriffe gegen Grosny. 27.09.1999.
Russische Luftwaffe setzt Angriffe in Tschetschenien fort. 28.09.1999.
Russische Truppen für Einmarsch in Tschetschenien geröstet. 28.09.1999.
Putin schliesst Bodenoperation gegen Tschetschenien nicht aus. 28.09.1999.
Russland schickt möglicherweise Truppen nach Tschetschenien. 29.09.1999.
USA sehen Stabilität im Kaukasus bedroht. 29.09.1999.
Weiter Luftangriffe gegen Tschetschenien. 29.09.1999.
Berlin besorgt über Eskalation im nördlichen Kaukasus. 29.09.1999.
Weitere Angriffe. 29.09.1999.
Moskaus Gesprächsversuch mit Maschadow gescheitert. 29.09.1999.
Russische Soldaten in Tschetschenien. 29.09.1999.
Russland und Tschetschenien drohen sich gegenseitig. 30.09.1999.
Jelzin bekräftigt harten Kurs im Tschetschenien-Konflikt. 30.09.1999.
Russland nennt Tschetschenien-Konflikt innere Angelegenheit. 30.09.1999.
Angeblich russische Panzerkolonne in Tschetschenien. 30.09.1999.
Russische Panzer angeblich nach Tschetschenien eingerückt. 30.09.1999.
Zahl der Flüchtlinge aus Tschetschenien steigt weiter. 01.10.1999.
Angeblich russische Panzerkolonne in Tschetschenien. 01.10.1999.
Russische Truppen errichten Stellungen in Tschetschenien. 01.10.1999.
Zeichen im Kaukasus stehen auf Sturm. 01.10.1999.
Sergejew bestätigt Truppenvorstoss in Tschetschenien. 01.10.1999.
Russischer Truppenvorstoss in Tschetschenien bestätigt. 01.10.1999.
Moskau offenbar vor Bodentruppen-Einsatz in Tschetschenien. 01.10.1999.
Präsident Maschadow warnt vor «gesamtkaukasischen Krieg». 01.10.1999.
Russische Truppen setzen Aufmarsch in Tschetschenien fort. 02.10.1999.
Vereinzelte Schiessereien in Tschetschenien. 02.10.1999.
Wenig Widerstand gegen Russen in Tschetschenien. 02.10.1999.
Russen stossen in Tschetschenien auf Widerstand. 02.10.1999.
Tschetschenischer Widerstand gegen Russen-Einmarsch. 02.10.1999.
Russische Panzer beschiessen tschetschenischen Grenzort. 03.10.1999.
Gefechte zwischen Russen und Tschetschenen. 03.10.1999.
Russische Truppen dringen weiter in Tschetschenien vor. 04.10.1999.
Tote bei Gefechten in Tschetschenien. 04.10.1999.
Tschetschenen melden schwere Kämpfe nahe Grosny. 04.10.1999.
Tote bei Gefechten in Tschetschenien. 05.10.1999.
Russland bestätigt Verlust eines Kampfjets über Tschetschenien. 05.10.1999.
Russland meldet Verlust weiteren Kampfflugzeugs. 05.10.1999.
Russen kontrollieren etwa ein Drittel Tschetscheniens. 05.10.1999.
Maschadow erklärt Kriegsrecht in Tschetschenien. 05.10.1999.
Kriegsrecht in Tschetschenien erklärt. 06.10.1999.
Immer mehr russische Truppen rücken in Tschetschenien ein. 06.10.1999.

Kriegsrecht in Tschetschenien in Kraft. 06.10.1999.
Fischer kritisiert Russland wegen Tschetschenien. 06.10.1999.
EU-Aussenministertroika spricht in Moskau über Tschetschenien. 07.10.1999.
Russische Truppen bauen Stellungen in Tschetschenien aus. 07.10.1999.
Moskau weist internationale Vermittlung in Tschetschenien ab. 07.10.1999.
Moskau will tschetschenische Rebellenführer «vernichten». 07.10.1999.
Sprengsatz neben Kindergarten in Moskau entschärft. 07.10.1999.
Präsident Tschetscheniens bittet Nato um Hilfe. 08.10.1999.
Mehr als 133 000 Flьchtlinge aus Tschetschenien in Inguschetien. 08.10.1999.
Russen bringen tschetschenische Ortschaften unter Kontrolle. 08.10.1999.
Mehr als 142 000 Tschetschenien-Flüchtlinge in Inguschetien. 09.10.1999.
Bereits rund 155 000 Tschetschenien-Flüchtlinge im Kaukasus. 09.10.1999.
Russland verstärkt Luftangriffe auf Tschetschenien. 10.10.1999.
Weiter Kämpfe in Tschetschenien. 10.10.1999.
Zeichen im Kaukasus stehen auf Sturm. 01.10.1999.
Grosny-Blutbad: Die Russen-Armee? 23.10.1999.
Schwere Kämpfe im Kaukasus. 26.10.1999.
Angriffe auf Tschetschenien. 27.10.1999.
Grosny unter Dauerbeschuss - Druck auf Moskau wächst. 08.11.1999.
Russen erobern grosse Stadt in Tschetschenien. 13.11.1999.
Moslemische Explosion? 13.11.1999.
Jelzins schmutziger Krieg. 16.11.1999.
Der Kanzler mahnt Jelzin. 23.11.1999.
Tschetschenen leiden im Hagel der Bomben. 27.11.1999.
Die Russen radieren Grosny aus. 29.11.1999.
Heftige Kämpfe in Tschetschenien. 03.12.1999.
OSZE-Chef Vollebäk darf nach Tschetschenien reisen. 06.12.1999.
Warnung an Moskau. 08.12.1999.
"Der Funke droht überzuspringen". 11.12.1999.
Tschetschenen in Not: Hamburg hilft. 14.12.1999.
Jelzins Kronprinz Putin zeigt dem Westen die Krallen. 15.12.1999.
"Kriegsheld" Putin. 21.12.1999.
Moskau schickt Flüchtlinge zurьck. 23.12.1999.
Und so kann jeder helfen. 29.12.1999.
Mit 18 in den Krieg. 29.12.1999.
Neue Front im Süden von Tschetschenien. 30.12.1999.

2000

Der Neue "feierte" in Tschetschenien. 03.01.2000.
Rebellen starten Gegenoffensive in Grosny. 06.01.2000.
Wer zählt die Kriegsopfer? 07.01.2000.
Feuerpause vorbei. 10.01.2000.

Grosny: Blutiger Kampf um jedes Haus. 25.01.2000.
Grosny: Russen auf dem Vormarsch. 31.01.2000.
Russen nahmen Grosny. 02.02.2000.
Neuer Krieg um Grosny? 08.02.2000.
Wirbel um Bericht über Massengrab. 28.02.2000.
Beobachter vom Leid in Grosny entsetzt. 13.03.2000.
Verbrechen beiderseits. 14.03.2000.
Keine Atempause im Kaukasus. 28.03.2000.
Heftige Kämpfe in den Bergen Tschetscheniens. 31.03.2000.
Half der BND im Kaukasus-Krieg? 08.04.2000.
BND rechtfertigt sich. 10.04.2000.
Putins schwerer Weg. 08.05.2000.
"Doktor" Putins Diagnose. 10.07.2000.
Kaukasische Falle. 10.08.2000.
Moskau unter Schock. 10.08.2000.

Berliner Zeitung (http://www.berlinonline.de/wissen/berliner_zeitung)

*(всего **93** статьи, из них 13 за 1998, 66 за 1999 год (февраль — декабрь), 14 за 2000 год (апрель — ноябрь)).*

1998

Tschetschenische Regierung tritt zurück. POLITIK. Januar 02, 1998.
Moskau droht Tschetschenien. POLITIK. Januar 07, 1998.
Eine Million Landminen in Tschetschenien. POLITIK. März 02, 1998.
Tschetschenen feiern Frieden. POLITIK. Mai 13, 1998.
Die prekäre Lage im Nordkaukasus. FEUILLETON. Juni 03, 1998.
Der General und der Krieg. BLICKPUNKT. Juni 26, 1998.
OSZE warnt vor humanitärer Katastrophe in Tschetschenien. POLITIK. Juli 22, 1998.
Maschadows Ausgleich ist gescheitert. POLITIK. Juli 24, 1998.
Verhaftungen und scharfe Kontrollen in Grosny. POLITIK. Juli 25, 1998.
Warnung vor "zweitem Afghanistan". POLITIK. Juli 27, 1998.
Kirijenko sagt Tschetschenien Wirtschaftshilfe zu. POLITIK. August 03, 1998.
Tschetscheniens Unabhängigkeit. POLITIK. August 04, 1998.
"Russland braucht Hilfe und Druck". POLITIK. Dezember 24, 1998.

1999

Terrorist Radujew Gast in der Türkei. POLITIK. Februar 26, 1999.
Humanitäre Programme: "Junge Tschetschenen lernen Minen suchen". LESERBRIEFE. März 08, 1999.

Pläne für einen Raketenangriff auf Grosny. POLITIK. März 11, 1999.

Russland hat Tschetschenien verloren. POLITIK. März 11, 1999.

KONFLIKTURSACHE. POLITIK. März 11, 1999.

Tschetschenische Präsident sucht Dialog mit Moskau. POLITIK. März 15, 1999.

Maschadow warnt Moskau vor Angriffen. Tschetschenien-Krise soll durch Dialog gelöst werden. POLITIK. März 15, 1999.

Tschetschenische Rebellen töten sieben Russen. POLITIK. Juni 19, 1999.

Moskau will gegen Rebellen vorgehen. POLITIK. Juli 05, 1999.

Moskau feuert auf Ziele in Tschetschenien. Militärschläge sollen fortgesetzt werden. POLITIK. Juli 06, 1999.

Neue Kämpfe im Nordkaukasus. POLITIK. Juli 17, 1999.

TSCHETSCHENIEN: Alte Fronten. POLITIK. Juli 17, 1999.

KAUKASUS: Tschetschenien schliesst Böros in Moskau. POLITIK. Juli 21, 1999.

Gespräche über Tschetschenien. POLITIK. Juli 24, 1999.

Spannungen im Nordkaukasus wachsen. POLITIK. August 02, 1999.

RUSSLAND: Kaukasischer Knoten. POLITIK. August 09, 1999.

"Vorübergehend nicht kontrollierbares Territorium": Der Konflikt zwischen russischen Grenztruppen und tschetschenischen Unabhängigkeitskämpfern eskaliert. POLITIK. August 09. 1999.

Russisches Militär startet Offensive im Kaukasus. POLITIK. August 09, 1999.

CHRONIK: Nordkaukasus. POLITIK. August 09, 1999.

Rebellen in Dagestan halten Positionen. POLITIK. August 10, 1999.

Moskau droht Rebellen in Dagestan mit Grossoffensive des Militärs. POLITIK. August 13, 1999.

Mindestens 210 Menschen getötet. POLITIK. August 14, 1999.

Jawlinski fürchtet neue Niederlage. POLITIK. August 20, 1999.

Parallelen zu Tschetschenien. POLITIK. August 20, 1999.

Russland greift Rebellen in Tschetschenien an. POLITIK. August 21, 1999.

Die Folgen sind schlimmer als der Krieg. LESERBRIEFE. August 27, 1999.

Neuerliche Fehlkalkulation im Kaukasus. POLITIK. September 13, 1999.

Putin fordert Auslieferung der Attentäter. POLITIK. September 16, 1999.

Russland will Tschetschenien vollständig isolieren. POLITIK. September 18, 1999.

Tschetscheniens Grenzen von Russland besetzt. POLITIK. September 20, 1999.

Russische Angriffe auf Tschetschenien. POLITIK. September 24, 1999.

Erneute Angriffe auf Grosny. POLITIK. September 25, 1999.

Russland droht mit Einsatz von Bodentruppen. POLITIK. September 27, 1999.

Militärs drängen zur Bodenoffensive im Kaukasus. POLITIK. September 28, 1999.

Russische Armee bereitet sich auf Bodenkrieg vor. POLITIK. September 29, 1999.

Russland beendet Vorbereitung für Bodenoffensive. POLITIK. September 30, 1999.

Russische Truppen in Tschetschenien. POLITIK. Oktober 01, 1999.

Russlands Duma schwenkt auf Jelzins Kurs ein. POLITIK. Oktober 02, 1999.

Russland bestätigt Einmarsch in Tschetschenien. POLITIK. Oktober 02, 1999.

Gerangel in Russlands Militärführung. POLITIK. Oktober 02, 1999.

KAUKASUS. POLITIK. Oktober 04, 1999.

Erste Gefechte zwischen Russen und Tschetschenen. POLITIK. Oktober 04, 1999.

Tschetscheniens Präsident bittet Westen um Hilfe. POLITIK. Oktober 04, 1999.

Bomben, die ihr Ziel verfehlen. Blickpunkt. Oktober 06, 1999.

Tschetscheniens Präsident verhängt das Kriegsrecht. Russische Truppen kontrollieren ein Drittel der Republik. POLITIK. Oktober 06, 1999.

Ratlos in Tschetschenien. POLITIK. Oktober 07, 1999.

Moskau schliesst weiteren Vormarsch nicht aus. POLITIK. Oktober 07, 1999.

Maschadow bittet Nato um Unterstützung. POLITIK. Oktober 09, 1999.

Maschadow schlägt Friedensplan vor. POLITIK. Oktober 11, 1999.

Rebellen drohen mit Terroranschlägen. Luftangriffe und Bodenkämpfe in Tschetschenien. POLITIK. Oktober 12, 1999.

"Russlands Vorgehen erinnert an Milosevic". POLITIK. Oktober 13, 1999.

Russland will Kontrolle über ganz Tschetschenien. POLITIK. Oktober 13, 1999.

Russische Armee verstärkt Luftangriffe auf Tschetschenien. POLITIK. Oktober 14, 1999.

"Der Westen muss den Flüchtlingen helfen". POLITIK. Oktober 15, 1999.

Russische Streitkräfte stehen vor Grosny. POLITIK. Oktober 18, 1999.

Russische Truppen rücken auf Grosny vor. POLITIK. Oktober 26, 1999.

Russische Truppen setzen Einkreisung Grosnys fort. POLITIK. Oktober 29, 1999.

"Der Westen muss Druck ausüben". POLITIK. November 03, 1999.

Lächelnde Soldaten vor Bergkulisse. MEDIEN. November 04, 1999.

Vom Häftling zum Statthalter des Kreml. POLITIK. November 13, 1999.

Jelzin verteidigt Offensive in Tschetschenien. POLITIK. November 16, 1999.

Russland droht mit Boykott der Beschlüsse des OSZE-Gipfels. POLITIK. November 17, 1999.

Vermittlung der OSZE in Moskau gescheitert. POLITIK. November 30, 1999.

Nur wenige entkommen dem Kessel von Grosny. POLITIK. Dezember 08, 1999.

Das russische Ultimatum gegenüber Grosny. POLITIK. Dezember 08, 1999.

"Sie mordeten und plünderten". POLITIK. Dezember 22, 1999.

2000

Ein Kolonialkrieg nach alten Mustern. MAGAZIN. Januar 08, 2000.
KRIEGSZIELE. POLITIK. Januar 31, 2000.
Normalisierung a la Putin. POLITIK. Februar 02, 2000.
Sanktionen gegen Russland schaden mehr, als sie nützen. POLITIK. April 07, 2000.
Moskau reagiert gelassen auf Ausschluss-Antrag. POLITIK. April 08, 2000.
Putin kündigt Ende des Tschetschenienkrieges an. POLITIK. März 06, 2000.
Russen verhindern Besuch von Gefangenenlagern. POLITIK. April 03, 2000.
"Sanktionen wären ein Fehler". POLITIK. April 03, 2000.
Putin verweigert Gespräch mit UN-Kommissarin. POLITIK. April 04, 2000.
Russlands Präsident setzt auf militärische Stärke. POLITIK. April 07, 2000.
Streit um Kooperation der Geheimdienste. POLITIK. April 11, 2000.
Die Tschetschenienreise. POLITIK. April 15, 2000.
KRIEGSLAGE: Auch Grosny nicht unter Kontrolle. POLITIK. Juni 30, 2000.

Kampf ums öl. POLITIK. November 02, 2000.

Die Welt (http://www.welt.de)

*(всего **316** статей, из них 10 за 1998, 157 за 1999 год (февраль — декабрь), 149 за 2000 год (январь — декабрь)).*

1998

Moskau fehlt ein Tschetschenien-Konzept. Januar 15, 1998.
Wege des Ols. Januar 22, 1998.
Der Kaukasus rückt politisch zusammen. April 08, 1998.
Tschetscheniens Präsident überlebt Attentat. Juli 24, 1998.
Boris Jelzin des Völkermords bezichtigt. Juli 28, 1998.
Moskau verspricht Grosny erneut Hilfe. August 03, 1998.
Die Spur der Terroristen führt nach Albanien. August 14, 1998.
Kosovo: Russland will Einfluss. Oktober 07, 1998.
Warten auf Moskau. Oktober 10, 1998.
Täglich 33 Entführungen. Oktober 21, 1998.

1999

"Russland steckt nicht in der Krise, es steht vor dem Zerfall". Februar 15, 1999.
Der Krieg kehrt nach Tschetschenien zurück. März 10, 1999.
Bomben auf Russlands Demokratie. März 30, 1999.
Befördert die Zivilisation die Barbarei? April 07, 1999.
Die Kultur des Krieges weist in die Vergangenheit. April 10, 1999.
Russland bevorzugt ins Boot? April 12, 1999.
Hebel für Extremisten. April 15, 1999.
Verkehrte Fronten in der islamischen Welt. April 17, 1999.
Kriege, die nicht zu gewinnen sind. April 21, 1999.
Jelzins (vorerst) letzter Poker. Mai 14, 1999.
"Das sind doch alles Hurenböcke!". Juni 24, 1999.
"Im Kosovo schlägt heute das Herz aller Moslems". Juni 26, 1999.
Russland spricht schon vom "neuen Tschetschenien-Krieg". Juli 08, 1999.
Jelzin entsendet russische Militärspitze nach Dagestan. August 09, 1999.
Kaukasische Falle. August 11, 1999.
Neues Schlachtfeld für tschetschenische Kommandeure. August 12, 1999.
Moskau plant Offensive gegen Rebellen in Dagestan. August 13, 1999.
Moskau will auch Tschetschenien bombardieren. August 14, 1999.
Soldaten töten mehr als 80 Rebellen. August 16, 1999.
Allahs Schwert am Kaukasus: Schamil Bassajew. August 17, 1999.
Moskau setzt in Dagestan auf Härte. August 17, 1999.
Die Demokratie ist Russland fremd. August 18, 1999.
Russland verletzt Grenze zu Tschetschenien. August 18, 1999.

Der Soldat weicht dem Krieger. August 19, 1999.
Russen verfolgen Rebellen auch in Tschetschenien. August 21, 1999.
Jelzin fordert "härteste" Massnahmen. August 23, 1999.
Russland wendet sich dem "inneren Feind" in Dagestan zu. August 31, 1999.
Bombenanschlag in Moskau. September 02, 1999.
Aus dem russischen Staatshaushalt verschwinden Milliarden. September 03, 1999.
Falken fliegen durch die Städte. September 04, 1999.
Blutiger Bombenanschlag auf russisches Militär in Dagestan. September 06, 1999.
Explosion eines Wohnblocks in Moskau. September 10, 1999.
Verdächtige des Anschlags in Moskau festgenommen. September 13, 1999.
Erneuter Bombenanschlag auf Moskauer Wohnhaus. September 14, 1999.
Moslem-Rebellen erhalten Hilfe vom Ausland. September 15, 1999.
Moskau in Angst vor neuen Attentaten. September 15, 1999.
"Befreiungsarmee Dagestans" bekennt sich zu den Anschlägen. September 16, 1999.
Russlands Militär will wegen Kämpfen im Kaukasus mehr Geld. September 17, 1999.
Vierter Anschlag seit Anfang September. September 17, 1999.
Anschlag eines "Trittbrettfahrers". September 18, 1999.
Russische Armee meldet neue Erfolge gegen Moslem-Rebellen. September 20, 1999.
Strategie des Abriegelns "in der Praxis unmöglich". September 22, 1999.
Russland sieht Tschetschenien isoliert. September 22, 1999.
Moskau will den Sieg im Kaukasus aus der Luft erzwingen. September 25, 1999.
Der Islamismus ist am Ende. September 27, 1999.
Der Westen schaut weg. September 27, 1999.
Russland erwägt den Einsatz von Bodentruppen im Kaukasus. September 27, 1999.
Droht ein neuer Krieg mit Tschetschenien, Herr Stepaschin? September 27, 1999.
Der "chirurgische" Krieg im Kaukasus. September 29, 1999.
Pläne zur Teilung Tschetscheniens. September 30, 1999.
Tschetschenien droht Moskau bei Bodenangriff mit Terror. Oktober 01, 1999.
Putin und Tschechows Gesetze der Dramatik. Oktober 01, 1999.
Russland schickt Bodentruppen. Oktober 02, 1999.
Moskau startet Invasion in Tschetschenien. Oktober 02, 1999.
Das Hospital der geschundenen Soldaten. Oktober 02, 1999.
Moskaus Lawine rollt. Oktober 02, 1999.
Grosny wirft Kreml Angriffskrieg vor. Oktober 04, 1999.
Russland räumt erste Verluste ein. Oktober 05, 1999.
Stille liegt über einer sterbenden Stadt. Oktober 07, 1999.
Russland lehnt Europdische Union als Vermittler ab. Oktober 08, 1999.
Für Moskau nur sanfte Worte. Oktober 08, 1999.
Tschetschenien und Berlin. Oktober 09, 1999.
Maschadow ruft die Nato zur Hilfe. Oktober 11, 1999.
"Es geht nicht um Kampf gegen den Islam, sondern gegen Terror". Oktober 11, 1999.
Russen greifen tschetschenischen Konvoi an. Oktober 11, 1999.
Der Geist Ilja Ehrenburgs geht um. Oktober 11, 1999.

Moskau erwägt Sturm auf Grosny. Oktober 12, 1999.
Die Lüge der Hilferufe. Oktober 12, 1999.
Eine Frage der Ehre - Moskau jagt den Staatsfeind Nr. 1. Oktober 13, 1999.
Moskaus Botschafter zeigt Mord-Video über Tschetschenien. Oktober 15, 1999.
Arzte ohne Vorbehalt. Oktober 16, 1999.
Am Tor zu Asien. Oktober 18, 1999.
Moskau bereitet Sturm auf Grosny vor. Oktober 18, 1999.
Russlands Poker mit den Nato-Staaten. Oktober 21, 1999.
Russische Truppen wollen Grosny einkesseln. Oktober 22, 1999.
Den Russen ist der Krieg nur recht. Oktober 23, 1999.
Westen besorgt über dramatische Lage in Grosny. Oktober 23, 1999.
Brьssel verurteilt - und verhandelt weiter. Oktober 23, 1999.
Der Tod auf dem Markt von Grosny. Oktober 23, 1999.
Russische Rache. Oktober 25, 1999.
Russland bombardiert weiter. Oktober 25, 1999.
"Moslems müssen einander helfen". Oktober 25, 1999.
Jelzin dementiert Bruch mit Putin. Oktober 26, 1999.
Russland setzt Kopfgeld auf Bassajew aus. Oktober 27, 1999.
Heftige Kämpfe vor den Toren Grosnys. Oktober 28, 1999.
Peteris Vasks: Leiden an den Schmerzen der Welt. Oktober 29, 1999.
In Grosny führt Russland Wahlkampf. Oktober 29, 1999.
Russische Truppen unter Zeitdruck. Oktober 30, 1999.
Einladung zur Enthauptung. November 01, 1999.
Russen schliessen Tschetscheniens Grenze erneut. November 02, 1999.
Russlands Militär warnt Moskau vor Ende der Kaukasus-Kämpfe. November 05, 1999.
Tschetschenien ist der Auftakt zur Revanche für den Putsch von 1991. November 05, 1999.
Adventszeit der Menschenrechte? November 06, 1999.
Nach den Bomben warten Kälte und Not. November 06, 1999.
Schwere Differenzen zwischen Militär und Kreml. November 08, 1999.
Putins Tage als Russlands Premier scheinen gezählt. November 10, 1999.
Das Töten wird zum Hobby. November 10, 1999.
Tschetscheniens Präsident: Russland begeht Völkermord. November 10, 1999.
Herr Kalaschnikow wird 80. November 11, 1999.
Keine Angst vor Russland. November 12, 1999.
Truppen erobern Gudermes und hissen russische Flagge. November 13, 1999.
"Die Presse hat sich den Streitkräften ergeben". November 13, 1999.
OSZE-Delegation Zugang zu Tschetschenien verwehrt. November 13, 1999.
"Nur militärische Ziele". November 15, 1999.
Im Schnellzug nach Nirgendwo. November 17, 1999.
Russland erwartet vom Westen nichts Gutes. November 18, 1999.
Russland wirft dem Westen Heuchelei vor. November 18, 1999.
Wohin rennst du, mein Russland? November 19, 1999.

Ergebnis im Zwielicht. November 19, 1999.
"Wir sind zum vollständigen Sieg verurteilt". November 19, 1999.
Jelzin gibt sich unversuhnlich. November 20, 1999.
Das Imperium schlägt wieder zurück. November 21, 1999.
Russland fühlt sich zu nichts verpflichtet. November 22, 1999.
Moskau feiert "Sieg" von Istanbul. November 23, 1999.
Der Krieger im Kreml. November 25, 1999.
"Krieg führt Russland ins Verderben". November 25, 1999.
Gänsehaut ist keine ausreichende Antwort. November 26, 1999.
Moskaus tschetschenische Fünfte Kolonne. November 27, 1999.
Russland forciert Angriffe in Tschetschenien. November 28, 1999.
Die Sicherheit Europas. November 28, 1999.
Plädoyer für Tschetscheniens Unabhängigkeit. Dezember 06, 1999.
Moskau lässt bitten. Dezember 06, 1999.
Moskau die Zähne zeigen. Dezember 08, 1999.
"Wir werden sie vernichten". Dezember 08, 1999.
Selbstmörder Russland. Dezember 09, 2000.
Maschadows Familie in russischer Hand. Dezember 09, 1999.
Ein Hauch von Kaltem Krieg. Dezember 10, 1999.
Entspannte Soldaten, fröhliche Kinder. Dezember 10, 1999.
Russisches Militär rückt weiter auf Grosny vor. Dezember 10, 1999.
Grosnys Schatten liegt über Helsinki. Dezember 11, 1999.
Zwischen Macht und Ohnmacht. Dezember 11, 1999.
Die Moskauer Kriegs-Koalition. Dezember 11, 1999.
"Ein kaukasisches Tschernobyl ist möglich". Dezember 11, 1999.
Nur wenige nutzen den Korridor. Dezember 13, 1999.
Kirchen warnen vor Völkermord im Kaukasus. Dezember 13, 1999.
Die Schweiz und die Geschichte. Dezember 14, 1999.
"In Grosny wird diesmal kein Stein auf dem anderen bleiben". Dezember 14, 1999.
Moskau will Kontakt mit Maschadow aufnehmen. Dezember 15, 1999.
Russische Armee intensiviert ihre Angriffe in Tschetschenien. Dezember 15, 1999.
Kurzes Schweigen, lange Reden für diese und für jene Opfer. Dezember 17, 1999.
Nebel verhindert Vollebaek- Besuch in Tschetschenien. Dezember 17, 1999.
Uberlegungen bei den "Grossen Sieben" zum Achten im Bunde. Dezember 18, 1999.
Erste Kämpfe im Zentrum von Grosny. Dezember 18, 1999.
Der Krieg und die Intellektuellen. Dezember 20, 1999.
Die G-8 rügen die russischen Angriffe gegen Tschetschenien. Dezember 20, 1999.
Der Hauptgewinn geht an Kriegs-Premier Wladimir Putin. Dezember 21, 1999.
Mit Kriegsgetun in die Duma. Dezember 21, 1999.
Moskau zeigt sich in Tschetschenien unerbittlich. Dezember 23, 1999.
Krippe der Religionen - ein Symbol für den Weltfrieden. Dezember 24, 1999.
Keine Gnade für Grosny. Dezember 24, 1999.
Kampf um Grosny tritt in entscheidende Phase. Dezember 27, 1999.

Mittelasien entzieht sich dem russischen Zugriff. Dezember 28, 1999.
Der Siegeszug des Antiliberalismus. Dezember 28, 1999.
Soldaten dringen ins Zentrum von Grosny vor. Dezember 28, 1999.
Russen stossen auf erbitterten Widerstand in Grosny. Dezember 29, 1999.
Putins Vasallen. Dezember 30, 1999.
Die schwere Hypothek des Krieges. Dezember 31, 1999.

2000

Jelzin und der Geist von Byzanz. Januar 02, 2000.
Wladimir Putin, der Präsident, der aus dem Nichts gekommen ist. Januar 02, 2000.
Die Angst vor dem täglichen Chaos. Januar 03, 2000.
Jelzins "historische Rolle" weltweit gewürdigt. Januar 03, 2000.
Machtübergabe in einer Phase des Aufschwungs. Januar 03, 2000.
Noch ist Russland nicht verloren. Januar 04, 2000.
Putin zeigt sich als Demokrat. Januar 04, 2000.
Tschetschenische Rebellen wollen Russen "vernichten". Januar 05, 2000.
Putin - eine Sache des Glaubens. Januar 10, 2000.
Der tschetschenische Fluch. Januar 10, 2000.
Moskaus Zentralbankchef verspricht einen "festen Rubel". Januar 11, 2000.
Putin rettet die russische Seele. Januar 12, 2000.
Nationalstaat. Januar 12, 2000.
"Jelzin war ein Revolutionär, Putin ist ein Manager" Russland. Januar 12, 2000.
Russen in Tschetschenien unter wachsendem Druck. Januar 15, 2000.
Die tschetschenischen Bojewiki. Januar 17, 2000.
Kriegseuphorie in Russland verfliegt. Januar 17, 2000.
"Ich will nach Hause". Januar 20, 2000.
Staatliche Gewalt, damit Frieden möglich wird. Januar 21, 2000.
Da sagte Boris Jelzin nur "Nu da". Januar 22, 2000.
Starke Worte gegen Fischer in der Moskauer Presse. Januar 22, 2000.
Fischer warnt vor Isolation Russlands. Januar 24, 2000.
In Grosny wird um jeden Strassenzug erbittert gekämpft. Januar 25, 2000.
Russland und die "Einheit". Januar 25, 2000.
EU verzichtet auf Sanktionen gegen Russland. Januar 28, 2000.
"Der russische Ku-Klux-Klan regiert mit Gewalt". Januar 29, 2000.
"Rüstungsaufträge stützen die Wirtschaft". Januar 31, 2000.
Rebellen drohen mit Angriffen in ganz Russland. Januar 31, 2000.
Es geht wieder um Abrüstung. Februar 01, 2000.
"Kein Krieg gegen Banditen". Februar 01, 2000.
"Putin will den Tiger reiten". Februar 02, 2000.
Die vier Säulen der Herrschaft Putins. Februar 03, 2000.
Moskau verstärkt Druck auf Journalisten. Februar 03, 2000.
Lage in Grosny angespannt - Kämpfe in den Bergregionen. Februar 05, 2000.

Tschetschenien: Radio- Journalist verschwunden. Februar 08, 2000.
Russland bombardiert nun das tschetschenische Bergland. Februar 09, 2000.
"Viele Russen haben sich verbiegen lassen". Februar 10, 2000.
"Eine Revanche des Generalstabs". Februar 12, 2000.
Maschadow führt Partisanenkrieg. Februar 17, 2000.
Russland muss sich dekolonialisieren. Februar 19, 2000.
Rebellen ziehen sich weiter in die Berge zurück. Februar 23, 2000.
Russland fürchtet Attentate von Tschetschenen. Februar 24, 2000.
Wer war hinter dem Stacheldraht? März 02, 2000.
Andrej Babitzki, zurück von einer Reise durch Putins Welt. März 04, 2000.
Rebellen töten 20 russische Polizisten bei Grosny. März 06, 2000.
Sieben Monate in Kellern und Erdlüchern. Marz 07, 2000.
Russland steht ein längerer Partisanenkrieg bevor. März 07, 2000.
Russische Fallschirmjäger töten in Tschetschenien 70 Rebellen. März 08, 2000.
Für die Ehre, gegen jede Sklaverei. März 08, 2000.
Tschetschenien: Geschichte wiederholt sich. März 09, 2000.
Russlands eigener Weg. März 09, 2000.
Grosny - eine geschlossene Stadt. März 10, 2000.
Moskau meldet Geländegewinn. März 11, 2000.
Putin will Tschetschenien unter Präsidialverwaltung stellen. März 13, 2000.
Russischer Geheimdienst verhaftet Rebellenführer. März 15, 2000.
Sergejew: Die Rebellen sind besiegt. März 16, 2000.
"Wir trinken auf die Hoffnungslosigkeit unserer Anliegen". März 20, 2000.
Putin reist im Kampfflugzeug nach Grosny. März 21, 2000.
Blutige Geschichte, nicht Virtual Reality. Marz 22, 2000.
Ein Tschetschene für den Kreml. Marz 25, 2000.
Russland kündigt Korrekturen seiner Aussenpolitik an. März 28, 2000.
"Putin ist ein Mensch des Krieges, er ist sein Symbol". März 28, 2000.
Raketentests als Morgengabe der Armee an den Wahlsieger. März 28, 2000.
"Für die Menschen kämpfen". März 29, 2000.
Der Krieg hat gerade erst begonnen. April 01, 2000.
Braucht Russland einen Pinochet? April 03, 2000.
UNO entsetzt über Lage im Kaukasus. April 04, 2000.
"Die Welt hat uns vergessen". April 07, 2000.
Moskau empört über Drohung des Europarats. April 08, 2000.
Legt sich Europa mit Russland an? April 08, 2000.
Half der BND Russland im Tschetschenien-Krieg? April 10, 2000.
EU packt Russland nicht härter an. April 11, 2000.
Bundesregierung bestätigt BND-Reise ins Kriegsgebiet. April 11, 2000.
Vorsichtige russische Annäherung an den tschetschenischen Präsidenten. April 12, 2000.
Maschadow: "Rebellen haben den Krieg mit Russland angezettelt". April 12, 2000.

Aussenminister Menagarischwili: Tschetschenien-Krieg könnte übergreifen - OSZE-Mandat soll Frieden sichern. April 13, 2000.

Das lange Warten auf den Frieden. April 14, 2000.

Strassenjunge, Judokämpfer, Präsident. April 17, 2000.

Menschenrechtler kritisieren, dass Russlands Präsident in London nicht nur bei Hofe hofiert wird. April 18, 2000.

"Keinen Frieden? Dann fresst Krieg!". Mai 06, 2000.

Russlands neue Kraft. Mai 08, 2000.

"Die Generale desinformieren den russischen Präsidenten". Mai 10, 2000.

"Wir haben tatsächlich begonnen, gute Nachbarn zu werden". Mai 10, 2000.

"Moskau hat Tschetschenien noch lange nicht im Griff". Mai 10, 2000.

Ende der Eiszeit zwischen Nato und Russland. Mai 26, 2000.

Russland verstehen. Juni 15, 2000.

Putin war da. Und nun? Juni 19, 2000.

Tschechien kann die Putin-Euphorie in Deutschland nicht teilen. Juni 28, 2000.

Russland fliegt Angriffe in Tschetschenien. Juli 01, 2000.

Wer Macht will, braucht Bomber, Reformen und Kälte. Juli 04, 2000.

Selbstmord-Attentäter tötet 50 russische Elite-Soldaten. Juli 05, 2000.

Russland verhängt Ausgangssperre über Tschetschenien. Juli 06, 2000.

Tschetschenen drohen mit entschlossenen Schlägen. Juli 07, 2000.

Das bange Warten der Angehörigen. Juli 08, 2000.

Putin kanzelt seine Generäle ab. Juli 08, 2000.

Russlands Militärführung ist alarmiert. Juli 19, 2000.

Kaukasus: Moskaus Marionetten streiten um die Pfründe. Juli 20, 2000.

"Rheingold" an der Newa. Juli 21, 2000.

G-8-Debüt für Russlands Präsidenten Wladimir Putin. Juli 24, 2000.

Wladimir Putin der Grosse. Juli 25, 2000.

Aufschub statt Schuldenerlass für Moskau. Juli 25, 2000.

In Russland tobt der Kampf um die Macht des Zentrums. Juli 27, 2000.

Der Westen muss Putin ernst nehmen. Juli 29, 2000.

Aus den Schründen der Welt. August 01, 2000.

Tschetschenen dementieren Verletzung von Präsident Maschadow. August 03, 2000.

Der Kreml sucht Kontakt zu Tschetscheniens Präsidenten. August 05, 2000.

In der tschetschenischen Sackgasse. August 07, 2000.

Zukunft ohne Strategie. August 07, 2000.

Zwei Kaukasier nach Bombenanschlag in Moskau festgenommen. August 09, 2000.

Das Militär steckt in einer Sackgasse. August 09, 2000.

Bombenanschlag in Moskauer Innenstadt. August 11, 2000.

Messias und Marktwirtschaft. August 12, 2000.

Die Bombe und die Folgen. August 12, 2000.

Kolumbianische Guerilleros entführen Forschergruppe. August 14, 2000.

Die Weltrevolution ist mit der Entfernung Lenins verweht. August 15, 2000.

Die Bombe des kleinen Mannes. August 16, 2000.

Russland bangt um die "Kursk" - Putin ist im Urlaub. August 18, 2000.
Wachstumsbranche Entführung. August 18, 2000.
Die Katastrophe des alten Denkens. August 19, 2000.
"Warum schwieg der Präsident?" August 21, 2000.
Ratlos auf der Brücke. August 21, 2000.
Strategischer Missbrauch der Katastrophe in der Armeeführung. August 22, 2000.
Das Geiseldrama als Farce. August 23, 2000.
Putins schwerer Weg nach Westen. August 26, 2000.
Das Feindbild lebt. August 29, 2000.
Sommer der Katastrophen. September 01, 2000.
In Grosny legen sogar 13-Jährige Sprengsätze. September 06, 2000.
Terrorismus - das ist Mord an friedlichen Bürgern. September 18, 2000.
Nicht die Büchse der Pandora öffnen. September 19, 2000.
Der Weltterrorist Nr. 1 entgeht knapp einem Anschlag. September 20, 2000.
Wir haben schliesslich daran geglaubt. September 21, 2000.
Kriegswolken über Zentralasien. September 28, 2000.
"Mit Russland den Motor Europas schaffen". September 30, 2000.
Impressionen von einem fast vergessenen Krieg. Oktober 06, 2000.
Dinner mit Putin. Oktober 09, 2000.
"Ein gewaltiger, nicht auszuhaltender Schmerz". Oktober 09, 2000.
"Angst verbreitete sich im Land". Oktober 14, 2000.
Der Soldat als Nationalsymbol. Oktober 18, 2000.
Tote Zivilisten kommen in den Statistiken der Militärs nicht vor. Oktober 28, 2000.
Ein Appell gegen den Krieg. Oktober 28, 2000.
Ein Gläschen gegen Stress. Oktober 28, 2000.
Russland und die EU nähern sich an. November 03, 2000.
Sie lassen einander nicht in Frieden. November 13, 2000.
"Keiner muss Angst vor einer Achse Berlin-Moskau haben". November 23, 2000.
Flugzeugentführung nach Israel endet unblutig. November 23, 2000.
Jelena Bonner ist kritisch geblieben. November 27, 2000.
Fischer und Iwanow weihten Mahnmal in Sachsenhausen ein. November 28, 2000.
Kritik an Moskau auf OSZE-Gipfel. November 30, 2000.
Putin sorgt sich um den Verbleib der Hilfsgelder für Tschetschenien. Dezember 09, 2000.

Приложение 2. Статья «Если враг не сдается…»

Рис.1. Первая часть (стр. 1)

КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ

Если враг не сдается…

Ситуация в Чечне в последнее время все более напоминала характер постепенно сжимающейся пружины. Блокированные в горах бандформирования, несмотря на предложения сложить оружие, продолжают оказывать сопротивление федеральным войскам. Сложная горная местность позволяет им укрываться от налетов авиации и артиллерийских ударов. Умения воевать и коварства бандитам не занимать. Они накопили силы и нанесли удар даже в период религиозных праздников, когда федеральные войска по приказу временно прекратили боевые действия.

AP

Бандиты не пройдут

В городах Шали и Аргун, где накануне боевики совершили попытку захвата железнодорожного вокзала, комендатуры, школы, а также заложников, приняты меры, чтобы исключить любые попытки сепаратистов изменить ход событий в свою пользу. Об этом заявил вчера командующий Объединенной группировкой российских войск на Северном Кавказе генерал-полковник Виктор Казанцев. В частности, группировка российских частей усиливается подразделениями Министерства обороны РФ и внутренних войск МВД России. По скоплениям и базам боевиков будут наноситься огневые удары.

"Нам надо прекратить это передвижение из одного населенного пункта в другой", — подчеркнул генерал." Кроме того, по его словам, принимаются и другие меры по усилению контроля за безопасностью в освобожденных районах республики".

Продолжение темы — стр. 3.

Рис.2. Вторая часть (стр. 3)

11 января 2000 года

КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ

За погибших отомстят друзья

Потери федеральных сил за минувшие сутки (Аргун, Шали, Гудермес) составили 26 человек погибшими и 30 — ранеными. Об этом сообщили вчера в пресс-центре Восточной группировки федеральных войск на Северном Кавказе. В Шали и Аргуне на настоящий момент обстановка стабилизировалась, некоторые объекты, занятые накануне боевиками, освобождены.

Огневые удары

Касаясь причин активизации боевиков в праздничные дни, генерал-полковник Виктор Казанцев отметил, что бандформирования воспользовались решением федерального руководства о временной приостановке боевых действий на период религиозных праздников. "Больше мы не будем верить Масхадову и пощады боевикам не будет", — заверил командующий.

Готовность номер 1

Сотрудники временного районного отдела внутренних дел из Ульяновской области, сводного отряда СОБРа и ОМОНа, продолжали вчера удерживать здание военной комендатуры в Шали. По уточненным данным представителя МВД РФ, в нападении на этот населенный пункт участвовали около 1,5 тысячи боевиков, которые заняли две школы и здание местной администрации. Все временные отделы внутренних дел Чечни приведены в готовность номер 1.

Агония чеченских «волков»

Российское военное командование расценивает вылазки боевиков в Аргуне, Шали и Гудермесе как теракты, а не как контрнаступление. "Речь не идет о каком-либо контрнаступлении или контратаке боевиков". Об этом заявил вчера первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил России генерал-полковник Валерий Манилов. "Когда зверя загоняют в угол, у него начинается агония", — считает он.

Их учили в «Хезболлахе»

Костяк чеченских вооруженных группировок прошел подготовку в лагерях "Хезболлах". Одновременно около года назад инструкторы этой мусульманской организации начали прибывать в Чечню, чтобы обучать боевиков террористическим методам, отработанным в течение десятилетий противостояния исламских фундаменталистов вооруженным силам Израиля. С таким утверждением выступил лондонский еженедельник "Санди телеграф". Чеченские вооруженные группировки, таким образом, являются составной частью международной террористической структуры.

("Российская газета" — пресс-служба МО РФ — ИТАР—ТАСС).

Приложение 3. Анкета-опрос

1. Пол:
   - ❑ мужской
   - ❑ женский

2. Возраст:_____

3. Место жительства (указать только населенный пункт или область и страну):_____

4. Национальность:_____

5. Образование: _____

6. Место работы или сфера деятельности: _____

7. Материальное положение:

   - ❑ Достаточно обеспечен (а);
   - ❑ Среднее;
   - ❑ Недостаточно обеспечен (а);

8. С чем у Вас ассоциируются следующие понятия:

   а) ***средства массовой информации*** _____

   б) ***лицо кавказской национальности***_____

   в) ***ислам*** _____

   г) ***война*** _____

   д) ***межнациональный конфликт*** _____

   е) ***терроризм*** _____

   ж) ***мусульмане*** _____

   з) ***Чечня*** _____

   и) ***Россия*** _____

9. Укажите основные источники, из которых Вы получаете информацию о вооруженных конфликтах (война в Персидском заливе, Югославии, северокавказский конфликт 1994-1996 гг., война в Дагестане в августе 1998 г., конфликт в Чечне 1998-2001 гг.)
Распределите источники в порядке их значимости по баллам. (Галочкой можно отметить все источники; обязательно указать их значимость: 1, 2, 3, 4, 5).

   - ❑ Телевидение;_____
   - ❑ Пресса;_____
   - ❑ Радио;_____
   - ❑ Общение с друзьями, знакомыми, коллегами и т.п._____
   - ❑ Другой: _____ (укажите, какой)._____

10. Доверяете ли Вы указанным источникам информации? Почему?

   - ❑ Да (так как: _____).
   - ❑ Нет (так как: _____).

11. Обсуждаете ли вы с друзьями, знакомыми, коллегами информацию о вооруженных конфликтах в современном мире? Почему?

   - ❑ Да, часто. (так как _____).
   - ❑ Да, но редко (так как _____).
   - ❑ Нет. (так как _____).